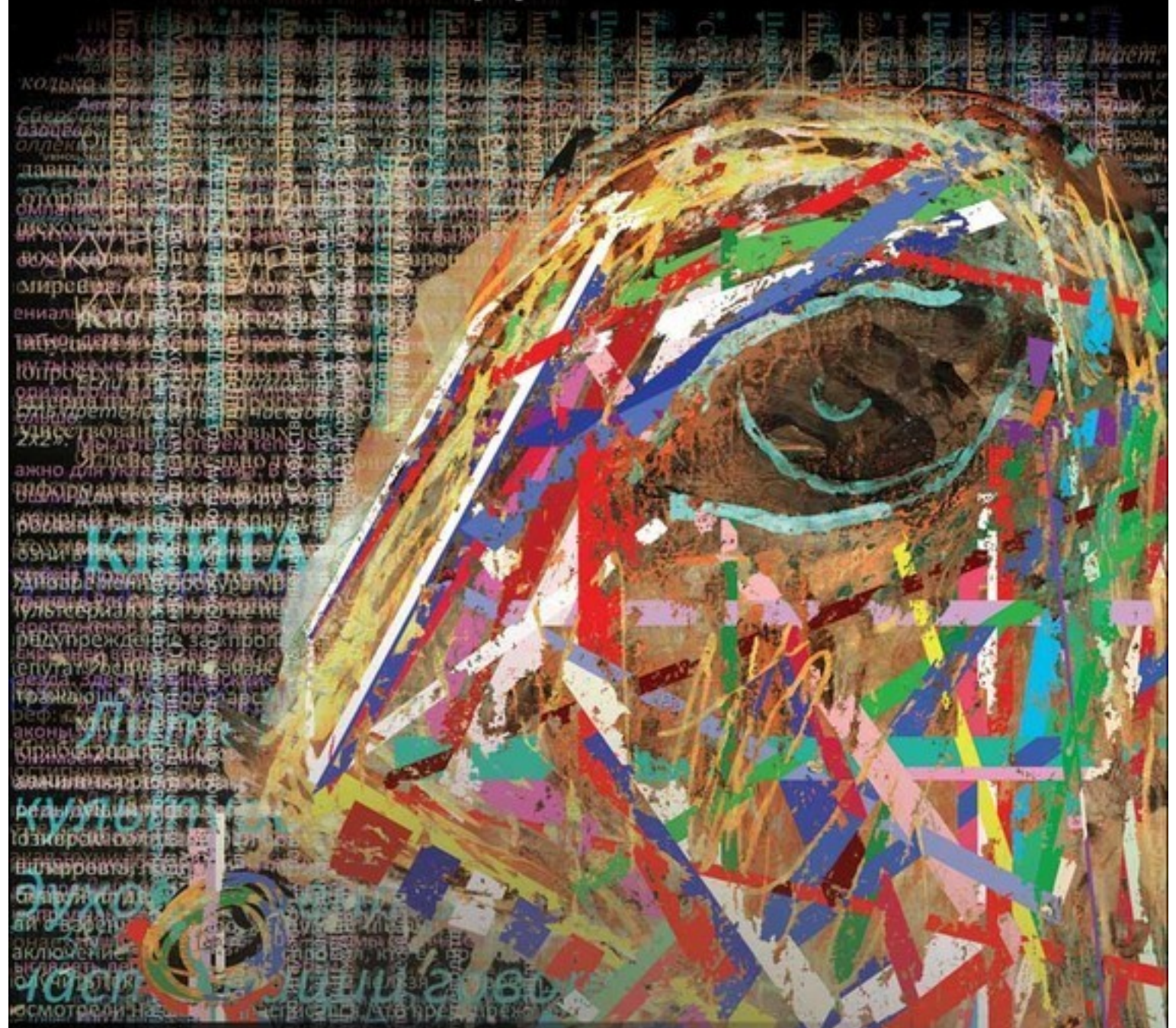

ДМИТРИЙ ГУБИН

РУССКИЙ РУЛЕТ, ИЛИ КНИГА МАЛЫХ ФОРМ Игры в парадигмы

...силы составить список кн

Дмитрий Губин

**Русский рулет, или Книга
малых форм. Игры в
парадигмы (сборник)**

«Автор»

2013

Губин Д. П.

Русский рулет, или Книга малых форм. Игры в парадигмы
(сборник) / Д. П. Губин — «Автор», 2013

«Жанра „малой формы” в отечественной журналистике до XXI века не было. Писали много, изобильно, сытно – все как Дмитрий Быков. А уж если бы кто рассказал о публицистических перспективах твиттера – померли со смеху. Малая форма сложна не потому, что нужно небольшим количеством слов описать нечто сложное, а потому, что метод простой экономии тут не годится. Ну, опишите кратко что-нибудь большое – например, любовь, Россию или слона. Необходимы другие приемы...»

© Губин Д. П., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Предисловие	8
Часть 1. Парадигма денег	9
РАШЕН БЬЮТИ	9
НАЙМИТЫ ГОСУДАРСТВА	10
ЭЛИТНЫЕ ГЕТТО	11
ХВОСТ ВИЛЯЕТ ТЕАТРОМ	12
ЛЮБОВЬ НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ	13
МОЕ «ФЭ» НИКИТЕ ЯВЕЙНУ	14
А КОГДА ВЫ, РЕБЯТА, СОБИРАЕТЕСЬ ЖИТЬ?	15
МЕЛОЧЬ НЕ ПОРОК	16
ПАРТИЙНЫЕ ОБЩЕСТВА С ВЫПЛАТОЙ ДИВИДЕНДОВ	17
ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ЗА РУЛЕМ	18
СВЕРХТОВАРЫ ДЛЯ СВЕРХДЕРЖАВЫ	19
ВИП-ИНФИЦИРОВАННЫЕ	20
НИ СТЫДА, НИ СОВЕСТИ	21
Часть 2. Парадигма власти	23
ЗУБЫ ДРАКОНА	23
БОЖЬЯ РОСА НА ГЛАЗАХ У ФЕМИДЫ	25
5 ВОПРОСОВ К ПРЕЕМНИКУ У ПРИЕМНИКА	26
ПУТИН КАК НАШЕ ВСЕГДА	27
ЛЕГКИЙ ЗАВТРАК В ОЖИДАНИИ ОБЕДА	28
ПРОЩАНИЕ С ВВП	29
ОН РУССКИЙ. ЭТО МНОГОЕ ОБЪЯСНЯЕТ	30
«ЯБЛОКО» ОТ ЯБЛОНЬКИ	31
КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА	32
ДЕНЬ СУРКА, ИЛИ ОККУПАНТЫ И ОККУПИРУЕМЫЕ	33
СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕВЕСИТ	34
ВЫСТРЕЛЫ ПО ЭРЦГЕРЦОГУ В ЦХИНВАЛИ	35
ВЕЛОСИПЕД И ВЫСШИЙ СУД	36
ОСЕНЬ ПАТРИАРХА, ИЛИ СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА	37
И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЕОНИД ИЛЬИЧ!	38
ЭКОНОМИЯ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ	39
ИДЕТ ОХОТА НА ВОЛКОВ	40
РЫНКА НЕ БЫЛО И НЕТ	41
ПЧЕЛЫ СНОВА ПРОТИВ МЕДА	42
ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ!	43
РОБИН ГУД ПРОТИВ ПУТИНА	44
РОССИЙСКИЙ БЮРОКРАТ КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ	45
ЕВРОПЕЕЦ	
NOIZE MC СЕГОДНЯ КАК ЮРИЙ ШЕВЧУК ЗАВТРА	46
ОПИСКА В НАСЕЛЕНИИ	48
ЛУЖКОВ, СТАЛИН, СТИЛЬ И СМЕРТЬ	49
А ЕЩЕ ОН ПОЕТ	51
ВРЕМЯ – НАЗАД	52
О БЕДНОМ МУБАРАКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО	54
КАК БОДАЛАСЬ ЭЛЛОЧКА С ДУБОМ	55

ИСТОРИЯ ЧУЧХЕ ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ДО КАДДАФИ	57
У НАС ОБРАЗОВАЛОСЬ СТРАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	58
ЦЕНА И ЦЕННОСТИ	59
Часть 3. Парадигма общества	60
ЕСЛИ В ТРУБАХ НЕТ ВОДЫ	60
ЖИЗНЬ В АРЕНДУ	61
ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ. НО ПРОТИВНЕЕ	62
ХАМЫ ГОРОДА ПИТЕРА	63
НОВЫЙ МУЛЬТСЕРИАЛ ПРО СТАРУЮ РЕПКУ	64
ЯСНО ВСЕ, КАК «2Х2»	65
НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЫКЛЮЧИТЬ ТЕЛЕВИЗОР	66
С ДНЕМ ПОБЕДЫ	67
КОНЕЦ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА	68
ПРОЩАНИЕ С ОБМАНУТОЙ ЛЮБОВЬЮ	69
МОРАЛЬ В БОРЬБЕ С ЗАКОНОМ	70
ТАК ВОТ О ЧЕМ ВСЕ ТАК МЕЧТАЛИ	71
МЫ ПОПАЛИ В ЗАПЕНДЮ	72
И КТО ИЗ НИХ ВРАГ ПРАВОСЛАВИЯ?	73
ТЕПЕРЬ ЗДЕСЬ БУДЕТ ОФИС	74
Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ	75
БИТВА ШТАНГИСТОВ С ТАНЦОРАМИ	76
ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ СРЕДЬ НОВОСТРОЕК ТЮРЕМ	77
ТВОЯ МОЯ НЕ ПОНИМАЙ	78
ОЖИДАНИЕ ГРОЗЫ ПОД СТЕКЛЯННОЙ КРЫШЕЙ	79
ВЫСШАЯ КУЗНИЦА КАСТ	80
НАШ КАФЕДРАЛЬНЫЙ ЗАБОР	81
МОЙ ДРУГ КАК СРЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК	82
ФЕДЕРАЛЬНОЕ КИДАЛОВО	83
ТОВАРИЩ СТАЛИН КАК КЛЮЧ К ВЕЧНОСТИ	84
УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО	85
С ШИРОКО ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ	86
ЧЕМПИОНЫ ПО КИДАНИЮ ПОНТОВ	87
РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ КАК ПУГАЮЩЕЕ	88
ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ	
КАК ЛЕЧИТЬ ПОТЕРЮ ПАМЯТИ	89
СМИ НАРОДНЫЕ И ИНОРОДНЫЕ	90
МЕЧЕТЬ В ОКНЕ ХАТЫ, КОТОРАЯ С КРАЮ	91
ГАЙКУ ОТВЕРНЕШЬ – ЗАДНИЦА ОТВАЛИТСЯ	92
О ВКУСАХ СПОРЯТ	95
ПУСТЬ НОВЫЕ МИФЫ ПРИДУМАЕТ ЖИЗНЬ. НЕ НАДО,	96
РЕБЯТА, О МИФЕ ТУЖИТЬ	
ЧАПАЕВ И ПУСТОТА	97
ВСЕ СВОБОДНЫ	98
ЭЛЕКТРОННО-ЧЕРНИЛЬНАЯ ДУША	100
ДОСТАЛО И ДОСТАЛИ	101
ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ	102
ПОЭТ И ГРАЖДАНЕ	103
В МЕТРО И ЗА РУЛЕМ	104

Часть 4. Парадигма жизни	105
ОСНОВНАЯ И ФИЛИАЛ	105
ЕХАЛИ МЕДВЕДИХИ НА ВЕЛОСИПЕДЕ	106
ГЕННО-МОДИФИЦИРОВАННАЯ ОЛИМПИАДА	107
РАЗГРЕБАЯ КУЛЬТУРНЫЕ СУГРОБЫ	108
РАЗМЫШЛЕНИЯ АЛКОГОЛИКА ПРИ ВЫБОРЕ ТРЕЗВОСТИ	109
ФАКУЛЬТЕТ (НЕ)НУЖНЫХ ВЕЩЕЙ	111
БРОСИТЬ ВСЕ, УЕХАТЬ В ГОА	112
МИР КАК ТЕЛЕВИЗОР	113
ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ	114
СЫНОЧКИ-МАТЕРИ	115
СМЕНА ВЕХ	116
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ	117
К ВОПРОСУ О ВЕЧНОСТИ	118
НЕЖИВЫЕ, ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ	119
MP3-ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ	121
КОГДА ТЕЛЕВИДЕНИЕ УМЕРЛО	122
БУРИДАНОВ ОСЕЛ XXI ВЕКА	123
ЖИЗНЬ ПО ИНСТРУКЦИИ	124
ВСЕ СВОЕ НОШУ С СОБОЙ	125
МОЙ ТОСТ ЗА ТО, ЧТО МЫ НЕ ВИНОВАТЫ	127
«ДОМОДЕДОВО» И ЧИКАТИЛО	128
ЧУВСТВО ДОСТОИНСТВО КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ	129
Часть 5. Русская парадигма	130
ВЕЛИЧИЕ ТЕЛЕКОМА	130
ОСТАНОВИТЕ МУЗЫКУ!	131
ПИР ВО ВРЕМЯ ПОБЕД	132
ЛЮБОЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ	133
НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА. АПТЕКА, УЛИЦА, ФОНАРЬ	134
ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ ВЕДЕТ К ТЕМ ЖЕ ЦЕННОСТЯМ	135
ЧТО БУДЕТ ЧЕРЕЗ ПЯТИЛЕТКУ	136
КРАСНОЕ КОЛЕСО	137
НАСТУПАЯ СНОВА НА ГРАБЛИ	139
ЕГЭ: НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ	140
КОГДА Ж ОНО ВСЕ КОНЧИТСЯ	142
РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	143
НОМО POSTSOVETICUS	144
НА СМЕРТЬ ТРАХТЕНБЕРГА	145
САПСАНОВЫЙ БУНТ	147
ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ КАК ПРИЛОЖЕНИЕ К РОССИИ	148
РОССИЯ ВО МГЛЕ И В СВЕТЕ	149
НАЛОГ НА РОДИНУ	151
СТАРОСТЬ ДЛЯ НИХ ДАВНО КОНЧИЛАСЬ	152
НИ ПЯДИ РОДИМОЙ ЗЕМЛИ	153
ВСЯ РОССИЯ – НАШЕ САДОВОДСТВО	155
ПРАВА И ДОРОГИ	156

С РАДОСТЬЮ НАСТУПАЯ НА ГРАБЛИ	157
ЧТО ЖЕ БУДЕТ С РОДИНОЙ И С НАМИ	158
КОГО НАМ ЛЮБИТЬ: РОДИНУ ИЛИ ИСТИНУ?	160
БРАТСТВО КОНЦА, ИЛИ ПОЧЕМУ РОССИЯ – РОССИЯ	161
АЙ, ЦВАЙ – ПОЛИЦАЙ!	162
ЛУЖКОВ, БОЛЛ, СОВЕСТЬ И СТРАХ	164
НЕФТЬ И ЛАДАН	166
ПАТРИОТЫ В ЗАКОНЕ	168
НАША РАША, ИЛИ ПРИЗНАКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ	169
СИЛЬНЫЕ РЫБКИ В РУССКОЙ ВОДЕ	171
СУМАСШЕДШИЙ ТРАМВАЙ	172
КНИГА НЕ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК	174
БОЯЗНЬ РЕВОЛЮЦИИ	175
ЛЮБОВЬ К ПРОСТРАНСТВАМ И СТРАХ РАСПАДА	176
В ЧЕМ БОГАТСТВО РОССИИ?	177
Часть 6. Иноземные варианты	178
О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ	178
СНОВА ДОГНАТЬ АМЕРИКУ	179
НЕСВАРЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ	180
О ПОЛЬЗЕ ДЕЙСТВЕННОГО ПОКАЯНИЯ	182
СТАРАЯ ЕВРОПА И НОВЫЙ ПЕТЕРБУРГ	183
МЯСО БЕЗ КОСТЕЙ НЕ НАРАСТАЕТ	184
СИДЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ ХОЛМЕ	185
БРАТ КАИН, ЗВОНЯЩИЙ ПО МОБИЛЬНОМУ	186
ДОГОНИТ ЛИ КИТАЙ АМЕРИКУ?	187
ОШИБКА ФУКУЯМЫ	188
ПРИНУЖДЕНИЕ К СЧАСТЬЮ	189

Дмитрий Губин

Русский рулет, или Книга малых форм. Игры в парадигмы

Предисловие

Жанра «малой формы» в отечественной журналистике до XXI века не было. Писали много, изобильно, сытно – все как Дмитрий Быков. А уж если бы кто рассказал о публицистических перспективах твиттера – померли со смеху.

Малая форма сложна не потому, что нужно небольшим количеством слов описать нечто сложное, а потому, что метод простой экономии тут не годится. Ну, опишите кратко что-нибудь большое – например, любовь, Россию или слона.

Необходимы другие приемы.

Например, тот, который приписывают хранителю итальянских гравюр Эрмитажа Аркадию Ипполитову: «Сходство – х...я, образ главное».

То есть я вполне допускаю, что Аркадий Ипполитов – блестящий, с моей точки зрения, публицист и эквилибрист подручной лексикой, включая обценную – ничего подобного никогда не говорил, однако сам он всю жизнь пользовался этой идеей. И вообще неважно, кто и что говорил. Неважно даже, с чьим именем связали. Важно, что стали использовать.

Образ, парадигма, концепция порой делают сложное явление куда более ясным, – подобно тому, как нарисованная на клочке бумаги схема помогает путнику больше, чем детальная аэрофотосъемка.

Так что вот вам набор парадигм: если хотите, путеводитель по новейшему периоду нашей истории с 2007 по 2012 год.

ДГ

Часть 1. Парадигма денег

РАШЕН БЬЮТИ

Прошу прощения за вступление, за которые в приличных газетах бьют морду, – но во времена СССР... этой великой державы... – жизнь граждан состояла из дефицита и очередей, причем дефицитом было все. А в ГУМе или «Гостинке» очереди занимали навскидку, даже не зная, за чем.

Такая жизнь, понятно, нервировала и раздражала. Куды прете. Редкие сволочи были советские граждане в очередях.

Когда же этакая держава рухнула – что стало, боже ж ты мой, трагедией и катастрофой – был сделан вывод, что когда исчезнет дефицит, то все станут добры.

Мечты сбываются: любой теперь может купить в кредит иномарку. Однако место прежнего хамства (за которым стояла извращенная, но родственность душ) заняло нервическая стервозность. И чем дороже магазин, тем градус стервозности выше; в бутики же, не попив валерьянки, лучше вообще не заходить.

Продавщиц там можно понять: у них ноги от шеи и выдающиеся во всех смыслах груди, но покупатели везут на Рублевку и в Комарово не их, а колечки от Tiffany. И покупателей можно понять: они без колечка от Tiffany не получают того, чего когда-то получали по любви, по пьяни, по глупости, – но бесплатно. То есть ситуация такова, что сегодня в России общаются не люди с людьми, а деньги с деньгами. А если бы деньги были живыми, они бы непременно нервничали – от того, что их переплачивают или вкладывают не туда.

В принципе, тема нервной расплаты за подмену людей деньгами – не только российская. Скажем, American Beauty – фильм наполовину об этом. «Осторожно, ты прольешь на диван!» – «Но это же просто диван!» – «Нет, это не просто диван!» – и все, больше ни любви, ни семьи. В России этот сценарий прокручивается повсеместно. Забота о детях – это хорошие логопед, ортодонт, школа, репетитор, вуз. Забота о родителях – это отвоз на дачу, привоз продуктов. А на стыках людей и денег – сбой и крик: «Ты разрисовала обои! Ты хоть понимаешь, во что нам обошелся ремонт!» «Мама, что ты сделала с газонокосилкой! Она стоит безумных денег!»

Ну да, вложения не окупаются; деньги нервничают. В России нынче все сплошь деньги, и все можно за деньги, и деньги дико злятся, если чего-то нельзя, и библикают у тебя за спиной (потому что их бибибалка дороже твоей), и будут бибикать.

Знаете, почему сейчас, почти как в СССР, все так и нетерпимы, и злы, и нервны? Потому что все есть, а счастья нет. И каждый ждет, когда все обанкротится. Там даже повод будет неважен – отказ ли Европы от углеводов или неэффективность зажавшейся власти.

И все это понимают, но все пока только и делают, что делают деньги.

2007

НАЙМИТЫ ГОСУДАРСТВА

Дама, у которой я снимаю в Москве жилье, допытывается с пристрастием:

– Димочка, сколько процентов в нашей стране бизнесменов?

– Около десяти, – вяло отмахиваюсь я.

– Почему тогда за «Яблоко» проголосовал только один? Почему один за СПС? Нашим бизнесменам, что, нравится нынешняя власть?

– Не нравится, но они за стабильность, – мямлю я не вполне уверенно: сайт Regnum.ru открывается с заголовка «Большинство опрошенных бизнесменов согласны на частичный пересмотр итогов приватизации».

– Они – дураки?! – вскрикивает дама, непримиримая демократка.

Как ей объяснить? Еще в 1980-х Борис Грушин, патриарх российской социологии, читал лекции о психологии масс. В массах, говорил Грушин, уживаются, как в Библии, взаимоисключающие суждения: на каждый призыв к миру – требование меча, и на каждую мечту о прянике – вера в полезность кнута. Что, кстати, ловко используется пастырями стад. И поведение российского бизнеса, знающего цену своему государству, но голосующего за «Единую Россию»; соглашающегося на частичный отъем бизнеса, но кричащего, что его удушают, – социальной психологией вполне объяснимо.

Неясно другое: почему бизнесмены ведут себя не как класс, а именно как стадо, толпа? Грушин, увы, умер – но мое личное объяснение таково. Наши бизнесмены вообще не бизнесмены в европейском смысле: то есть они не собственники, извлекающие из собственности доход. Бизнесмены у нас ощущают себя слугами государевыми, которым государь даровал, на известных ему одному условиях, собственность, – и которым он дозволил с этой собственности кормиться. То есть, если проще, наши бизнесмены – наемные работники при государстве. Наемный работник нередко работодателя недолюбливает (вот они власть и ругают), но в правильности системы не сомневается (вот они за едроссов и голосуют). У российских бизнесменов даже расходы в духе наемных работников: прежде всего, на личное потребление. Отсюда и дикие их хоромы, и такие же нравы. Чистота Балтийского моря или красота Карельского перешейка – уже забота не их, а доброго государя и его злодеев-министров, которые мудрую идею государеву, конечно, испоганят. Но не упразднить же двор?

Главный итог такого положения дел – это общее вечное ощущение, что так жить нельзя. Один мой знакомый бизнесмен обрисовал ситуацию:

– Мы все, Дим, как брокеры на бирже: понимаем, что однажды все рухнет, но тренд прет вверх, и все надеются закрыть позиции перед крахом.

Вот ведь глупый какой человек! Ничего в России не рухнет.

Просто овец будут стричь.

Ну, и накануне пикника – резать.

2007

ЭЛИТНЫЕ ГЕТТО

В Москве я был на одной презентации в пентхаусе в «Алых парусах». К метро «Щукинская», где местные посасывали пиво из горлышка, за журналистами был выслан лимузин.

Путь до «Парусов» (полчаса пешком) мы проделали за час, поскольку он был часом пик. Потом стояли на въезде в очереди из «бокстеров» и «кайенов»: охранник у шлагбаума мучительно долго отделял агнцев от козлиц. Потом ждали у лифта: персональный подъемник в 480-метровый лофт был рассчитан на семью из трех персон, и то если третьей была собачка, умеющая в сумочку второй. Кто-то плюнул и ушел. Я дождался и попал в бетонную клетку стоимостью \$10, если не ошибаюсь, миллионов. На террасе дул неприятный, но неизбежный для 38-го этажа ветер. Вечер был убит – по предварительному сговору и группой лиц.

Я не первый раз вижу, как люди, заработавшие значительные деньги, с невероятным упорством тратят их на то, чтобы испортить себе жизнь, от жизни отгородившись. 5-метровые заборы в Горках-11, наглухо перекрывающие не только лес, но и небо. Столики в VIP-зонах «Дягилева» и First Stars по цене от \$5000, расположенные так, чтоб уж точно не потанцевать.

Глупо думать, что «это Москва». Съездите в Питере на Крестовский остров на выходных, подойдите к «Пятому элементу». Там приезжие гопники (родные братья тех, у «Щукинской») гычут и тычут в элитный дом, обсуждая – кто, мля, в теремочке живет. Охрана, упакованная в черное, испуганно жметя друг к другу. Туда бы Эйзенштейна, снимать второй «Октябрь». А ведь, поди, люди вкладывали миллионы, рассчитывая на респектабельную жизнь. Вряд ли респектабельно чувствовать себя зверем в зоопарке.

Впрочем, все жители Крестовского почувствуют себя в клетке гетто, как только заселится хотя бы треть из возводимых 153 тысяч метров жилья: единственный мост и сегодня удушен пробками, а метро обеспеченный класс презирает. И я не о кризисе инфраструктуры (хотя да, неплохо бы отобрать у государства мосты, а заодно безобразно работающую почту) – а о той заносчивой гордости, с какой это дорогое жилье приобреталось. Разумнее же было не гордиться, а бороться, чтобы тихий, зеленый остров не убивался многоэтажной застройкой: он же убит.

Наш человек вообще, чуть выбравшись из гетто нищеты, мгновенно создает такое же, только из золота. У него атрофирована ответственность за мир вне забора.

Кстати, так отгораживались не всегда. Дореволюционное устройство Петербурга – его цепочки дворов – предполагало, что в одном доме живет и генерал, и какой-нибудь шорник: просто в разных дворах и на разных этажах. Что не мешало им христосоваться на Пасху.

Я не идеализирую тот Петербург (закон о кухаркиных детях и черта оседлости возводили социальные преграды повыше заборов) и уж тем более не пугаю революцией. Но у тех, что загоняют себя в VIP-гетто, растут, между прочим, детки. Такие, знаете, умные мальчишки и прогрессивно настроенные девочки, которых тянет познать «настоящую жизнь» вне ограды.

И некоторые из них, вырываясь, познают: с последующими подростковыми беременностями (от гопников), наркозависимостями и положительными реакциями на ВИЧ. Я такие случаи знаю.

После этого поздно рвать волосы, что не проехался вовремя с детьми до ЦПКиО на метро.

ХВОСТ ВИЛЯЕТ ТЕАТРОМ

Мы с женой на открытии сезона сходили на «Пиковую даму» в Михайловский театр. То, что мы увидели, оказалось копией того, что происходит в стране.

Михайловский, если кто не знает – это живущий в тени Мариинского петербургский оперный дом номер два: пасынок судьбы, которому всегда доставалось и денег пожиже, и теноров поплоче. Но в этом году перед началом сезона случился ажиотаж. Елена Образцова возглавила в театре оперную часть, Фарух Рузиматов – балетную. Сделали молниеносный ремонт. Устроили vip-ложи. Словом, попали под золотой дождь. Туча, из которой дождь лил, имела имя: новым гендиректором стал миллиардер, магнат плодоовощного рынка Владимир Кехман. И тратил он на театр миллионы. За что мы с женой были готовы аплодировать ему стоя, потому что футбольный клуб любой дурак купит, а ты вот оперу приобрети!

Обновленный театр превзошел ожидания. В зале пять ярусов – серебром по белому; в фойе – бомонд двух столиц; в буфете от Tiffany Café оладушки с икрой и «Вдова Клико».

И вот заиграли увертюру, взвившись, взлетел занавес – и началась наизусть знакомая сцена в Летнем саду. И мы вздрогнули. Потому что для нас «Пиковая» – опера домашняя, слушали мы ее тьму раз, и с Марусиным, и с Галузиным, а тут случай выдавался такой, что мы избегали друг на друга смотреть от стыда. То есть оркестр был ничтожен, а голосов не было вообще, и Германн ночью в спальню к графине заходил так, как в офис заходит распространитель «Гербалайфа». Ну, разве графиня-Образцова умирала на сцене так замечательно, что я чуть не заорал сдуру «бис!»

И вот во втором антракте (после него партер стал на треть пуст) мы спросили себя: ну как же так? Ведь миллионы в ремонт вбуханы? Звезды оплачены? Костюмы шикарные пошиты? Так почему ж?!

И объяснение получалось таким. В России сейчас все сводится к простой формуле: больше денег – круче результат. Но в искусстве часто дает сбой: Пелевин за вдвое больший гонорар вдвое лучший роман все равно не напишет.

Наверное, Владимир Кехман действительно гений банановых закупок. Но для успеха в опере, боюсь, важно другое: реветь белугой от тусклой игры секции духовых, бывать на прослушиваниях и репетициях – и даже, боюсь, собачиться при необходимости с Еленой Образцовой. Не говоря уж о том, что музыкой нужно жить, сходя от любви к ней с ума. Деньги тут важны, но вторичны: Дягилев подтвердит.

Смешно, кстати, но с оперой сегодня в жизни нашей страны вообще полная аналогия. Руководство театра вот-вот поменяется, инвестиции льют водопадом, евроремонт под Олимпиаду проводится, критика игнорируются, партитура «Жизни за царя» роздана, хор распевается: «Славься, славься, русский народ».

Неужто ж в итоге тоже получится, как у Кехмана?!

2007

ЛЮБОВЬ НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ

Даже очень богатый человек, если захочет, не сможет купить сегодня сотню бутылок Chateau Petrus или Mouton Rothschild. Даже на фьючерсном винном аукционе en primeur в Бордо.

Такое количество человеку со стороны попросту не продадут: урожай уже зарезервирован за проверенными дилерами. И Bentley Brooklands богачу придется ждать два года: очередь. И квартиру в бывшей «Мытне» с видом на Эрмитаж и Стрелку (30 тысяч евро за метр) он вряд ли сможет купить: поговаривают, дом на свободный рынок не выйдет. И даже пентхаус в «Европейской» на июнь в марте не забронировать: забронировано другими.

Все правильно. Мультимиллионеров в мире все больше. А роскошных квартир, машин, вин – столько же. Это гонит цены вверх и приводит к дефициту. Чтобы по-настоящему вступить в клуб богачей, нужно либо запастись терпением (что отравляет радость обладания богатством), либо рекомендациями (что нивелирует силу денег). Либо и тем, и другим: ждите, пока под Москвой будет построен Агаларов-сити, а потом ждите одобрения владельцев на покупку вами дома, а потом живите по правилам: фейерверков не палить, газон стричь раз в неделю.

Однако именно то, что золотой ключик застрял в золотых дверях, оставляет, как ни странно, простор для первооткрывателя. Рядом с торными путями миллиардеров обнаруживаются тропинки с не менее впечатляющими пейзажами. Не купить квартиру «с видом» в Питере? Но 500-летние фантастические дома в Марракеше стоят вдесятеро дешевле. От соотечественников не протолкнуться на лондонской Сэвил-роу? В Италии можно пошить костюм у им пока не известного Луиджи Бьянджи Мантова. Прелесть нехоженых маршрутов давно оценили фанаты вина. Пока нувориши платят в московском Ritz Carlton 60 тысяч евро за бутылку «петрюса», они исследуют испанские семейные бodega и французские «пти шато».

В конце концов, знаменитый Роберт Паркер, на оценки которого сегодня ориентируются винные цены, когда-то начинал именно так: просто пробовал еще не ставшие знаменитыми вина и не стеснялся высказывать свою точку зрения.

2008

МОЕ «ФЭ» НИКИТЕ ЯВЕЙНУ

Абсолютная убежденность, что деньги и есть мерило жизни, влияет на профессии. Например, архитекторы сегодня думают о размерах квартир, но не об их планировках.

А, спрашивается, зачем? Жилье все равно покупают не для проживания, а для инвестиции; на цену планировка не влияет; те идиоты, что собираются в купленном жилье жить, все равно заказывают перепланировки на стороне. Я тоже на этом попался.

15 лет назад я купил квартиру в Петербурге в «сталинском» доме, спроектированном знаменитым Фромзелем – тем самым, что в паре с Гурьевым застраивал после войны пустыри на Каменноостровском проспекте (у Аркадия Райкина квартира была как раз в таком доме). Когда пришла пора ремонта, мне с проектом помог тогда никому не известный Андрей Шаров – тот самый, который ныне «Рейнберг & Шаров» и автор прелестнейшего, на мой взгляд, Омега House у Казанского собора. Андрей в идеях Фромзеля мало что поменял – так, убрал одну стенку и добавил парку линий, раскрывших пространственные сокровища, а в остальном «декорировал уголки». И, должен сказать, 4-комнатная 110-метровая квартира, без единого впустую потраченного метра, до сих пор потрясает компактностью и рациональным устройством пространства.

Недавно я купил еще одну квартиру – в новом доме, построенном Никитой Явейном, которого чтит никак не меньше Фромзеля или Шарова. Собственно, красота дома и привлекла. Однако квартирой была, увы, тяп-ляп спроектированная 60-метровая «однушка»: кухня, комната и чудовищный, сожравший половину цены коридор.

С мольбой о перепланировке я обратился к двум знакомым архитекторам, потом снова к Шарову, но лучше всех оказался вариант молодого таланта Родиона из мастерской Доминика Перро – их как раз кинули с «Мариинским-2», работа стояла. Как выяснилось, на 60 метрах вполне можно разместить кухню, столовую, гостиную, спальню, ванную при спальне, гостевой туалет с душем и даже прихожую. Правда, за это знание я заплатил.

Спрашивается: а что, Явейну за проект не заплатили? Или заплатили только за стены?

Я разочарован. Не то чтобы у Явейна по сравнению с Фромзелем школа не та – но уроки оказались извлечены явно не те.

2008

А КОГДА ВЫ, РЕБЯТА, СОБИРАЕТЕСЬ ЖИТЬ?

Недавно глава «Ренессанс Управление инвестициями» Алекс Кочубей, рассуждая об инвестициях в произведения искусства (он тонко подметил связь между состоянием фондового рынка и ценами на живопись), дал очень смешной совет.

Имейте в виду, предупредил Кочубей: прежде чем купленная картина вырастет в цене, могут пройти годы и даже десятилетия, которые вам придется ее терпеть, – а потому покупайте то, что нравится.

Но смеялся я не над Кочубеем, а над тем, что ему приходится давать подобные советы. В том, что жизнь описывается языком финансов – люди как облигации с купонным доходом, семья как совместное предприятие, дети как инвестиции в старость – есть разумное начало, позволяющее относиться к жизни иронично и не закисать, подобно Обломову, на диване. Но когда этот язык превращается в единственно возможный – тут впору кричать. Или давать советы.

Длинноногая блондинка как инвестиция: имейте в виду, что прежде чем объект полностью амортизируется, вам его придется терпеть в качестве производительницы инвестиций в старость. Квартира как инвестиция: имейте в виду, до фиксации прибыли вам в инвестиции придется жить. Картина на стенке: ну, тут уже все сказал Кочубей.

Мне ужасно хочется спросить тех, для кого жизнь стала сплошной инвестицией: а когда вы собираетесь жить? Я знаю пару несчастных и одиноких (хотя женатых) богатых людей. Они, воспринимающие жизнь как инвестицию, никак не могут принять, что главная ценность семьи состоит в любви и во всех этих «пусиках» и «котиках»; что главная ценность квартиры – в том, что видишь в окне то заснеженный парк, то радугу; а ценность картины – в том, что смотришь и наглядеться не можешь.

Поэтому, если такая картина (или квартира) продается, надо покупать, насколько хватает средств. Собственно, это Кочубей и хотел сказать, но, как воспитанный человек, испорченной финансовым языком публике сказать это прямо не смог.

2008

МЕЛОЧЬ НЕ ПОРОК

«Это вам на бедность», – продащица в киоске со злобой швыряет мне монетки, которыми я пытался заплатить за минералку. Обычное дело!

Продащица мало зарабатывает – и видно, что вообще жизнью недовольна. Своим жестом она компенсирует разрыв между собой и покупателем, на нее глупо злиться.

А я мелочь с благодарностью прячу в кошелек: во-первых, мне нечего компенсировать, а во-вторых, я часто делаю покупки в вендерных автоматах. А им не объяснить, что недостающий рубль – это, братан, типа, совсем ноль, ну че ты жмотишься, дай шоколадку!

Не даст.

Для автоматической программы не важно, должны вы ей копейку или миллион – важно, что должны. Я как-то по глупости допустил грошовый овердрафт в банке – и потом имел бледный вид, когда мне закрыли кредит. Или вот в программе для лояльных пассажиров «Люфтганзы» мне не хватает нескольких миль для получения статуса Частого Путешественника (а это, между прочим, 40 кг багажа бесплатно, бизнес-зал в аэропорту и тьма прочих льгот) – но мне программу не уболтать. И это резонно: «сведи за пенни, а уж фунт проследит за собой сам», как говорят англичане.

17 лет назад, когда я впервые попал за границу, мне объяснили, что на любую покупку дороже \$20 разумно смотреть как на инвестицию. Сегодня инвестпорог, с учетом инфляции, можно поднять до \$50, но идея по-прежнему недурна. Как и идея с уважением относиться даже к грошовой экономии: если ты тем самым и не меняешь свою жизнь, то, быть может, влияешь на что-то другое (и это причина, по которой я распечатаваю на струйном принтере черновики на обороте использованной бумаги: где-то уцелеет дерево, не срубленное ради бумажного производства).

Кто его знает, как сложится наш баланс добрых и недобрых дел к концу жизни. Тому, кто держит в руках весы, вряд ли бросишь в лицо мелкую добродетель со словами: «Это на бедность!»

2008

ПАРТИЙНЫЕ ОБЩЕСТВА С ВЫПЛАТОЙ ДИВИДЕНДОВ

Простые, но политические активные люди не знают, как, скажем, оценивать создание на обломках СПС новой партии с кризис-менеджерами из Кремля. Или, например, поглощение «Справедливой Россией» Партии социальной справедливости. Многие вообще ничего понять не могут.

Эти люди родились давно и привыкли искать в действиях партий идеологию. Их так воспитали. Хотя пора бы кончать ребячиться (как говаривал граф Пален, протягивая Александру I шарфик, которым задушил Павла I): для меня все российские партии уже давно – акционерные общества. Более или менее открытого типа. И это не цинизм – сплошное ума наблюденье.

Взгляните: вот акционеры СПС кипятятся по поводу отсутствия идеологии у «Единой России». И в самом деле, идеологии в классическом смысле нет. А в экономическом – очень даже есть. Членство в «Единой России» – это покупка акций крупнейшего политического ОАО в расчете на дивиденды. Ровно в таком же смысле нет идеологии и у СПС: там так и не дали оценки Владимиру Путину, а отец-основатель партии Анатолий Чубайс прекраснейше врос в госструктуру, пустил корни и собирается процветать. Именно связи менеджера РАО ЕЭС с менеджерами ОАО СПС держали акции СПС на плаву. Нет Чубайса – рухнул СПС: партбилеты оказались мусорными облигациями.

Откройте глаза, посмотрите вокруг! От коммунистов до экологов, от защитников выдр до социалистов, – все озабочены одним: получением прибыли от деятельности своих обществ. Идеи манифестов никто не пишет. Об абортах, однополых браках, праве на оружие, – то есть о том, о чем, скажем, спорят республиканцы с демократами в США, – одно ОАО с другим ОАО не спорит. И изменять страну если какое ОАО и хочет, то исключительно в интересах партийного бизнеса. И это взгляд, конечно, варварский, но верный.

Собственно, я к тому, что пора законодательно признать этот порядок вещей. Пусть будут в России партийные ОАО. Пусть устраивают goad-show и проводят IPO. Пусть акции (членство в партиях) торгуется на бирже. И закон о партиях должен быть не политическим, а экономическим. Членство простое и привилегированное, условия партийной оферты, местонахождение держателя реестров... (Но роль последнего годится ЦИК).

Тогда и далекие от политики граждане, глядишь, увидели бы в партиях смысл. А руководители партий-ОАО увидели бы смысл в прозрачности и были бы предупреждены об ответственности. А мы бы по ежедневным котировкам – а не раз в 4 года – знали бы об оценке инвесторами партийной работы и могли бы потребовать на съезде акционеров снять, скажем, с должности гендиректора Бориса Грызлова. Или продлить полномочия Григория Явлинского.

И не крутите пальцем у виска – все это именно так в нашей стране и происходит, только скрыто и для избранной группы лиц. А политических партий в России нет, потому как нет больше политики – впала в кому, уничтожена, умерла.

Кстати, как вы думаете, насколько обрушил показатели голубых партийных фишек нынешний кризис?

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ЗА РУЛЕМ

Я только что проехал на машине 750 километров от Петербурга до Москвы за 8 часов, – фантастика! Последние годы обычно не укладывался и в 10. И даже аварии не встретил ни одной. Зато трупики сбитых кошек и собак – просто тьму.

Повысившаяся скорость объясняется просто: кризис. Стало меньше грузовиков, и особенно – автопоездов с иномарками. Именно они раньше превращали движение по узкой дороге в кошмар и утрамбовывали в пробку последние 100 км перед столицей.

Число убитых животных объясняется тоже просто: хозяева съехали с дач и выкинули вчерашних любимцев на улицу.

Хочешь не хочешь, а находишь аналогию с грядущими сокращениями. И я сейчас даже не о КЗОТе, – я о справедливости. О том, простите, ответе, в котором мы за тех, кого приручили, – внедряя, например, корпоративную культуру и прочие рабо– (как увольняемым теперь кажется) владельческие погрешности.

Ведь те владельцы, которые ради «оптимизации бизнеса» отправят на улицу своих людей, настаивая (опять же ради «оптимизации») на «увольнении по собственному желанию» и «соглашению сторон» (а самое простое – не продляя договора подряда) – они что, уже снесли в ломбард свои сервисы от Розенталя? Выбрасывая вон вчерашних офисных любимцев с невыплаченными банковскими кредитами – они что, поставили в равное положение собственные семьи? Или ждущий сокращений госаппарат – что, он выставил на аукцион свои лимузины или хотя бы постановил выключать ради экономии подсветку зданий после двенадцати ночи? Или все эти люди и правда считают, что людишки – пыль, и что бога и совести нет, и что ради денег можно все?

Я сам недавно был работодателем: главредом журнала. Когда мой журнал продали – о чем мои подчиненные еще не знали – я уговорил одного из них подождать, а не увольняться «по собственному», ведь иначе он лишился двухмесячной компенсации.

«Ты как руководитель поступил некорректно», – сказал тогда один мой коллега.

Но, подпрыгивая на трассе Питер-Москва на тропике очередного Дружка, я вдруг подумал о том, что это главное, чем я, как работодатель, горжусь.

2008

СВЕРХТОВАРЫ ДЛЯ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Летом 2004-го мне позвонили от крупнейшего московского девелопера и предложили написать рекламную брошюру, «смысл которой в том, что жилье в будущем будет только дорожать, а потому надо покупать».

Я тогда жил в Лондоне, по объектам компании пройтись не мог и, чтобы отказать в вежливой форме, запросил немислимый гонорар. На что заказчик с необыкновенной легкостью согласился. Человек, хорошо знавший положение дел изнутри, объяснил, что для девелопера-гиганта рост цен – единственный шанс выжить: старые объекты достраиваются на деньги, собранные с новых, а в 2004-м речь на рынке недвижимости вдруг пошла о стагнации. «Так что дери с них, старик, сколько хочешь. Змея пожирает собственный хвост, и не остановится».

Слава богу, у меня хватило ума – а точнее, стыда – в этом не участвовать.

Ныне ясно, что самопожиранию было отпущено 4 года – достаточный срок, чтобы избежать самоубийства. Однако цены на жилье за этот период росли так, что заставляли верить в вечную жизнь, ибо превратили недвижимость в сверхтовар. А сверхтовар – это не просто товар с магическим свойством сохранения и преумножения вложенных средств. Сверхтовар – это товар, в котором прочие свойства, кроме инвестиционных, несущественны. Словом, все пока-тило по схеме «тюльпанового бума» в Нидерландах в XVII веке, когда луковица стала стоить дороже коровы и интересовала как средство обогащения, но не цветок.

Ведь точно таков и российский жилищный бум. Вот, скажем, в 2005-м петербургская компания ЛЭК рекламировала жилой комплекс «Серебряные зеркала». Разумеется, «элитный» (о, сладость терминов животноводства!). Тогда в недостроенных «Зеркалах» «однушку» можно было купить за \$35 тысяч. В 2006-м те же квартиры стали стоить 40, потом 70, потом 140 тысяч, причем не на первичном рынке (застройщик уже все распродал), а вторичном, и дорожал именно сверхтовар, а не квартиры, потому что «Зеркала» не были достроены ни в 2006-м, ни в 2007-м, ни в 2008-м (ЛЭК в это время уже рекламировал новый «элитный» комплекс, «Граф Орлов»). Боюсь, эти сверхквартиры не станут квартирами и в 2009-м, и в 2010-м, потому что для превращения их в жилье надо расчистить стройплощадку, пустить лифты, навесить двери, установить унитазы и т. д. Год-другой точно пройдет.

Дело не в ЛЭК – примерно так вели себя все российские девелоперы. Все торговали сверхтоваром, являвшимся, если разобраться, полуфабрикатом.

Теперь, когда змея сожрала не только хвост, но и голову, когда стройки встали, все обсуждают: насколько должны упасть цены, чтобы начать говорить о «выздоровлении рынка»?

Так вот: рынок выздоровеет не тогда, когда упадут цены. А тогда, когда застройщики, во-первых, станут предлагать (как во всем мире) действительно квартиры, куда можно сразу въезжать с ребенком, кошкой и диваном – а не голые инвестиционные метры в периметре голых стен. А во-вторых, когда деньги покупателя будут идти действительно на его жилье, а не на перекредитование новых строек.

Суммарно это будет означать как исчезновение квартирного сверхтовара, так и превращение России из сверхдержавы просто в пригодную для жизни страну.

ВИП-ИНФИЦИРОВАННЫЕ

Мой знакомый, успешный и циничный бизнесмен, еще лет 10 назад посмеивался, если я затыкал уши при рекламе какого-нибудь «ВИП-отдыха» или «элитного» стирального порошка. «Ты, Дима, мешаешь нам забрать у людей деньги, которые они платят не за порошок, а за то, что мы их сделали на минуточку принцами и принцессами, то есть позволили сыграть в элиту».

Мои жалкие возражения, что термин «элита» имеет отношение к спариванию крупного скота под руководством зоотехника, отметались с ходу: знакомый доверял рекламистам, призывавших простаков «окупиться в изысканный респект вип-парфюма в элитном бутике». Дела шли неплохо. Респект парфюма раскупали.

Правда, в набирающем обороты вип-инфицировании России меня сильно смущали две вещи. Во-первых, получалось, что вип-статус можно купить, в то время как подлинный статус – штука непродажная. Звезды поднимаются по красным фестивальным дорожкам не потому, что их места в зале проплачены, а потому, что над их игрой смеется или плачет весь мир. И желанный гость усаживается в красный угол, потому что любят его, а не его кошелек. То есть у нас под видом элиты и випа втюхивалось что-то противоположное.

Второе же – смущало отсутствие счастья на лицах вип-покупателей. По идее, новоявленные принцы на балу жизни должны были наслаждаться и радоваться появлению получившей вип-статус Золушки. Однако они щурились исподлобья, и даже владельцы «мерседесов» вели себя так, как будто в полночь их тачки превратятся в тыквы.

Много чего элитного я за последние годы перевидал: элитную гречневую крупу, элитную туалетную бумагу и даже элитную могилу на элитном кладбище. Но недавно встал в тупик, когда в прачечной меня спросили, желаю я обычную стирку или же «вип». «А что такое вип-спирка?» – спросил я в потрясении, и получил незамедлительный ответ: «Это когда стирают не со всеми, а отдельно».

И я прозрел. Знаете, что такое российский элитный статус? Это не когда ты вместе с Золушками или с принцессами, а когда отдельно ото всех, как в элитной могиле. И холодно тебе от многопудья мрамора, и плохо, и кричишь, да не слышит никто – потому что ты сам сюда напросился.

2009

НИ СТЫДА, НИ СОВЕСТИ

Мой пасынок вторые – нет, кажется, уже третьи – сутки сидит в «Шереметьево». В Стамбуле его ждет девушка: романтическая поездка, новый, черт его побери, год. В «Шереметьево» – настоящий ад, нет ни вылетов, ни прилетов, информации ноль, от «Аэрофлота» никто не выходит, что делать, никто не знает, спят на полу, цены в кафе адовы, люди стучат ящиками по полу и готовы сорвать злость на ком угодно.

Срывают.

Вот, депутат Оксана Дмитриева, также застрявшая в «Шереметьево» (там многие, кстати, избранники застряли – например, вице-спикер Светлана Журова; она еще и с детьми) – Дмитриева, чуть не матерясь, рассказывает, что из шереметьевского ада полупустым вылетел в Петербург борт с Борисом Грызловым. Пресс-служба Грызлова это опровергает, но кто этой службе верит? Напротив, все верят, что любой высший путинский чиновник, случись нужда, легко пойдет по головам. И хоть женским, хоть детским. Я же говорю: страсти кипят, срывается злость.

Я сам с трудом сдерживаюсь, хотя сижу в теплой квартире с едой, водой, интернетом. Но я опытный путешественник. На задержки, опоздания и отмены сам не раз попадал. В Риме как-то мой самолет, едва взлетев, пошел на посадку, и рейс был отложен на сутки. В прошлом году вместо Ростова меня посадили в Краснодаре, где, как кукушка в часах, каждые три часа объявляли о задержке еще на три часа, и через девять часов мы выбили себе заселение в гостиницу барачного типа с названием «Вахтовик», в которой, если вы думаете, что в номерах не было душа, то ошибаетесь. Душа там не было на всем этаже. А месяц назад я почти сутки не мог вылететь из Волгограда из-за плотного, как кисель, тумана. И еще у меня были проблемы с вылетами в Испании, Ирландии, Англии, и многократно – в России. Плюс этим летом я попал в недолгий – слава богу! – петербургский блэкаут, и понял, что это значит: нет света, нет воды в сортире, не работают бензоколонки, минералки не добыть – кассы не пробивают.

Словом, shit happens. Другое дело, какой алгоритм – автоматически – начинает выполняться в куче свалившегося на людей дерьма.

Мне, например, точно известно, что в таких условиях из всех видов связи работает более-менее одна: сотовый телефон. И Lufthansa, которой я много летаю (я участник программы для «частых путешественников» Miles & More) шлет мне sms-сообщения обо всех изменениях рейса (но шиш мне хоть раз что прислал «Аэрофлот», хотя у меня «серебряный» статус в программе «Аэрофлот-бонус»). И что, например, интернет – тоже отличное средство массового оповещения (просто во время коллапса в аэропортах wi-fi надо делать бесплатным). А еще после задержки моего рейса из Мадрида в Валенсию авиакомпания «Иберия» извинялась и прямо на борту выдавала ваучеры на бесплатный полет. Или, вон, во Франкфурте в «чистой» зоне все пересадочные рейсы обеспечивают бесплатной водой и кофе, так что неплохо бы и нам такое устроить... А говоря шире – в каждом российском аэропорту должен быть четкие правила поведения в условиях ЧП.

Тут я должен был бы поставить точку – с чувством, как водится, глубокого удовлетворения. Но не могу, и не только потому, что каждые полчаса звоню то пасынку, то знакомому начальнику из «Аэрофлота», то в справочную «Шереметьева».

Дело в том, что российский аэропортовый коллапс – ну, а если хотите, и вообще российский коллапс – развивается по одному и тому же алгоритму. Это главный алгоритм последнего российского, единоросского, общерусского десятилетия, и он звучит так: «Главное – деньги, а на тех, кто без денег, мы положили с прибором». Вот почему владельцы кафе и магазинчиков в «чистых» зонах не отпускают воду бесплатно никому, даже детям, но вместо того

накручивают цены. Вот почему в «домодедовской» «Евросети» требуют деньги за подзарядку телефонов, даже если звонить нужно срочно, а наличные за три дня ожидания иссякли. Вот почему в «Шереметьево» слышны голоса вышедших из себя пассажиров, но не представителей «Аэрофлота», которые вместо того, чтобы организовать пассажиров в группы, выбрать старших, переписать у этих старшин телефоны – потому что так проще информировать, помогать! – трясутся от страха потерять работу, но не совесть. Если у вас нету совести, то вам ее не потерять.

В стране вообще почти не осталось ни стыда, ни совести: ни внизу, ни вверху... простите, звонит телефон: прервусь.

...ну вот, звонил тот самый аэрофлотовский начальник... Сказал, что еду и воду в аэропорт подвозят, но что по пути половину разворовывают. И что точной информации по вылету рейсов он сам не смог раздобыть. Но что накануне он весь день в «Шереметьево» провел и весь этот ужас сам видел. А потом добавил: «Все случилось потому, что все думают о финансовых показателях, а не о людях. Можешь так и написать, только на меня не ссылайся...»

Я и написал.

2011

Часть 2. Парадигма власти

ЗУБЫ ДРАКОНА

Многие разумные, образованные люди, стоит заговорить о бюрократии – а русский чиновник растет количественно и, в смысле доходов, качественно, – вдруг превращаются в карасей-идеалистов.

Они полагают, что можно создать такую систему оценки чиновников (например, по скорости обслуживания посетителей) или провести такую реформу (например, разделив министерства на ведомство-заказчика и комитет-исполнителя), что чиновные дядечки и тетечки, умеющие лишь жаловаться на зарплату и губить посетителей, превратятся в цыпочек и лялечек, друзей человека. Мухтар, ко мне!

И чем ближе разумный и образованный человек к власти, тем больше он в такой технократический подход верит.

Большинство подобных людей – от Дмитрия Козака до Михаила Дмитриева – воспитывалось в советское время, однако так и не стало ни достаточно советским, чтобы перенести на бюрократию теорию о классовом обществе, – ни антисоветским, чтобы прочесть в самиздате «Новый класс» Милована Джиласа. Югославский коммунист еще в 1957-м написал (и получил в качестве гонорара 7 лет тюрьмы) книгу, в котором определил и место бюрократии в обществе (она живет за счет не производства, а перераспределения), и ее внутреннюю структуру (номенклатура есть механизм кадрового обновления).

Я когда-то знакомством с этой не бог весть какой сложности идеей был потрясен. Оказывается, чиновник – это не формалист-крючкотвор (с чем и во времена СССР власть великодушно разрешала бороться), а представитель класса, всегда и везде стремящегося захватить не ему принадлежащий продукт.

Иначе говоря, чиновничество – это класс, стремящийся уничтожить институт собственности, пожрать чужой труд: бактерия на клубне, лиана на дереве. Если собственность сильна, жизнь с паразитом превращается в симбиоз: бюрократия контролирует вторичное распределение, создавая питательный слой для мелкой социальной флоры (да, пожалуй, и фауны). Но стоит институту собственности ослабнуть – гибнет весь лес.

Взгляните на IPRI, индекс прав собственности 2007 года: Норвегия в нем на 1 месте, Великобритания – на 6-м, Россия – на 63-м (выше Нигерии, ниже Пакистана). Теперь догадайтесь, в какой из стран – 6-й или 63-й – граждане получают паспорта для выезда за рубеж за 3 дня и по почте, а в какой – через месяц и после слез в очередях. Из какой страны бизнесмены сбегают – а в какой уверены в защищенности бизнеса.

В России бюрократия всегда была невероятно сильна не в силу размеров территории (или мечтательности славянской души), а из-за слабости собственности. До революции собственность ограничивалась общиной или монархом. После революции собственность исчезла вообще, и началась чиновничья вакханалия, когда от сохи и станка все разбрелись кто в культ, кто в полит, кто в просвет, – в общем, в учреждения. Худшее время нашей бюрократии – ельцинские реформы, создание класса собственников, массовый исход в частный бизнес. Новый ренессанс бюрократии – Путин, ограничение отношений собственности лояльностью режиму, посадка Ходорковского, навязчивые предложения продать (передать) бизнес «нужным людям», нередко аффилированным с питерскими чекистами.

И этот наезд, и новейшие поправки в законах, позволяющие под шумок сочинской олимпиады изымать «в интересах государства» землю и жилье, лучше всего показывают, что в России в ближайшее время число чиновников только возрастет. Их аппетиты – тоже.

Чтобы бороться с бюрократией, нужно бороться не с бюрократией.

Нужно защищать права собственности.

Но для этого в стране должны жить собственники, а во главе должен стоять их защитник.

2007

БОЖЬЯ РОСА НА ГЛАЗАХ У ФЕМИДЫ

Совпадение, но в те дни, когда фамилия вице-президента ЮКОСа Алексяня стала известной публике, я дочитывал «Сажайте, и вырастет» Андрея Рубанова.

Когда прогрессивная часть публики возмущалась, что смертельно больного человека не выпускают из «Матросской тишины», я примерно уже представлял, как именно его содержат. 140 человек в камере, рассчитанной на 30; сон в 4 смены; язвы и туберкулез; стопроцентная влажность при +40 летом; вывоз на суд с такими иезуитскими пытками, что приговора ждешь, как избавления. Именно это Алексяня и проходит, при условии, конечно, что за него не отстегивают деньги (тогда помещают в VIP-камеру на шестерых). Но вряд ли: похоже, людей из ЮКОСа велели мочить до конца. И даже если Алексяня перевели в тюремную «больничку», то это для него означает улучшение условий содержания, но не здоровья: в тюрьмах не лечат.

То есть я хочу сказать, что мучают в России до суда, всячески укорачивая жизнь, не только Алексяня, но и любого в тюрьму попавшего, включая тех, кому повезет быть признанными невиновными. И об этом, даже сочувствуя Алексяняну, не худо бы помнить: не факт, что чашу эту пронесут мимо меня и вас.

Помните ведь, как мы узнали, что у Алексяня СПИД? Нам сообщил прокурор, хотя разглашение медицинского диагноза, вроде бы, – преступление. Но ведь прокурору платит не закон, а государство, а потому он на стороне государства, а не закона. Точно так же, если помните, стало известно, что обвиняемый в убийстве банкира Козлова банкир Френкель является гомосексуалистом. Сокамерникам Френкеля это стало известно даже раньше нас, ибо на завтрак они удивительным образом получили газету «Жизнь» с подробнейшим описанием фотографий и фильмов, найденных при обыске у Френкеля. Но тайна следствия и личной жизни у нас охраняются опять же законом, который ничто против государственных интересов в виде интересов заинтересованных лиц.

Так что купите Рубанова, полистайте. Не думайте, что перехитрите всех: бывают, знаете ли, времена, когда либо тебя сжигают на костре – либо ты подбрасываешь хворост в чужой костер. И пути в таких случаях за бугор перекрыты, и Фемида – непременно на довольствии у поджигателей.

2008

5 ВОПРОСОВ К ПРЕЕМНИКУ У ПРИЕМНИКА

Недавно, включив радио, я был потрясен. Выступал – нет сомнений – Владимир Путин. Но что-то у него случилось с голосом, как будто президента подменили пародистом Галкиным.

На самом деле, по радио выступал Дмитрий Медведев, – просто он копировал один к одному все интонации Владимира Путина. Не верите – послушайте как-нибудь к Медведеву сами.

Когда преемственность власти обеспечивается на таком нано-уровне, персональных вопросов к власти – типа, сколько я буду получать на пенсии, если сейчас зарабатываю до фига – не возникает. Так же глупо спрашивать Медведева, допустим, про то, когда в России появятся хорошие автодороги. Ясно, что при тотальной преемственности все останется как прежде – что с пенсиями, что с дорогами.

Но глупые детские вопросы у меня остаются. Скажем, позволит ли Медведев новому ректору СПбГУ Кропачеву делать то, что делала прежняя ректор Вербицкая, ради дочерей Путина разрешая им заочное образование на факультетах, где заочного образования нет, – когда станет студентом сын Медведева Илья? Будет ли он, как Путин, отмечать День семьи в кругу чужой семьи? И будет ли предупреждать заранее о своем намерении покататься на лыжах в Красной поляне, чтобы другие знали, что в этот день им там кататься будет запрещено?

Или вот еще важный вопрос. В «Аэрофлоте», как мне шепнули на ухо, вместо обычного первого класса собрались было ввести два новых – «президент» и «премьер-министр», и сегодня бедные ребята не знают, какой из них должен быть главнее. Так какой?

И последнее – если Путин решит вернуться в президенты, то будет ли Медведев представлять его в качестве своего преемника?

А других вопросов у меня к Медведеву нет.

2008

ПУТИН КАК НАШЕ ВСЕГДА

В избрании Владимира Путина председателем «Единой России» (не смотрел телевизор – но, полагаю, избрали единогласно) есть два аспекта – тактический и стратегический.

Тактический объясняет, почему человеку, невероятно – если верить просачивающейся «из-за стенки» информации – уставшему от власти, понадобилась еще одна властная площадка?

А стратегический касается судьбы каждого, интересующегося историей страны, а потому знающего, что последние 500 лет в России существовавший строй был неизменен: это самодержавие. И конструкция, при которой самодержец уходит в визири, а на троне формально утверждается преемник, может быть лишь византийским политическим трюком.

Вот трюк и разъяснился. Главная функция странной на взгляд европейца партии (то есть вовсе не партии) «Единая Россия» – это контроль парламента. Вплоть до устройства импичмента преемнику, если тот вдруг и впрямь возомнит себя самодержцем. А чтобы народ, если вдруг случится такое, отнесся к Медведеву как к Лжедмитрию, авторитета унылого Грызлова будет мало. Тут будет нужен Путин.

В общем, с момента превращения Путина в председателя партии Медведев превратился в зиц-председателя России.

То есть похоже, что Путин теперь не просто наше все, но и наше всегда.

2008

ЛЕГКИЙ ЗАВТРАК В ОЖИДАНИИ ОБЕДА

Самарская областная дума предложила изменить закон в отношении некоммерческих и общественных организаций.

Изменения таковы: все госструктуры (вплоть до МИДа) обязаны в 5-дневный срок сообщать всю информацию о деятельности известных им НКО в Федеральную Регистрационную Службу, а нерадивых ударят рублем. Ну, а сами НКО обязаны стучать на себя вообще со скоростью механического зайца, бьющего лапами в барабан.

Возможно, из Самары-городка федеральные проблемы лучше видны, – а крики из Европы, что общественники в России в очередной раз получили по мордам, там не слышны.

Я лично кричать не буду, по банальной причине: я в этих НКО работал. И в Internews, возглавлявшихся ставшей впоследствии невозвращенкой Мананой Асламазян, и в «Русско-немецком обмене», и в «Фонде независимого радио». Опускаю идеологическую часть (сводящуюся неизменно к учебе региональных коллег), но остановлюсь на организационной. Нигде я не подписывал столько бумажек и не платил так честно налоги, как там. НКО дико боялись обвинений в мошенничестве, а потому стремились быть прозрачнее стекла – и таковыми были уже тогда, когда в Смольном мне еще платили в конверте (когда платили в конверте? В 1996-м, во время предвыборной кампании Анатолия Собчака. Кто? Люди из штаба Анатолия Собчака. Напомнить, кто этот штаб возглавлял?).

То есть наехать самарским манером на НКО – это как наехать танком на море.

На самом деле, проблема не в НКО, а в росте чиновничьих инициатив. Лужков после взрыва газа в доме в Останкино тут же потребовал создать комиссии по слежке за перепланировками. А Россвязьохранкультура на днях потребовала от обладателей wi-fi согласовывать частоты с ФСБ. И ведь ясно, что в море волны не регистрируешь – так, спрашивается, на кой черт?

А на тот, что государственный Молох достиг размера, когда пища нужна постоянно.

Пока что он закусывает маленькими.

Потом начнет пожирать сам себя.

2008

ПРОЩАНИЕ С ВВП

Когда-то поэт Давид Самойлов заметил, что строй в России сильнее власти, отчего власть нередко бодается со строем. Именно такое бодание заметно сейчас, когда Владимир Путин оставляет президентский пост.

Как российское сознание колеблется от оголтелого славянофильства до бескомпромиссного западничества, так и происходящее в стране объясняется то исключительно действиями героев, то чаяниями народных масс. Последние 8 лет российской истории были временем героев. Точнее, героя: вот окончилась зима, наступило лето, лично Путина В.В. поблагодарим за это.

Стилистика времени Владимира Путина копирует стилистику застоя не по чьему-то злumu (или добromu) умыслу. Стилистика в России – это форма, обложка, упаковка общественного строя, то есть договора между управляемыми массами и управляющей властью. Вот уже сотни лет российский строй неизменен: народ отказывается от ответственности за судьбу страны, полностью делегируя ее власти – а власть, в свою очередь, обещает народ либо кормить, либо давать кормиться. Правитель, неукоснительно соблюдающий договор, и становится героем. С этой точки зрения, Владимир Путин – безусловный герой. Ведь это при нем окормление народа автомобилями, сотовыми телефонами и пивом ста сортов стало повсеместным и раблезианским. С точки зрения договора власти и народа, это важнее, что провал пенсионной реформы, развал здравоохранения, сокращение протяженности автодорог на 7 % (данные экономиста Владимира Милова) или тотальная коррупция. Коррупция – то же окормление, она договору не противоречит. До Путина (при Горбачеве и Ельцине) люди были голодны, при Путине они стали наедаться до отрыжки: следовательно, Путин герой. Народ (по договору) приписывает власти свои заслуги (так Сталину народом-победителем была приписана победа в войне).

Другое дело – переход Владимира Путина в статус первого, но все же министра (ни один из министров последнего времени не был героем, кроме Шойгу, но нет наводнения или пожара – нет и Шойгу). Политологи говорят: вот, смотрите, Путин стал председателем партии и теперь будет контролировать парламент вплоть до объявления импичмента; а вот он переподчинил себе губернаторов; значит, центром власти теперь будет премьер. Эээ, полноте. Это бодания власти. А народ хочет продолжать потреблять. Начиная с Горбачева он усваивал, что падение (или рост) потребления – вина (или заслуга) исключительно президента, который ныне молод, энергичен и знает языки. А премьер-министр – это технический человек, его можно рекрутировать из торговцев мебелью или разжаловать в послы. Будем мы еще разбираться! Наш президент молод и энергичен, его зовут Медведев, премьер не должен ему мешать, а если рыпнется – пошлем послом в Германию. Говорите, он объявит импичмент? А в «Единой России» – что, не русские люди?

Но конструкция «президент наш герой» устойчива, пока можно брать иномарки в кредит и кредит отдавать. Как только окажется, все иномарки стоят в пробке, или что мидл-класс достиг возраста болезней и пенсий, или как нефти найдется замена, – вот тут-то и обнаружится, что герои лишь выполняют желания масс, а в противном случае летят с пьедесталов.

Так что прощайте, Владимир Владимирович. Или попробуйте стать опять президентом.

ОН РУССКИЙ. ЭТО МНОГОЕ ОБЪЯСНЯЕТ

Глава комитета Госдумы по делам СНГ г-н Островский предлагает руководству бывших республик СССР придать русскому языку статус официального. Прекрасная идея!

Собственно, и Горбачеву в президентстве можно было инкриминировать одно: что вместо официального двуязычия, в качестве условия независимости Прибалтики, он ввел в Ригу и Вильнюс танки. Ничего не добился, кроме последовавшего кошмара, включая лингвистический. Чего стоил один запрет в, если не ошибаюсь, Латвии, торговать на рынке тем, кто не знает латышского – в то время как латыши торговали в Польше, не умея сказать даже «дзенкую».

Знаменитое официальное двуязычие Финляндии, при менее чем 5 % сограждан-шведов – тоже дальнее эхо выхода из-под шведской опеки, и остается сожалеть, что Ленин условием независимости финнов не оговорил госстатус русского языка. Вообще, чем больше языков параллельно звучит в стране – тем лучше. Те же финны поголовно говорят на английском, что немало способствует подъему страны. Швейцарцы (четыре государственных языка, включая ретороманский) прекрасно себя чувствуют и в Германии, и во Франции, и в Италии, – и хороши у них и часы, и сыры, и магазины.

Другое дело, что слова депутата Островского являются пустым, хоть и русским, звуком. Мы вновь, как и при Горби, грозим и грезим танками (у нас, между прочим, предвоенное состояние с Грузией) – какой тут, к черту, языковой госстатус? А на бытовом уровне русский тоже погибает: Россия так и не создала за границей ничего подобного Французского института, или институту Гете, или институту Сервантеса, или Британскому Совету (и даже если мы создадим за границей институт Толстого, у, например, англичан есть моральное право поступить с ним, как мы с British Council: то есть обвинить в шпионаже и закрыть).

И прекрасные идеи бывают бессмысленными. Чуть было не написал: «достаточно взглянуть на Госдуму».

2008

«ЯБЛОКО» ОТ ЯБЛОНЬКИ

Прошу прощения за рассказ про свои самовары, но я в начале недели прохлаждался в тени дачной яблони. И тут позвонили знакомые и трагически сообщили, что «либерализм в России кончился, Явлинский ушел».

Яблоня, доложу вам, в наших широтах – дело серьезное. Корни в бедных суглинках подмываются высоко стоящими грунтовыми водами, обильное цветение не гарантирует завязи, а завязь – плода. И, кстати, хозяину на заметку: отключайте вы на даче по-диоклетиановски этот чертов сотовый телефон!

И тогда известие об уходе Явлинского с поста главы «Яблока» покажется не трагедией, а положительным знаком (приход Митрохина на его место, правда – не столь замечательным). Что Митрохин сделал, кто он и откуда? А, говорите, он тень Явлинского? Но сам Явлинский – не отец Гамлета, да и Гамлетом был лишь в эпоху экономической программы «500 дней». А за последние годы этот достойнейший джентльмен обогатил политическую жизнь единственным ярким моментом – прозвищем «Непорочная Гриша»).

То, что называется в России «кризисом либерализма», на самом деле есть кризис мужественности, если мужчиной считать того, кто ради идей и убеждений готов пожертвовать карьерой и свободой. Ведь что такое Явлинский как политик? Он проводник схемы: «То, что делает власть – бесчестно и плохо (тут Явлинский прав); вот вам, граждане, план, как сделать все хорошо (звучит красиво), голосуйте за меня, и, когда я буду у власти, я этот план претворю».

Но граждане голосовать за Явлинского никогда не спешили (в 1996-м, например, они в большинстве своем хотели голосовать за Зюганова), а как быть гражданам в той ситуации, когда власть вмешивается в выборы, не допуская кандидатов или фальсифицируя результаты, или когда губернаторские выборы попросту отменяются, – тут Явлинский вообще помалкивал. Как, скажем, и Зюганов. В итоге разница между этими двумя джентльменами исчезла: оба так уютно устроились в вечных оппозиционерах, что иногда казалось – по договоренности с той самой властью.

И если это либерализм, то пускай исчезает. Тем более, что на Явлинском есть личный грех – уничтожения (или попушения уничтожению) всего живого, что среди «яблочников» было. Арестованный «яблочник» Максим Резник был объявлен Явлинским чуть не провокатором. Алексей Навальный исключен из «Яблока» «за национализм» (ха! Я вел на пару с Навальным в клубе «Билингва» теледебаты националиста Крылова с писателем Минаевым, запрещенные в итоге к показу по ТВЦ – националистического в Навальном не больше, чем во мне девичьего). Даниил Коцюбинский (гигантская умница!) из «Яблока» ушел. В итоге остались тени теней, и не случайно недавно на моих глазах в дискуссии комиссар «нашистов» Никита Боровиков разделал под орех главу молодежного московского «Яблока» Ивана Большакова (он бы и Явлинского разделал, когда бы тот подобных дебатов старательно не избегал).

Так что уход Явлинского – это не кошмар. Кошмар, если остатки явлинцев будут цепляться за прежнюю схему, подразумевающую монополию на либерализм.

2008

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА

Президент Медведев предложил увольнять чиновников, не владеющих компьютером. Бурные аплодисменты!

А то вот мне рассказывали, что мэр Тольятти Уткин, не умея работать на компьютере, умудрялся вести в интернете ЖЖ. Его, правда, не просто уволили, а арестовали. И правильно: логически развивая инициативу президента Медведева, чиновников следует сразу сажать в тюрьму. Причем владеют они компьютером или нет – неважно: эффективность их управления заведомо равна нулю.

Ведь что такое в России чиновник? Не слуга государства, а слуга государев. А сегодня решительно не понятно, кто в России является государем. Медведев? Не уверен. Путин? Не уверен тоже. И чиновники не уверены. А пока они не уверены, никакие их умения (включая компьютерные) востребованы не будут. Кроме умения, понятно, тянуть резину в ожидании, кто же там победит и что им прикажут делать. Вон хоть родину Медведева с Путиным возьмите, город Петербург – как им быть, какие решения принимать? А вдруг как Медведев будет против небоскреба Газпрома? Вдруг как Матвиенко переведут в Москву?

Нет, решительно нельзя работать в этих условиях!

А условия будут оставаться неизменными, пока в России будет существовать византийская, централизованная, управляемая из Кремля модель. И уж если Медведев требует от чиновников эффективности, то лучше бы он боролся не за компьютеризацию, а за децентрализацию. Вернул бы выборность губернаторов. Дал бы областям – по примеру американских или английских графств и советов – право законотворчества и самоуправления. Ликвидировал бы чиновничьи «мигалки» (включая собственную). И тогда бы, глядишь, граждане стали требовать со своих слуг эффективной работы.

И прощали бы им компьютерную неграмотность, когда их работа и без нее эффективна.

2008

ДЕНЬ СУРКА, ИЛИ ОККУПАНТЫ И ОККУПИРУЕМЫЕ

Сидя летом на даче, забавно высунуть нос из норы в это, как его... – а! информационное пространство. Что там у вас? Президент Медведев назначил начальником милиционеров по центральному округу своего однокурсника Кожокаря? Повысив с должности замначальника РУВД сразу до генеральской? Нормальный ход! Если бы вы командовали папуасами – тоже назначали бы в гауляйтеры белых людей, с которыми приплыли на одном пароходе.

Словами «папуас», «гауляйтер» я стремлюсь не обидеть, а объяснить тот тип отношений населения и власти, что сложился в России. Впрочем, еще до меня его объяснил Михаил Ходорковский. Полгода назад он заметил, что «ментальность россиян, взаимоотношения народа и элиты, место спецслужб в общественной жизни характерны даже не для воюющей, а для оккупированной страны».

Трудно не согласиться. Власть в России действительно ужасно напоминает оккупационный режим, даже в деталях. Вон едет с «мигалкой» присланный Римом наместник (назначенный Рейхом гауляйтер). Абориген обязан свидетельствовать почтение Риму, уступая дорогу. Путь следования наместника называется у полицейав «спецтрассой», а называю я полицейав полициями, потому что кто ж они еще? Не милиционеры же и не полицейские – потому что те служат народу, а эти только Рейху и Риму. Вон, аусвайсы проверяют: выслуживаются, ищут партизан.

Правда, Россию от Рейха и Рима отличает отсутствия деления на метрополию и колонии, фатерлянд и зону оккупации. У нас оккупанты, оккупируемые – все вперемежку. А перемешиваться они никак не должны. И поскольку Риму нужна свежая (в империи пока сохранена формальная ротация императоров), сепарация идет по принципу личного знакомства. Не аборигенов же, пусть и толковых, во власть пускать? Потому что если аборигены сами выбирают себе шерифа или мэра, то императору там места нет.

Владимир Путин, как известно, предпочитал своих из КГБ. Дмитрий Медведев, похоже, предпочитает своих из ЛГУ. Хотя возможно, дело не в личном знакомстве: я вот с любопытством смотрю, как гауляйтеры, схваченные за руку на взятках, тут же определяются Римом в сенаторы.

Но по-настоящему интересно не это, а поведение аборигенов, обменявших свободу и ответственность на нефть и благополучие. Оккупируемые ведь властью Рима довольны и не хотят иной: наверное, верят, что деньги от нефти не кончатся никогда, а потому Рим может рулить, как хочет.

Помните, было поколение советских людей, всецело преданных власти: когда СССР рухнул, они оказались беспомощны и ни на что не способны, – кроме крестного хода с пустыми кастрюлями и хоругвями с Ильичем. И ведь не представляли, что крушение империи случится. Ведь и сейчас ведь трудно представить марш пустых нефтепроводов – под хоругвями с Путиным...

2008

СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕВЕСИТ

Про экономические причины, вынудившие правительство России в августе 1998-г девальвировать рубль и объявить дефолт, сказано много. Про роль морали в экономической политике не сказано вообще ни слова.

Грубо говоря, кризис в 98-м случился потому, что правительство было обременено социальными обязательствами и жило не по средствам; реформы же социальной сферы оно не проводило, считая, что это вызовет бунт и вернет к власти коммунистов.

Правительство полагало, что каждый народ заслуживает своих правителей, а также полагало, что развращенный социальной халявой народ не поймет таких материй, как убийственно низкая цена нефти в \$10 за баррель, займы МВФ и выпуск ГКО. Это вранье имело красивую форму: курс рубля искусственно удерживался на уровне 6 рублей за доллар. Ведь в долларизированной экономике народ понимал, что такое 6 рублей за доллар, а что такое котировка российских евробондов по 10 % от номинала, – этого он понимать не хотел.

Народ хотел жрать, потреблять, народ хотел халявы и возврата в СССР, это вообще это был на редкость безответственный народ, – но другого народа в России не было. Потому что другой народ образуется, когда сам начнет принимать решения, расхлебывать последствия и признавать собственную вину. Такое случилось, например, в прошлом веке с немецким народом.

Если бы либералы относились к своему народу с уважением, то есть признали право народа выгнать их поганой метлой и вернуться в прошлое с коммунистами во главе, они бы не устроили бесчестных президентских выборов 1996 года, когда победить должен был Зюганов, но вместо Зюганова в президенты продавили Ельцина. А если бы в 96-м Зюганов стал президентом, это ему бы спустя 2 года пришлось бы объявлять дефолт и девальвацию. А жителям России в 98-м пришлось бы пересматривать взгляды на госэкономику и социальную халяву.

Но, повторяю, в 96-м либералы считали, что возможна ложь во имя спасения. В том числе и во имя спасения личного благополучия. И эта ложь потянула за собой прочее вранье.

Когда в 98-м грянул кризис, я вел прямые эфиры на «Радио России». День на третий кризиса Зюганов пришел ко мне в студию, а вместе с ним пришли министр информации Лесин, глава ВГТРК Швыдкой и ведущий программы «Зеркало» Сванидзе. «Да, не думали мы с тобой, Николай Карлович, что будем снова под коммунистами жить», – сказал Швыдкой, когда Зюганов на минуту отлучился. И Сванидзе ему кротко кивнул.

То есть все были готовы под Зюганова лечь.

А Зюганов испугался власть взять: ему было хорошо в оппозиции. Там он мог ни за что не отвечать.

Всем – Зюганову, либералам, Швыдкому – в их тогдашнем положении было проще народу врать, что у нас замечательный народ, и что такой замечательный народ не может ни в чем ошибаться.

И, думаю, это вранье и есть причина того, что сейчас, когда нефть стоит \$130 за тонну, а бюджет профицитен, все чувствуют общую тревогу, как будто завтра все это снова рухнет.

ВЫСТРЕЛЫ ПО ЭРЦГЕРЦОГУ В ЦХИНВАЛИ

Про военные действия в Южной Осетии я узнавал по телевизору на даче, где нет доступа к интернету и спутнику. «Война началась, грузины на нас напали», – сказала теща. Ей так по телику разъяснили, и она верит ему, а не мне. «Полно врать-то! – кричит в запале она. – Хин... Цхинвали – это Россия!!»

Понять, что происходит в Цхинвали, по российскому ТВ сложно. Понять, из-за чего происходит – невозможно: слово грузинской стороне не дают. Это же не Би-Би-Си, где всегда на все две точки зрения. А у нас – слова врагу не давать, а кто враг – ясно и без всякого трибунала в Гааге.

Правда, в эфире накладка на накладке. По телеканалу «Вести» какой-то замминистра утверждает, что в Тбилиси запретили российское телевидение («Перекрывает доступ к информации тот, кому есть что скрывать!»). А на «5 канале» принимают звонок из Тбилиси: да что вы, у нас все российские телеканалы идут. По «Первому» говорят, что грузинские «бандформирования» блокируют машины «Скорой», а по РТР показывают репортаж о доставке «Скорыми» раненых в больницы. То, что 58-я армия (она к миротворцам отношения не имеет) вошла на территорию Грузии без разрешения Грузии, или что наши ракетами били по Гори и объектам под Тбилиси – я вообще сразу не понял. Но моя теща поняла главное: там наших бьют. Ведь ей сказала, что у большинства в Южной Осетии – русские паспорта. И, разумеется, не сказали, что российские паспорта там с неожиданной легкостью стали раздавать налево и направо 2 года назад.

Я сейчас не о том, кто агрессор, кто жертва: вот вышлю с дачи этот текст в редакцию, дорвусь до интернета, тогда и решу.

Я о том, что пропаганда сначала формирует виртуальных врагов, потом начинает верить в созданное сама, а затем в силу веры начинает реальную войну.

В 1914-м в Сараево, кстати, тоже все развивалось именно так.

2008

ВЕЛОСИПЕД И ВЫСШИЙ СУД

Подобно многим взрослым, приобретшим, наконец, велосипед, я купил его, чтобы компенсировать отсутствие велосипеда в детстве. И – отсутствие средства передвижения в юности, когда я открыл для себя петербургские Острова.

Трудно поверить, но лет 15 назад Крестовский остров представлял собой смесь пролетарских бараков и заведений полупрофессионального спорта, в котором нет места ни высшим достижениям, ни дезодорантам в раздевалках. Там стучал мяч и ждали трамвая. На Каменном острове царил печаль: сквозь фундаменты разрушенных вилл прорастали деревья. Дачи советских отгораживались от плебса напаянными на ажурные заборы бетонными щитами, и дачу К-9 я ненавидел особо за перекрытый выход к Малой Невке.

Я объезжал это добро, мечтая о времени, когда заборы тяжкие падут, виллу Половцева отреставрируют, виллу Мельцера восстановят. И радовался, когда стройки и реставрации начались. Правда, новое выглядело грубым, железобетонным. А когда однажды я заехал на стрелку Крестовского справа от Гребного канала, меня не пустили: частная собственность, понял, нет? «Набережные по закону приватизировать нельзя», – сказал я. «В рыло дать?» – скучно поинтересовалась охрана.

Последним ударом стала стройка на набережной Крестовки. Там трехэтажные кирпичные домики пару лет назад подвели под крышу и бросили. Арестовали? Разорился? – гадал я о судьбе хозяина. И снова мечтал: забор уберут, я объеду все острова по периметру по кромке воды!

В этом году дома достроили. Целый прекрасный поселок. Я попытался подъехать к воде, но тщетно: набережная утыкалась забор. На входе маячили «стаканы» охраны, какими метит землю в самых лакомых местах ФСО. Персональный выход к воде оттяпал себе Конституционный суд.

Я вот думаю: если недавно министр МВД предложил регистрировать велосипеды – может, правильно, предложил? Чтобы всяких любопытствующих отслеживать и пресекать?

Хотя это недостаточно радикально.

Людей на велосипедах надо вообще запрещать.

2008

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА, ИЛИ СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Если бы в России существовал тотализатор, то, поставив на дипломатическое признание Южной Осетии и Абхазии со стороны Никарагуа, можно было бы сорвать крупный куш – кто мог ожидать! Но ларчик наверняка открывался просто.

Вряд ли президент Никарагуа, экс-террорист, сандинист и коменданте Даниэль Ортега, в 1990-м потерявший власть, в 2006-м в нее вернувшийся (ценой отречения от социализма), вдруг воспылал старой любовью к новой России, а также к наиновейшим Абхазии и Осетии.

Любовь и поддержку новым республикам высказал, например, и Лукашенко – но только когда от разговора о плате за нефть и газ было не отвертеться. Поддержала (на словах) и Сирия – но опять же перед переговорами о закупках российского вооружения. Искренне, не ища материальных выгод (как мне кажется), Абхазию и Осетию поддерживают лишь Кастро и Чавес – эти Бим и Бом мирового цирка.

Если отвлечься от поиска правых и виноватых, то мировая картина поддержки Москвы, Цхинвали и Сухуми – это картина одиночества России с вкраплениями зависимостей. Зависимостей немного. Одиночества – как у вдовы.

Те немногие либералы, что сегодня восклицают: «Они что, не понимают, к чему это ведет?!» (под «ними» понимая российскую власть) – восклицают зря. Понимают. По крайней мере, понимает тот человек, про которого сегодня в Москве говорят «он больше не номер один, хотя и не номер два», и который, судя по всему, лично руководил операцией в Грузии – Владимир Путин. На недавней встрече в узком кругу он говорил примерно следующее: понимаем, что Олимпиады в Сочи может и не быть, но мы готовы, и строить все равно будем, только уже не два стадиона, а один.

Хорошо бы и всем остальным понять, что именно жизнь в одиночестве нам предстоит. Абхазия и Южная Осетия, чтобы выйти из изоляции, наверняка де-факто войдут в состав РФ: политическая двухходовка, Ортега мог не торопиться. Но Россию, приобретшую по случаю два депрессивных региона, все равно ждет одиночество.

Я готовить поставить на это по крайней мере тысячу лари.

Как и на то, что Ортеге от нас снова чего-нибудь нужно. От СССР в свое время этот достойнейший джентльмен получил 50 танков Т-52, 250 военных советников и 125 миллионов долларов на революционную борьбу. Сейчас сумму придется мультиплицировать.

Одинокому жить дороже, чем семейному, но расплачиваться Владимиру Путину помогут все.

2008

И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЕОНИД ИЛЬИЧ!

Товарищ! Собираясь в Москву, приготовь паспорт и билет, подтверждающий не более чем трехдневное пребывание в столице без прописки. То же касается товарищей, прибывающих в Ленинград. Я вас, товарищи, серьезно предупреждаю.

Моя родная сестра Анна сказала, что ей срочно нужна питерская прописка, то есть регистрация. Пусть временная, пусть хоть в Ленобласти, – иначе ее уволят. Я посмеялся: она работает в госструктуре, наверняка там отдел кадров чудит. Я сам во времена СССР прописывался временно во Всеволожске, а жил в Ленинграде подпольно прямо в редакции журнала «Аврора», на работу в который меня без прописки не брали.

Но месяц спустя после разговора с сестрой в московской телекомпании «Мир», где я веду ток-шоу (то есть являюсь, как ныне говорят, резидентом), мне отказались выдать пропуск – опять же по причине отсутствия московской прописки, и я снова посмеялся: это ж спутниковый, а те центральный канал.

Но на днях меня не пустили в Останкино уже на Первый: я туда был зван экспертом на ток-шоу. Милиционер на входе, повертев паспортину, потребовал билет, подтверждающий, что в первопрестольной я нахожусь менее трех дней. Сказанные мной по глупости слова про гарантированную Конституцией свободу передвижения, про саму Конституцию как закон прямого действия и про наличие у меня автомобиля, на котором в любую секунду могу уехать-приехать, сотрясли пустоту.

То есть, хотя никаких формальных законов нет – я потом узнавал, в Москве действуют положения о регистрации 2006 года, в них про «три дня» нет ни слова – какая-то негласная «указивка» по советскому образцу всем людям в погонах была спущена. И вы, товарищи, собираясь в поездку, это имейте в виду.

Что же с моим конкретным случаем? В СССР вопрос с пропиской в столицах решался посредством либо женитьбы, либо постановления обкома. В сегодняшней России милиционер меня пропустил, узнав, что я иду на ток-шоу Андрея Малахова – ну нельзя же было шоу «самого Малахова» сорвать.

А поскольку жениться на Малахове я не собираюсь точно, следует признать, что Первый канал в России занял место обкома. А Малахов – место секретаря по идеологии.

2008

ЭКОНОМИЯ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ

На Октябрьской железной дороге – зима. Пассажир, отправляющийся в поездку, понимает это уже при входе в вагон.

Вагоны протоплены минимум до +26: это новые вагоны, «наглядное подтверждение возрождения российского железнодорожного машиностроения» (цитирую «Промышленный еженедельник»), и в них на электронном табло всегда можно видеть температуру. В мою прошлую поездку было +30.

Можно посочувствовать тем, кому жаркий железнодорожный климат не по нутру, но опытный пассажир всегда берет с собой пляжные шорты и тапки. Однако если кто-то пляжную одежду забыл, повода для паники нет: окна в вагонах тверского производства не закопачиваются на зиму наглухо (как в прежних, производства ГДР), а потому предусмотрительно открываются проводником еще на перроне. Кроме того, когда поезд наберет ход, включают кондиционеры. Кондиционеры и зимние сквозняки сделают свое дело: к утру станет прохладнее градуса на четыре.

Разумеется, всякие мелочные, склонные к склочности граждане могут напомнить, что стоимость отопления с одновременным кондиционированием влияет на цену поездки; что руководство РЖД сто раз заявляло, что пассажирские перевозки убыточны и дотируются за счет грузовых; что цены на билеты то же руководство и по той же причине намерено повышать; что страна вступила в полосу полномасштабного экономического кризиса.

Но занудствовать глупо. Разумеется, руководство РЖД про экономию и про кризис все знает. Вице-президент РЖД Вадим Морозов, например, только что сообщил о предстоящем сокращении 39 тысяч сотрудников своего ведомства и уменьшении премий, что «позволит сократить издержки не менее чем на 6 %».

Нет сомнений, что г-н Морозов свое обещание сдержит.

Надеюсь, ему подарят на Новый год пляжные шлепки и плавки.

2008

ИДЕТ ОХОТА НА ВОЛКОВ

Генпрокурор Юрий Чайка, а вслед за ним телеканал «Вести» заявили о новой криминальной тенденции: чиновников убивают все чаще.

Если раньше жертвами преступлений «были... лидеры и члены преступных группировок, коммерсанты и бизнесмены... то сейчас мы видим, что потерпевшими или жертвами становится все большее количество государственных служащих», – сказал генпрокурор.

То, что громко называлось «русской криминальной революцией», на поверку оказалось эволюцией: преступность не исчезла, просто сменился социальный слой и класс, на который ведется охота.

Идеальный объект охоты – вовсе не тот, у кого есть деньги, а тот, у кого есть деньги, нажитые в обход закона. На излете советской власти – если говорить не о бытовой, а об организованной преступности – мишенью криминала были валютчики и фарцовщики, подпольные коллекционеры и антиквары (впрочем, легальных не существовало). При российской власти деньги перекатились в бизнес (тогда довольно «серый» по своему устройству) – и тут же последовала смена объекта. И вот обеление бизнеса, к которому так долго призывали чиновники, свершилось: трудно взять бандитскую долю с предпринимателя, осуществляющего платежи по безналу, работающего «вбелую» и имеющего милицейскую «крышу», то есть, прощу прощения, охранную структуру. Но к этому времени «в тени» оказались чиновники.

Очень может быть, что попавшие недавно под пули владикавказский мэр Караев или самарская судья Дроздова пылись эту тенденцию преломить. Но сама тенденция очевидна: успешная чиновничья карьера в России неизбежно приводит в сумрак. Российский бизнес обелялся по причине контроля со стороны государства и усталости от «черного нала». Кто, спрашивается, в России проконтролирует государство, если выборы губернаторов отменены, прочие трудно признать свободными, а критику госустройства, как показывают суды над блогерами, легко можно признать призывами к насилию?

2008

РЫНКА НЕ БЫЛО И НЕТ

Мой приятель, инвестбанкир, в ответ на «как дела?» к привычному «рынка нет» неожиданно добавляет «да, собственно, никогда и не было».

– Понимаешь, – учит меня основам ремесла человек, заработавший свой первый миллион в 25 лет, – смысл игры на фондовом рынке не в том, чтобы предугадать колебания курса. А в том, чтобы вложиться в хороший бизнес, который недооценен. То есть не выиграть, а заработать.

– Что значит «хороший бизнес»? – спрашиваю я.

– Во, начинаешь врубаться! – радуется он. – Хороший бизнес – это бизнес, который производит востребованный продукт. И это бизнес, который технологически хорошо отлажен. Как говаривал Уоррен Баффет, следует покупать акции тех компаний, которыми сможет управлять идиот, потому что рано или поздно это случится. А Баффет заработал сорок миллиардов! Для этого и открывается информация о компании перед IPO, чтобы инвестор мог ее оценить...

– Ну? – говорю я, еще не понимая, куда он клонит. – У нас то же самое. Но те, кто вложились в акции Сбера, потеряли 80 %...

– Если бы Сбер был в Европе или США, с ним было бы все ясно: низкотехнологичный рилейловый банк, ориентированный на беднейший, к тому же исчезающий слой. Но мы в России. А в России я в 2003-м вложился в самую лучшую, технологически безупречную компанию, производящую сверхнужный продукт. Знаешь, как компания называлась? «ЮКОС»...

– У нас сильны политические риски, – вздыхаю я.

– Опять не догоняешь, – вздыхает приятель. – Политика – это выражение экономики. У нас нет рынка. И не было. Наша политика означает, что экономика в России устроена так: своим можно все, а чужим ничего. Царь, опричнина, крепостное право. Поищи рынок при Екатерине! Что, был?! Там фавориты вместо рынка были. А делать ставки на фаворитов – это казино, а не рынок.

– Ну, так и? – говорю ошарашенно я, потому что возразить мне нечего.

– Ну, и... – мрачнеет приятель. – Либо менять профессию, либо наниматься на работу к фавориту, либо уезжать туда, где рынок есть. Это и называется кризис. Вот ты, умник, догадайся, что я выберу?

2008

ПЧЕЛЫ СНОВА ПРОТИВ МЕДА

На Дальнем Востоке люди выходят на улицы, протестуя против повышения пошлин на иномарки. В Тольятти и Набережных Челнах людей выводят на улицы, чтобы они приветствовали повышение этих пошлин.

Те, кто следит за конфликтом интересов, понимают, что российская вертикаль должна определиться: либо поддерживать Приморье, где доход сотен тысяч людей зависит от импорта японских машин, – либо Поволжье, где доход сотен тысяч людей зависит от выпуска отечественных авто. И понимают, что подходов к вопросу два: либо количественный (производителей «Жигулей» больше, чем перегонщиков «Тойот»), либо качественный (даже старая «Тойота» лучше новых «Жигулей»).

Вариант в теории возможен и такой, и такой, однако дело в другом: в ответственности за принятое решение.

В тот момент, когда я пишу этот текст, уже ясно, что государство поддержит «АвтоВАЗ»: пошлины повысит, а покупку недорогих «Жигулей» поддержит субсидиями на небольшие (до 350000 рублей) автокредиты. И точно так же ясно, что за это решение никто не будет отвечать. Хотя бы потому, что в «Жигули» не пересядет даже руководство «АвтоВАЗа»: переход завода под контроль «Рособоронэкспорта» в 2005-м начинался с того, что для новых начальников были закуплены Toyota Land Cruiser (как мило, что против их ввоза в Россию борются их пассажиры!)

Во всем мире руководители автоконцернов ездят только на собственном автопродукте, подобно тому как любой повар ест собственную стряпню. Единственное исключение – «АвтоВАЗ». Во всем мире главы автопроизводящих стран ездят только на отечественных автомобилях. Исключений два – премьер-министр Италии (Audi) и президент России (Mercedes).

Может, потому, Берлускони и Путин так нравятся друг другу, и им так нравится кошмарить политических оппонентов – вместо того, чтобы разбираться с отвратительным качеством «Фиата» и «Жигулей»?

2008

ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ!

Когда-то в Петербурге я не любил губернатора Яковлева. Был такой, если помните, сразу после Собчака, городской руководитель, с имиджем твердого хозяйственника. При этом грязь в Питере была непролазная даже не Невском.

Я, наивно разоблачая этого ныне поглощенного историей персонажа, даже написал как-то в ярости, после очередной протечки в питерской квартире, статью под названием «Газообразный Яковлев», где много какие претензии предъявил. Я там написал, что все эти якобы твердые хозяйственники только и умеют, что начальствовать, сидя в своих кабинетах. Что надо развивать инициативы снизу – жилтоварищества, частные управляющие компании, потому что люди, объединившись снизу, лучше знают, как убирать снег зимой, как бороться с пылью летом и как содержать в чистоте ухоженные и не унижающие достоинства парадные.

О, как же наивен я был! Жилтоварищества, ТСЖ, в Питере организовались в невероятном количестве. Вот, например, я и мои соседи – это теперь ТСЖ. Нам передали в общую собственность дом, построенный в 1958-м году и с тех пор ни разу не ремонтировавшийся, и мы сами скидывались и меняли входную дверь, за свой счет ремонтировали подъезд и так далее.

И вот этой зимой, когда Петербург завалило снегом, а потом вышло солнце и снег потек – у нас в доме протекли все квартиры верхних этажей. Включая и мою, свежотремонтированную. А еще протекла квартира моей тещи. А еще квартиры моих знакомых. И они протекли мощно и хорошо – заливая компьютеры, книги и паркет.

И вот тут выяснилось, что мы делимся на две неравные партии. Та партия, которая не организовала ТСЖ, может требовать от городских властей делать ремонт, называть нынешнюю губернаторшу Матвиенко жидкой хозяйственницей и вообще качать те права, которые в Питере есть у униженных и оскорбленных.

А мы, создавшие ТСЖ, не можем предъявлять претензии никому, ведь Валентина Матвиенко публично сказала – в неубранном снеге виновата не она, а дурные управляющие компании, и дурные ТСЖ, которые эти дурные компании себе на крышу выбрали.

Так что делюсь с вами опытом: если только у вас не совсем новый дом – не спешите создавать ТСЖ. Иначе окажетесь со мной в одной компании.

То есть в дураках.

2010

РОБИН ГУД ПРОТИВ ПУТИНА

Меня пригласили на телешоу по теме «богач-бедняк». Повод: премьера голливудского «Робин Гуда» с Расселом Кроу и Кейт Бланшетт.

Когда телесъемку планировали, фильм на экраны еще не вышел, и редакторы программы не знали, что «Робин Гуд» ограничивается историей знаменитого разбойника в той части, когда он еще был не разбойником, а наоборот, честным воякой и слугой королю.

Это старый прием: показать становление героя, чтобы зритель понял, какие несправедливости мира принудили его идти на бой.

В нашем английском случае несправедливостью были непомерные налоги на войны, ведшиеся Ричардом Львиное Сердце, а затем и его братом, – плюс практика внесудебной расправы с несогласными. То есть, в сумме, беспредел вертикали королевской власти. В реальной истории этот беспредел привел к маршу несогласных, то есть войне баронов против своего короля. Король проиграл: в 1215 году он вынужден был подписать Великую Хартию Вольности – главный закон, гарантирующей запрет на новые налоги без согласования с вассалами, равенство прав, суд присяжных и вообще, контроль за властью короля. А пока равенства не наблюдалось, Робин Гуд восстанавливал справедливость доступными ему средствами. Робин Гуд бился не за бедных. Он бился за справедливость. А потому и стал кумиром – причем не только своего народа.

И как только эта мысль становится ясна, вполне себе высокобюджетный, но предсказуемо средний по качеству блокбастер начинает стремительно превращаться в антипутинское кино.

Ведь что такое Россия при Ельцине до Путина? Это, условно, страна, принявшая Хартию Вольности. Король, то есть Ельцин, не мог ввести закон без одобрения в нижней палате парламента, куда входили как политические партии, так и прямые представители народа – одномандатные депутаты. Затем закон проходил верхнюю палату, состоящую из губернаторов, то есть баронов, – но баронов, избираемых населением. А что сделал Путин? Он уничтожил одномандатников как класс, заменил партии единственной «Единой Россией», отменил выборы губернаторов, да и самих губернаторов из Думы убрал, оставив марионеток. То есть Путин уподобил себя королю Иоанну Безземельному – самому неприятному в фильме «Робин Гуд» персонажу.

Политическая система современной России и Англии XII–XIII веков совпадают настолько, что любой современный российский разбойник, ведущий борьбу с властью под лозунгами равенства и справедливости, пусть он трижды осужден Басманным судом, – в наших сердцах все равно герой. А в планах продюсеров Голливуда – я так понимаю, герой на экранизацию.

Не знаю, дождемся ли мы когда в России свободы, равенства и братства, без которых справедливости не существует, – но, полагаю, голливудского блокбастера про Ходорковского мы дождемся непременно.

2010

РОССИЙСКИЙ БЮРОКРАТ КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ ЕВРОПЕЕЦ

Я каждую неделю езжу из Петербурга на работу в Москву. Длится это уже десять лет, и я давно не обращаю внимание на глупости вроде того, что Петербург – это европейский город, а вот Москва – азиатская столица.

Да ничего подобного. Петербург, на мой взгляд, город самый что ни на есть русский. Он, как всякий русский человек, одет во все европейское, с уклоном в итальянское и французское, однако ж внутри безответственен и безалаберен. Проспекты и мосты здесь закрывают на ремонт без предупреждений, указателей на латинице не сыскать, люди дают обещания – и исчезают, по улицам ветер метет пыль, починить домофон – история на пару месяцев. И вообще, как Бродский писал, за рубашкой полезешь в комод – и день потерян.

Другое дело Москва. Да, внешне, конечно, тут азиатчина, византийщина, и когда шах с визирем едут во дворец, ради них перекрывают полгорода, а за шахом и визирем скачет свита с мигалками, – однако внутри это никакой не азиатский город, а вполне европейской организации бизнес-центр. Сантехник прибывает через полчаса после вызова, тротуары на Тверской моют с шампунем, через интернет сыскивается любой товар, и ту же Тверскую асфальтируют исключительно в ночи, так что поутру на работу катишь по свеженькому асфальту.

Интересно, впрочем, даже не это, а чем это достигается. В Москве главный контролер качества жизни и главный за ним надсмотрщик – чиновник и примкнувший к нему миллионщик-бизнесмен, то есть свита визиря. Это Матвиенко может закрывать улицы и мосты, как ей удобно, потому что она главная и единственная, и на возмущение хотела плевать – но если Лужков закроет хоть на день на ремонт Тверскую, тут же получит по полной программе от администрации президента и премьера, от ФСБ и ФСО, от МЧС и МИДа, то есть от той сотни людей, которые главнее Лужкова в негласной табели о рангах.

Получается, что московские бюрократы-сановники, радея о личных удобствах, невольно обеспечивают кое-какие удобства и всем остальным. Парадокс, но факт. Это не народ, мечтающая жить по-европейски, жмет на Лужкова, требуя новых дорог, переходов, эстакад, цветущих клумб – это высшие бюрократы, мечтающая о европейских удобствах, вынуждают городские власти их устраивать.

Помните, небось, странную пушкинскую фразу, что правительство у нас – единственный европеец?

Теперь вы понимаете, в каком смысле ее следует понимать.

2010

NOIZE MC СЕГОДНЯ КАК ЮРИЙ ШЕВЧУК ЗАВТРА

Когда в СССР вертикаль власти бросила Бродского под суд, Ахматова произнесла знаменитое: «Они этому рыжему биографию делают». Вряд ли волгоградская вертикаль, влепив рэперу Noize MC десять суток ареста, сделала ему биографию (по аналогии с Бродским это предполагало бы эмиграцию и конкуренцию с Jay-Z и 5 °Cent на их канонической территории). Но вертикаль уже делает кроющемуся за псевдонимом Noize Mc Ивану Алексееву банковский счет.

У меня в почте свеженькое предложение от Ozon.ru – только с 17 по 23 августа! Спешите, спешите, а то не достанется! – лучшие г'н'б, хип-хоп, рэп-диски.

Что же выложил на лоток «Озон» в качестве горячих пирожков? Ну, Snoop Dog, понятно, ну, Jay-Z, а еще Бейонсе, а куда ж без этой дитяти судьбы, если под судьбой понимать обручение рэпа с гламуром...

Но на первом месте – Иван Алексеев. «Последний альбом» от Noize MC стоит 431 рубль. Это самый дорогой диск среди прочих. OutCast, для сравнения, «Озоном» оценен в 377 рублей, Jay-Z – в 306, Snoop Dog – в 288. Еще бы! Noize MC выложил в сети ролик против вице-президента «ЛУКОЙЛа», предположительно сбившего «мерсом» двух женщин и избежавшего ответственности (эти, на членовозах, нас давно задолбали!). Noize MC назвал во время концерта ментов «животными с кокардами» (а животные с кокардами задолбали чисто конкретно вообще всех!). Noize MC, наконец, сел в каталажку (и был разлучен с только что родившейся дочкой) только за то, что сказал вслух то, что думает каждый.

Как диск такого героя не купить? И я не иронизирую (Иван Алексеев мне своей позицией весьма симпатичен), а пишу все это по причине потенциальной опасности, которой подвержен и Noize MC, и его поклонники. И опасность эта вовсе не в ментах или судах. А в коммерциализации и политизации (поскольку политика сегодня в России – главный бизнес-инструмент) всего того, что стоит за Иваном Алексеевым и его почитателями.

Процесс обналичивания протестных движений (когда манифестации и революции находят конец в магазинчиках с майками с Че Геварой) отлично описала в своей книге No Logo американская исследовательница корпоративного мира Наоми Кляйн. В этой же книге она задалась важным вопросом: «Почему все эти <антибуржуазные> тусовки и <протестные> идеи оказывались такими удобными для расфасовки, такими безобидными – и такими доходными?» И дала ответ: «Глядя назад, видишь, что главной проблемой была не подвергаемая особым сомнениям посылка: просто в силу того, что данная тусовка или идея – другая, она стоит в оппозиции мейнстриму. Многие из нас принимали как данность, что альтернативное – это и антикоммерческое».

Это и есть сегодня главная опасность для Noize MC & Co: уверовать, что ты разрушаешь систему, потому что представляешь альтернативу ей – и быть в перспективе поглощенным этой системой с потрохами.

Причем сама система предвидит такой исход: достаточно вспомнить недавнюю петербургскую встречу Владимира Путина с, хм, мастерами культуры.

И вот тут для культурных мастеров наступает переломный момент. Этот момент вовсе не в том, как вести себя, когда власть ждет подтягивания или, как минимум, нетявканья на нее: Юрий Шевчук, как мы помним, на встрече ожиданий не оправдал и начал говорить премьеру примерно то же, что поет Noize MC. Ключевой вопрос в том, как вести себя в тот момент, когда раздраженная отказом от сотрудничества власть начинает хамить. Владимир Путин спросил, как зовут Юрия Шевчука, хотя прекрасно это знал. На что опрошенный спокойно ответил: «Юра Шевчук, музыкант» – и продолжил говорить то, что считал нужным.

Месяц назад в Петербурге, на 70-летию Севы Новгородцева, я спросил Шевчука, не хотелось ли ему на встрече с Путиным в ответ поинтересоваться, как самого Путина зовут. «Не хотелось, – ответил Шевчук. – Потому что это была типичная такая ментовская разводка. А меня родители с детства учили не бояться ментов и не хамить в ответ, а быть свободным человеком. Если бы я ответил, то мы бы сцепились, и никакого разговора бы не получилось, а так я сказал, что хотел сказать, и меня услышали. А через блатные и ментовские приемчики я давным-давно прошел!»

То есть вот оно в чем дело. Владимир Путин просто забыл, что менты в 1980-х упаковывали Шевчука, Науменко или Цоя точно так же, как в 2010-м упаковали Алексеева.

Но Владимир Путин, если я правильно понимаю, не из тех, кто легко мирится с собственными ошибками. И после его разговора с Шевчуком даже поспорил с Димой Быковым о дальнейшем ходе событий. Я полагал, что Шевчуку с его концертами теперь наступит капец. Быков же кривил нос и говорил, что я ни фигя не понимаю – наоборот, теперь Шевчуку дадут карт-бланш и, лишь только дождутся круглой даты, орден «За заслуги перед отечеством». Ибо власть не может допустить, чтобы создалось ощущение, что она народному любимцу мстит.

Должен признать: я проиграл пари. Когда на юбилее Новгородцева я спросил у Шевчука, было ли продолжение у встречи в смысле оргвыводов, Шевчук ответил, что не было, кроме пришедшей из Кремля за подписью Путина телеграммы: «Типа, благодарю за откровенный разговор, желаю творческих удач и понимаю, что в стране немало людей, разделяющих точку зрения как ваша. Нормальная такая телеграмма душевная. У меня теперь в студии на стенке висит».

То есть ждаты нам теперь награждения Шевчука орденом «За заслуги перед Отечеством» третьей степени.

И награждения Noize MC в те же сроки тем же орденом, кстати.

Только степень будет – в порядке субординации – скорее всего, четвертой.

2010

ОПISKA В НАСЕЛЕНИИ

Прошла перепись населения, а я не додал государству информации о своем домохозяйстве. Не рассказал, что у меня с женой высшее образование и два иностранных языка, и что у пасынка, которого я считаю сыном, иностранных языков пять, хотя в переписной анкете граф для них всего три.

Наш ребенок живет отдельно от нас, в квартире, где прописана теща, но теща живет в у сестры, да и мы с женой живем не по прописке, а в недавно купленной для тещи квартире-«однушке», которая, однако, в перепись должна войти как «трешка», поскольку перепланирована, а перепись требует кухню-столовую считать жилой комнатой, хотя, ясно дело, в столовой у нас никто не живет. А в квартире, где мы прописаны, сейчас ремонт, а вообще я по будням в Москве, где еще одну квартиру снимаю.

Вот видите: я вас совсем со своим домохозяйством запутал, в отличие от переписчиков, которых в тот дом, где кухня-столовая, не пустила консьержка, о чем мы узнали задним числом, а заходили ли переписчики в других домах, я не знаю, следов нет. Знаю, что нас не переписали. Как не переписали и тьму моих коллег и друзей. Не переписали, например, экс-главреда «Независимой газеты» Третьякова и вообще весь его загородный поселок. Не переписали главреда «Огонька» Лошака. Не переписали звукооператоров и режиссеров эфира станции «Вести ФМ», где у меня утренние эфиры. Не переписали, полагаю, по очевидной причине. Ведь перепись как процедура построена на почти советской идее, что головы и принадлежащие им комнаты легко пересчитать, и что обладатели комнат и голов вне работы сидят дома, а дверь дома легко открывают дверь представителю государства. В действительности мы давно вступили в сложные отношения собственности, а государство для нас давно враг, нацеленный на нашу жизнь и карманы, мы его боимся и от него прячемся. Если мы кому-то и доверяем, то Фейсбуку и Живому Журналу.

Очень может быть, что государство посредством переписи действительно хочет узнать о нас правду. Однако реалии таковы, что все частные двери перед ним закрыты. Включая, кстати, и дверь премьер-министра Путина – не верить же нам, что показанная по телевизору казенная и вульгарно обставленная комната, в какой он встречался с переписчицей, и впрямь его домохозяйство?

Логика говорит о том, что некоторую правду о жизни в России можно узнать, лишь объединяя электронные базы данных: базы наших зарегистрированных автомобилей и базы наших приватизированных квартир, базы налоговых инспекций, пенсионных фондов, ЗАГСов, школ, вузов, бюро кредитных историй, – а если таких баз нет, их надо создавать. Переписчики эффективны там, где двери открыты, и тогда, когда нет интернета. Это элементарная логика.

Но наша страна по-прежнему держится на инерции, а не на логике.

Потому-то, кстати, Россия и не Европа.

2010

ЛУЖКОВ, СТАЛИН, СТИЛЬ И СМЕРТЬ

Уже, наверное, десяток человек – от дамы, у которой снимал в Москве жилье, до френдов в ЖЖ – попросили написать, что я думаю про отставку Лужкова. Я писать не хочу: в коллективной травле – хотя бы с псами лисы – от животного остается кровавый сгусток. А я за живую природу. Но высказаться про лужковский стиль – извольте.

«Лужковский» стиль любой, даже иностранец, ощущает мгновенно, как ощущают стиль «сталинский».

Однако сталинский определить проще.

Сталинский – гимн империи, в чем бы он ни выражался: в музыке, кино, балете, но особенно, конечно, в архитектуре. Рррра-бам, – бьют литавры, и поют трубы, и солнце плещет по расклеенной имперской меди и бронзе, отражаясь в миллионных толпе и войске. Сталинский стиль – он весь про величие идеи, грандиозной настолько, что и логика, и жизнь миллионов ничто по сравнению с нею. Отсюда – и масштаб, и пышность, особенно хорошо заметная в метро, этом втором (после Красной площади и Кремля) интуристском аттракционе. Хотя во всем сталинском метро по-настоящему элегантна лишь одна станция – «Маяковская», с ее невесомым арочным всплеском – но челюсть неизменно отвисает на всей кольцевой линии, по-эйнштейновски сворачивающей линию в кольцо.

Идеи, не обладая физическим телом, живут вечно, – вот почему современникам кажется вечной Империя. А ради вечности не жалко ничего – ни мрамора, ни золота, ни сверхусилий, ни жизни подданных, для которых растворение в Империи, пусть и насильственное, есть шанс на бессмертие. Тут, конечно, между Сталиным и Рамзесом особой разницы нет. И эстетической тоже.

Так вот: лужковский стиль – это изменник, ренегат по отношению к сталинскому.

Мы недавно обсуждали этот стиль на радио «Вести ФМ», где я по понедельникам и пятницам веду утренний эфир. Суждениями делились: Наталья Самовер из движения «Архнадзор»; Иосиф Бакштейн, комиссар московских бьеналле; Наташа Барбье, главред «Мезонина».

Лужков превратил общественное – общее, всеобщее – в приватизированное и коммерциализированное, он поступил так и со зданиями, и с пространством, это и есть основа лужковского стиля, сказала Самовер. Лужковский стиль служит не горожанам, он служит частным интересам.

Лужков со своими архитектурными и эстетическими идеалами невероятно убог, и в этой отсталости, убогости, в этом представлении не видевшего, а если и видевшего, то не понявшего мира провинциала и есть основа лужковского стиля, сказал Бакштейн. Вот почему Москва Лужкова, в отличие от Петербурга Петра, не выставка достижений мирового зодчества, но архитектурная деревня.

Лужков приучил относиться к подделке, к фальшивке с пиететом, в отличие от оригинала, и это отношение к новоделу как к драгоценности, а к подлинной вещи как к ерунде, и есть основа лужковского стиля, сказала Барбье. Москва – это квартира, в которую Лужкова пустили делать ремонт, а он взял, да и все старые картины заменил копиями, а наши картины выкинул на помойку.

И кто бы со всем этим спорил.

Я только ждал, что кто-то скажет главное: что лужковский стиль – это представление о прекрасном никакого не Лужкова и даже не Батуриной (хотя, конечно, и Лужкова с Батуриной), а москвича и россиянина, которым в руки свалились деньги. Потому что в Москве и Питере, Нижнем Новгороде и Новосибирске, Вологде и Владивостоке – всюду одно. Охреневший от денег россиянин захватывает часть общей земли, и строит на ней в железобетонный

полу-замок, полу-дворец, полу-терем, в котором за историю отвечают башенки и колонны, а за прогресс – фронтальное остекление, а еще устраивает подземный гараж, и если на пути встречаются старые стены, фундаменты, предметы, то немедленно их уничтожает, и потирает руки, предвкушая умножение инвестиций.

Лужков – это русский человек образца 2000-х. А русский человек образца 2000-х – это Лужков.

И никакими аргументами про фальшак, вторичность или про ущемление общественных интересов его не прошибешь, потому что то, что для Барбье с Бакштейном фальшак и вторичность, для русского человека – великолепные свежесть и новизна. А то, что для Самовер ущемление общих интересов, для него называется «конец-то стали жить в свое удовольствие». Вот, герой Марселя Пруста Сван, влюбившись в Одетту – женщину, по вкусам вульгарную – приходит к выводу, что «абсолютных ценностей в области искусства не существует, что тут все зависит от эпохи, от класса, что тут на всем лежит отпечаток мод, причем самые пошлые ничуть не хуже считающихся самыми благородными». И это утонченный Сван – что уж говорить про втюрившегося в деньги россиянина!

У меня к лужковскому стилю только одна претензия. Он не говорит о вечности. В нем нет ничего про бессмертие и про торжество идеи, духа. В нем как бы даже не про торговлю в храме, а про храм торгашей, – а этот храм любой санэпидстанции или пожарнадзору легко прихлопнуть. Оттого-то, не успело кресло мэра от зада Лужкова остыть, как тут же пошли разговоры о том, куда лучше передвинуть церетелиевско-лужковского Петра, – да меня самого за три дня попросили о двух интервью на тему «какие здания Лужкова необходимо снести».

Мой ответ – никакие. Лужковский стиль – это нашедшая материальное воплощение идея, что за деньги купить можно все, включая счастье и вечную жизнь.

Идея оказалась тухлой.

Вот именно затем, чтоб она служила уроком, из лужковского стиля трогать ничего не надо. Придется кривить нос, конечно, но пусть лучше воняет, чем получает от потомков прощание.

Пусть торчит над Москвой-рекой нелепый бронзовый Петр, пусть торчит над застроенной в стиле провинциального обкома Поклонной горой убогий шампур с нанизанной на него бронзовой сосиской, тщащейся символизировать Победу.

Над старым Парижем точно так же торчит хамский небоскреб башни Монпарнас.

Я возненавидел его сразу, как увидел, он портит мне виды в Люксембургском саду, и тоже выражает идею, что ради прибыли, бабла и коммерции можно все.

Но, возможно, то, что он торчит наглой занозой, спасло Париж от других заноз.

2010

А ЕЩЕ ОН ПОЕТ

Давайте поговорим: о душе, совести, лидерах и о народе. Словом, о вас. Или о них.

На минувшей неделе премьер-министр Российской Федерации Владимир Путин, находясь в Петербурге, посетил благотворительное суаре в пользу российских детей, страдающих онкологическими заболеваниями. Там многие были: Микки Рурк, например. Шарон Стоун. Жерар Депардьё.

На этом мероприятии Владимир Путин вышел к роялю, сыграл музыкальную фразу, а затем спел и *Blueberry Hill* – вполне себе ничего так спел. Под аккомпанемент американских джазменов.

Реакции на это не было никакой. То есть была, но обычная. Те, кто Владимира Путина любят, сказали: вот это мужик! И на самолете, и под водой, и за роялем – может все! А те, кто Владимира Путина не любит, они что-нибудь другое сказали. Например, что ради проезда премьер-министра в Ледовый дворец, где все происходило, в Питере перекрыли дороги, и даже «Скорая помощь» проехать не могла. С умирающими, может быть, детьми.

Вот я сейчас еще раз повторю, а вы воспримите это как тест, – ну, как тест на понимание национальной морали. Итак: премьер-министр России Владимир Путин посетил мероприятие, где собирали деньги в пользу российских детей, больных раком, и, чтобы деньги собрались, играл на рояле и пел, – газета «Коммерсантъ», поместила отчет в рубрику «Светская жизнь». Вас ничего не резануло?

Нет, я не про светскую жизнь, и не про то, что играл и пел. Да я бы и слова не сказал, играй и пой Путин в пользу детей Мозамбика, Ганы или Дарфура. Это так же нормально, как для Шарон Стоун – собирать деньги для иностранных детей. Но тут деньги собирал человек, обладавший высшей властью в стране, про которую он не уставал повторять, что она поднялась с колен и стала великой. И от которого зависит, хороша ли в его стране детская медицина.

Я, видимо, чего-то не понимаю. Но мне кажется, что в великих и процветающих странах дети не умирают оттого, что у их родителей нет денег. Мне кажется, что великих странах премьер-министры гарантируют работу обязательной страховой медицины, и детской прежде всего. А в стране под названием «Россия при Путине» тот же «Коммерсантъ» регулярно публикует полосы с объявлениями: спасите ребенка, нужны двести тысяч рублей на операцию; спасите ребенка, не хватает пятьдесят тысяч на лекарства...

Я понимаю, когда страна бедна и нища, и в такой стране президент или премьер просто обязаны обращаться к миру: помогите! Гибнут дети! Но когда в стране премьер-министр не носит часов дешевле полумиллиона, когда резиденций у президента больше, чем было дворцов у царя, а чиновники гоняют на «Порше-Кайенах», – я не понимаю, как лидер такой страны может обращаться за вспомоществованием. Типа, подайте детишкам, помирают они.

Впрочем, ужас даже не в этом, а в том, что в этом никто не видит ужаса.

Так что дай бог вашим деткам здоровья.

2010

ВРЕМЯ – НАЗАД

Ну, вы уже слышали, что Дмитрий Медведев заявил: с осени 2011 года переход на зимнее время прекращается. Самое примечательное, чем он это обосновал и где он это сказал.

8 февраля в России День науки: в эту дату в 1724 году у нас была основана Академия Наук. 8 февраля 2011-го Медведев встречался с награждаемыми молодыми учеными, и вот тут и прозвучало сенсационное.

Скажу сразу: я аритмик, мне перевести стрелки на пару часов вперед-назад – это столько же раз плюнуть. Так что для меня сезонное время – некая культурная, что ли, дань европейству (в Европе часы переводят всюду), хотя в 1981-м, когда в СССР сезонное время вводили, говорили, понятно, про эффективное использование светового дня и прочее. Я, правда, много раз слышал жалобы про трудности перехода, про детишек, клюющих носами по весне на уроках, хотя и подозревал, что причитания носят у многих ритуальный характер – типа, жизнь несправедлива. Потому что среди жалобщиков нет ни одного, кто отказался бы сгонять в Париж на основании того, что ритмы сбьются. Но сколько таких фальшивых страдальцев у нас в стране по отношению к страдальцам реальным – я бы и сам хотел знать.

Поэтому, едва новость прозвучала, я кинулся шерстить ленты агентств: может, кто из награждаемых ученых сделал исследование и никакого эффекта от зимнего времени в экономике не обнаружил – и вот и получил из рук президента за это премию? Или провел хитрый соцопрос, выяснив, наконец, когда мы – привычно двуличный народ, а когда и правда страдаем от перемен времен?

Я и в медведевский твиттер не поленился заглянуть, но нигде ни фразы, ни слова, ни полслова не обнаружил про резоны! Не считать же обоснованием рассуждения про мучения «коров и других животных», которых-де доярки доят каждый раз по новому времени (как будто время дойки нельзя изменить – коровы же часов носят). Не считать же обоснованием вот это (цитирую): «...нарушается биоритм человеческий, все это раздражает, все либо просыпают, либо просыпаются рано и не знают, куда себя деть в течение лишнего часа. ...В то же время у нас будет пролонгированный светлый день... Меня, во всяком случае, люди об этом неоднократно просили».

Это как понимать про «пролонгированный день» – от указа станет всем светлей? И что это за люди, умудряющиеся так запросто о чем-то Медведева просить? Сотрудники ФСО? Они, да, входит в контакт с президентом непосредственно. Все остальные, кроме жены и Путина – под конвоем ФСО.

Повторю еще раз – я не знаю, хорошо или плохо переходить на сезонное время. У меня для суждения не хватает данных. Потому я и не сужу. Зато у меня достаточно данных, чтобы сказать: если президент в присутствии ученых, не ссылаясь на научные данные, принимает решение, затрагивающее весь народ – значит, плевать он хотел и на такую науку, и на таких ученых. И на такой народ.

И, может, здесь он прав: вон, ВЦИОМ в День науки опубликовал результаты исследования о научных познаниях россиян. 32 % уверены, что солнце вращается вокруг Земли; 55 % считают радиоактивность делом рук человеческих; 11 % надеются избавиться радиоактивное молоко от радиации посредством кипячения.

То есть если Медведев издаст указ, что планете велено покоиться не на китах, а на медведях, многие вздохнут облегченно – давно пора, киты нам надоели!

И если я бурчу на Медведева (а не на соседа в подъезде), то это потому, что боюсь: вот, соберет президент на российский День печати блогеров и журналистов, и скажет: «Меня многие просят, потому что сбиваются ценности, не говоря уж про страдающих учителей литера-

туры, – в общем, с завтрашнего дня я принял решение восстановить в стране крайне необходимый институт цензуры».

И ведь соберет.

2011

О БЕДНОМ МУБАРАКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Хосни Мубарака более чем модно ругать, а поддерживает его мало кто. Но я, как ни странно, на его стороне.

Когда я говорю, что в египетской революции поддерживал теперь уже бывшего президента с его идеей не уходить в отставку немедленно, а дожидаться выборов, мои знакомые делали круглые глаза.

– Ты же либерал, – говорили они, – как ты можешь поддерживать диктатора?!

Да, я либерал. Но я консервативный либерал. Я верю, что европейская идея свободы, равенства перед законом, уважения к личности являются лучшими идеями, которые выработало человечество. Но я признаю, что эти идеи дают всходы не на любой почве. Попробуйте провести в тюрьме демократические выборы. Свобода у рабов прорастает криво – смотрите триеровский «Догвилль».

Мубарака ненавидят сегодня все. Он стал фактически египетским фараоном, он правил бессменно 32 года, он уничтожил и оппозицию, и гражданское общество, и есть подозрения, что направлял бюджет страны в личный карман. Против Мубарака сегодня демократы, коммунисты, против Запад, против Восток, не говоря уж про самих египтян, – но когда Мубарак отказывался передать власть каирской толпе и настаивал на переходном периоде, я, повторяю, понимал Мубарака. Он действительно был диктатором, уничтожившим альтернативные формы общественного устройства – но именно это уничтожение означало, что его мгновенный уход ввергает страну в хаос. А хаос хуже диктатуры одним тем, что власть в условиях хаоса обычно берут совершенные отморозки. Так Николай II, не дававший свободы ни студентам, ни земствам, ни представительскому собранию, ни даже кабинету министров, в итоге выпустил на улицы толпу, которую обуздал лишь Ленин, создавший одну из худших тираний на Земле.

Я думаю, Мубарак, настаивая на переходном периоде, спасал не только себя и семью, но и Египет, отлично понимая, что станет со страной, если к власти придет, скажем, организация, называющаяся «Братья-мусульмане». Я читал про братьев-мусульман у знаменитого исследователя ислама Жилия Кепеля, и прочитанное заставило меня вздрогнуть. Вот и Мубарак понимал, что падает, и что он сам виновник падения, но видел, что может в результате падения произойти, – и поэтому отчаянно пытался падение остановить. Ну представьте, как если бы в России сейчас случилась катастрофа, цены на нефть упали до нуля, и голодная толпа поперла бы на Кремль и Ново-Огарево, – в этой ситуации я точно так же встал бы на сторону Медведева и Путина, потому что обратный вариант с высокой степенью вероятности означал бы приход к власти тех, кто управляет нацистами-фанатами: прочие оппозиционные структуры, способные реализовывать власть, в России попросту уничтожены.

И это лучше всего показывает, почему несвободные, нелиберальные страны вечно ходят по кругу. Диктатор уничтожает оппозицию, стремясь укрепить свою власть, а когда власть рушится, ее, по причине отсутствия оппозиции, подхватывает только другой диктатор.

И Россия в том смысле – Египет, только пока что в более сытом варианте. И американский сенатор Джон Маккейн уже заявил, что Мубарак – это предупреждение Путину.

Не думаю, чтобы Путин с этим согласился. Да и я не соглашусь.

Мубарак – это предупреждение всем нам.

2011

КАК БОДАЛАСЬ ЭЛЛОЧКА С ДУБОМ

У меня конфликт с питерской губернаторшей Матвиенко, напоминающий конфликт людоедки Элочки с Вандербильдихой, причем Элочка – это я. Мне ужасно не нравится нынешнее состояние Петербурга, превратившегося из окна в Европу в дырочку в сельском сортире, – а губернатора везут по специально причесанным улицам на специально бронированном автомобиле, и ей видится все по-другому, а меня она не видит в упор. Мрак! Жуть! Хо-хо!

В принципе, 30 слов из словаря Элочки вполне достаточно, чтобы описать то, как выглядит зимний Петербург, где кино про блокаду можно снимать без дополнительных декораций. Ну, там люди ходят по дорогам, потому что вместо тротуаров у них снежные горы и ледяные поля, – а машины, напротив, едут по тротуарам, потому что на трех десятках дорог начали снимать асфальт, укладывать трубы и прочим разнообразным способом осваивать бюджет в зимний сезон. А, поскольку при минус двадцати и в метель новый асфальт укладывать слегка затруднительно, эти дороги так и бросили в пасть времени раззююканными.

Некоторые граждане, впрочем, считают, что 30 слов Элочки-людоедки для описаний действий градоправительницы мало, и что слова для этого нужно заимствовать из словаря подруги Элочки Фимы Собак. Которая, как известно, была культурной девушкой, зная целых 180 слов, включая такое богатое, как «гомосексуализм». Город вообще управляется, по мнению таких горожан, немножечко через задницу. И я, должен сказать, с мнением этих горожан немножечко солидарен. И я даже высказывал эту точку зрения в эфире радиостанции «Вести ФМ», когда там вел утренний эфир. А потом высказывать перестал, потому как вести эфир на «Вестях» мне больше не дали. Мне сказали, что если бы я конструктивно критиковал градоправительницу Матвиенко – вот это было бы замечательно. А так, мне сказали, я не критиковал, а ругал. Причем с «визгливыми интонациями». И вот по причине этих глубоко эстетических разногласий мы, увы, расстаемся.

И я, конечно, угрюмо побрел в светлую даль, размышляя о своей эстетической неполноценности. Делая вид, что не знаю, что в то утро, когда я так некрасиво визжал, в Петербурге президент Медведев так красиво встречался с Матвиенко, и они там обсуждали такие безумно насущные вопросы, как петербургская продовольственная безопасность (ну да, ведь блокада) и трудоустройство горожан – но, к сожалению, не мое.

И на этом пути в светлую петербургскую даль всего лишь один раз на льду шлепнулся и еще один раз хрястнулся, но все это, слава богу, чуть-чуть.

А когда живущая во мне Элочка очухалась и пришла в себя, то увидела, что Вандербильдиха нанесла очередной удар. Оказывается, Владимир Путин наградил Валентину Матвиенко премией правительства в области науки и техники. За «разработку и внедрение целевой инновационной программы по модернизации инженерных сетей, базирующейся на энергосберегающих технологиях (на примере Петроградского района г. Санкт-Петербурга)».

Я, понятное дело, хотел визгливо вскричать «Шутишь!», поскольку живу именно в этом районе, где так все инновационно побазировали и внедрились. Одна инновация была в том, что перешли на маленькие котельные (что разумно), а другая в том, что заменили трубы отопления (тоже дельно). Однако эти трубы так понравилось заменять, что в нашем доме их заменяли за счет бюджета дважды, а в доме моей тещи трижды, меняя то черное железо на металлопластик, то дорогий металлопластик на железо. А главная инновационная сберегающая технология в нашем доме состоит в том, что в паре подъездов вода из кранов не льется и, таким образом, сохраняется целиком.

Но это, как говорится, уже детали. В конце концов, Матвиенко наградили не за лед и сосульки, не за экономию и бережливость, а за внедрение. Заслужила. Как заслужила, пом-

нится, полгода назад похвалы за досрочное завершение городской программы по ремонту крыш.

А я тогда стоял на нашей ржавой, полвека не ремонтировавшейся крыше, смотрел окрест на другие столь же ржавые крыши, и думал, как и полагается думать Эллочке – «Кр-р-расота!»

2011

ИСТОРИЯ ЧУЧХЕ ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ДО КАДДАФИ

О национальных героях и об умолчаниях, которые удивительным образом роднят современную Россию с современной Северной Кореей.

У вас такого не случалось, чтобы тема, сильно вас увлекшая, то и дело начинала всплывать в самых неожиданных местах?

Я вот последние года три довольно много читаю по истории страны. Сейчас, например, – анисимовскую «Историю России от Рюрика до Путина». Это такой краткий, страстный по словам, но, что называется, взвешенный по оценкам пересказ в одном томе целого русского тысячелетия. И при чтении меня потрясло, что те герои русской истории, которые уж из героев герои – ну, Дмитрий Донской, Александр Невский – стали таковыми лишь когда это стало выгодно царям. Потому что на самом деле Донской бился не только с татарами, но и с рязанцами и тверичами. Они, кстати, потому на Куликовскую битву и не вышли, что свирепый Дмитрий был им хуже татар. Хотя я отнюдь не уверен, что вы об этом слышали.

А Александр Невский? Помните знаменитый финал одноименного фильма, когда разбив немецких псов-рыцарей, князь на пиру говорит «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет»? А знаете ли вы, что Эйзенштейн собирался снимать совершенно другой финал?

Какой? Минуточку терпения. А пока расскажу, как недавно для канала «Совершенно секретно» я записал программу с крупнейшим специалистом по Северной Корее Александром Жебиным. И Жебин меня потряс вовсе не рассказом о том, что, например, иностранцам в Пхеньяне запрещено пользоваться сотовыми телефонами – я это и раньше слышал. А рассказом о том, что, оказывается, простым корейцам до сих пор неизвестно, что Хусейн казнен, Каддафи убит, а Чаушеску расстрелян. Корейцам корейское телевидение сообщило, что все эти диктаторы и вожди «скоропостижно скончались». «Понимаете, – объяснил Жебин, – северокорейская идеология не может допустить, чтобы вождь был свергнут, отдан под суд или был убит. Вождь должен быть богом, даже чужой вождь».

А вот теперь – о первоначальной идее концовки фильма «Александр Невский». Итак, князь на пиру голосом актера Черкасова провозглашает: «От меча и поги-и-ибнет!». А далее к нему пробирается гонец и что-то шепчет. Александр бросает пир и выезжает в поле. Там, насколько хватает глаз, горят костры – это подошла Орда. Подъехав к юрте хана, гордый князь слезает с коня, встает на колени и ползет, согласно обычаю, между двух огней к входу к юрту...

Знаете, кто вычеркнул эту концовку? Товарищ Сталин.

Почему вычеркнул? Ответ на этот вопрос уже дал господин Жебин.

То есть, если в нашумевшем когда-то конкурсе «Имя России» лидировал Сталин, а победил Невский, это означает, что Сталин все равно победил.

2012

У НАС ОБРАЗОВАЛОСЬ СТРАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

О том, что революция в системе образования нам необходима, а также о блогере Собчак и ректоре Садовничем.

Забыли, поди, что случилось 26 января 2012 года? А случилось невероятное: Дмитрий Медведев приехал на журфак МГУ. Он уже один раз приезжал, только на ту встречу никого с журфака не пустили. А сейчас студентам, пусть и по спискам, но разрешили прийти.

Ну, а пока Медведев ехал, Ксения Собчак сбрасывала в интернет твит за твитом. Например: «Ежегодно формируется список лучших университетов мира. В 70е МГУ был в 30ке лучших, сейчас не входим в сотню:(»

И еще: «В средн века ректора Сорбонны выбирали на3 мес. Ректору Садовничему 72года».

И еще: «Лучший вопрос который студенты МГУ могут задать Медведеву: Почему МГУ на 165 месте в списке университетов?»

Ксения Собчак уже давно из модной дамы превратилась в популярное СМИ. У нее четыреста тысяч фоловеров – впятеро больше тиража «Коммерсанта».

Вот и на этот раз прицел Собчак точен. Наше образование – часть вертикали власти. У нас при Путине отменены выборы ректоров двух главных университетов. А главный продукт, который обязаны университеты в условиях вертикали производить, – это стабильность самой вертикали.

Вот Владимир Путин недавно заявил, что у него от некоторых учебников истории волосы дыбом встают. Как, спрашивается, должны после этого поступать контролируемые вертикалью деканы истфаков? Я полагаю, стоять во фронт вместе с вертикалью и подгонять под нее свои планы. Хотя на голове у Путина особенно и нечему вставать.

И если Дмитрий Медведев создал комиссию, следящую за «фальсификациями истории», то это означает, что авторы учебников занимаются не историей, а угождением комиссии.

И если существует запрос Кремля на идею, что хуже нет ничего революций – то именно про это и пойдет писать истфакская губерния. Не фокусируясь на том, что общество развивается посредством смены парадигм, то есть революций, и что революции бывают всякими – в том числе бархатными и бескровными.

Наша система образования в очередной раз обслужит не население, не бизнес, а именно власть. Большой контраст с американскими университетами.

Проблема же для российской власти в том, что мировые рейтинги учитывают не то, как университеты обслуживают русскую вертикаль, а как они – посредством научных исследований – обслуживают мир.

Поэтому, какой рейтинг мировых университетов не возьми – Гарвард там либо второй, либо первый. А лучший российский вуз, МГУ – либо в конце второй сотни, либо вообще вне ее.

2012

ЦЕНА И ЦЕННОСТИ

Как умен политик Бжезинской! Как мощна «мягкая сила»! Как нестерпим блеск бриллиантов культуры! Как нетерпима борьба двух миров! Как разгоняют митинги в России! Как быстро вернулся Путин, Путин, Путин!

Збигнев Бжезинской в книге «Великая шахматная доска» (ее хорошо бы прочесть и западнику, и славянофилу) популярно объясняет, чем поддерживаются претензии США на мировое лидерство и почему была выиграна холодная война.

США, в отличие от СССР, не навязывали своим союзникам ни управления из Вашингтона, ни идеологии. С Европой США объединяли общие ценности, которые были привлекательны для всего мира. И гибкость пан-атлантического союза на фоне лагеря социализма, плюс блеск либеральной идеи, обеспечили победу.

Голливуд и Гарвард, Уорхолл и Бор, Хемингуэй и дом с тремя спальнями, джаз и автомобиль, свобода личности, – все это было дико привлекательно, и этому было нечего противопоставить, особенно в очереди за колбасой.

Привлекательность ценностей – как материальных, так и нематериальных – и есть основа «мягкой силы», обеспечивающей победу жизненного уклада. Мы такое видели и в России, когда «мягкая сила» офисной культуры, с ее компьютерами и корпоративами, победила бандитско-пацанскую культуру начала 1990-х.

Я говорю обо всем этом через день после того, как Владимир Путин был избран на очередной срок правителем России и на следующий день после того, как в Москве и в Питере разогнали тех, кому этот выбор не понравился, и кто по этой причине вышел на площадь, решив, что площади, как в Америке и Европе, принадлежат всем, а не Путину. В итоге в обоих городах полицией и ОМОНОм были схвачены мои знакомые, им устроили веселую ночь. Это пример действия жесткой силы, давления и подавления, на котором строился СССР.

И эта сила может быть действительно сильна – при условии, если за ней стоит мягкая сила, то есть охраняемых ценностей. Ибо если есть сила, но нет ценностей, то даже охрана однажды поймет – и на фига пустоту защищать?

Я это к тому, что мы с легкостью можем перечислить западные ценности, привлекательные для нас. Свой пригородный дом, автомобиль и хайвэй. Страховая медицина. Качественное образование. Чистый воздух. Улыбчивый сервис. Научные открытия. Журналистские расследования. Честные новости. Независимый суд. Защита личности. Убить дракона. Спасти рядового Райана.

Но попробуйте назвать российские ценности, которые заставляли бы прочий мир смотреть на нас, равняться на нас и подражать нам.

Этот вопрос о ценностях я задаю часто.

И слышу в ответ либо про Толстого с Достоевским, либо про нефть и газ.

Скучно, девушки. Нечего ОМОНОу в России охранять.

2012

Часть 3. Парадигма общества

ЕСЛИ В ТРУБАХ НЕТ ВОДЫ

Союз православных граждан призывает РПЦ в миссионерских целях осваивать блогосферу, то есть призывает клириков вести ЖЖ; замечательно и вообще: прекрасная инициатива!

Это ведь не часть давнего спора об осовременивании РПЦ, главная прелесть которой, на мой вкус – как раз в обрядовой мумификации, где все «как тыщу лет назад». А то вот гуляли мы с женой ночью по Риму, услышали музыку. Оказалось – праздник у общины церкви девы Марии. Нас затащили в храм, играл рок-квартет, все танцевали и пели: Padre, Padre! Padre mio! (диск понтифика, полный католических шлягеров, возглавлял в тот месяц итальянские музыкальные чарты).

А как вы такое у нас представляете? Прежде чем менять форму, надо определиться с содержанием: установить, что такое православный взгляд на рок-музыку, танцы, браки с чужестранцами, – на многое, на что римская церковь взгляды пересмотрела. А русская – даже не сформулировала.

Другое дело – интернет в пропаганде того, что называется «позицией РПЦ». Коль уж благодать почиет без посредства, игнорируя личность посредника – то уж для Слова Божия способ доставки еще менее значим. Изобрел Иоанн Гуттенберг печатный станок – заповеди стали доступнее; изобрел Минпечати распределение телевизионных частот – появился канал «Спас». ЖЖ – тем более во благо.

Однако я, как атеист, то есть как лицо незаинтересованное, остерегся бы на месте РПЦ к блогам прибегать. Как и преподавать православие в школах. Проповедовать есть смысл, когда есть что сказать; трубы без воды вызывают ярость. 90 лет назад народ народ-богоносец допустил уничтожение церкви: полагаю, в том числе и в отместку за каторгу обязательного урока божия.

Вызвать интерес может только развитие – а в чем, спрашивается, развитие православия за тысячу лет? В чем позиция РПЦ по отношению к современности? В Петербурге собираются строить небоскреб; из России принудительно выслали грузин; россияне хотят царя – в чем православный взгляд на все это? Православный взгляд отлично известен лишь на две вещи: государство (должно быть важнее человека) и патриотизм (должен быть). Спасибо РПЦ за это. А также за Путина, Сталина или кого там еще – начиналась же в этом году пасхальная служба словами «Дорогой Владимир Владимирович!»

Представляете, что будет, если кто из архиереев и вправду заведет себе ЖЖ и заведет шарманку про патриотизм? Ему тут же ответят, что уж что-что, но патриотизм никогда не был добродетелью для Того, в чьем Царстве «несть элина и иудея». И что Царство Небесное все же выше администрации президента, хоть в это и трудно поверить. И каментов накидают, и вообще, поступят, как с депутатом полковником Алкснисом, когда тот сдуру вылез в ЖЖ.

Поэтому я бы идею миссионерства в ЖЖ одобрил, но ни за какие коврижки не начинал. Собственно, это относится ко всем, кому лучше жевать, чем говорить.

ЖИЗНЬ В АРЕНДУ

Нынешним 30-летним, возможно, придется жить в арендованном жилье до смерти – по крайней мере, до смерти своих родителей (тогда появится шанс на наследство). Это повод не для отчаяния, но для размышлений.

Академик Лихачев в воспоминаниях о дореволюционном детстве описывал, как родители весной свозили мебель на ломбардный склад, съезжали с квартиры на дачу, а осенью возвращались – в новую квартиру, тоже съемную. Собственно, по-другому быть не могло – либо ты владелец дома, либо арендатор квартиры. И ребенком Лихачеву кочевать по арендованным квартирам даже нравилось.

Многим сегодняшним 25-30-летним петербуржцам остается разделить детскую непосредственность академика. Иначе, как пребывать в арендаторах, у них вариантов нет. Судите сами. Семейная 85-метровая «трешка» недалеко от метро стоит, условно, 5 миллионов рублей. Ипотека на 15 лет с нулевым первым взносом увеличивает цену вдвое. Это значит, что в течение 180 месяцев молодой паре с детьми на руках придется выплачивать по 55000 рублей. Сомневаюсь, чтобы многие потянули. А вот аренда такой же квартиры обойдется в 2–2,5 раза дешевле, а случатся тяжелые времена – можно будет съехать в меньшую или перекантоваться у родителей. Вон мой пасынок Митя – снимал квартирку на Пушкинской. Хозяйка подняла плату вдвое – вернулся к нам, в свою детскую комнату.

Митины шансы обзавестись собственностью, равноценной родительской, близки к нулю. Квартира, в которой я пишу этот текст, стоит под миллион долларов. Я когда-то вложил в нее \$17000 – успел проскочить в мир собственников по дешевому билету. Начинать бы с нуля сегодня – шансов тоже был бы ноль.

В мире всюду заговор геронтократов, комплот старших поколений: мы свое схватили, и не отдадим. 4 года назад, обнаружив в лондонской газете Loot – это их «Из рук в руки» – страницы объявлений «сниму угол» (именно угол, не комнату), я был шокирован. Сегодня аналогичная ситуация в Москве: 80 процентов арендаторов снимают не квартиры, а комнаты и углы.

Правда, между Россией и миром есть разница. Если бы Митя снимал квартиру в Париже или Нью-Йорке, а хозяйка подняла цены вдвое, он бы отказался съезжать и платить: там есть законы, ограничивающие произвол хозяев. У нас никто даже не думает, что такие законы могут быть.

Не нужно делать трагедии из жизни по чужим углам и квартирам, особенно в молодости: я сам так долго жил. Но не нужно и отказываться от борьбы за свои права. Почему так дорого (а по соотношению цена/ качество жизни – чудовищно дорого) российское жилье? Не потому ли, что, если верить девелоперам, треть его цены составляют взятки? Почему государство не заикается о правах арендаторов? Не потому ли, что этим депутатам, министрам, президенту плевать на молодых?

Тут – отличный повод и для высказывания, и для борьбы за права, и для участия в маршах несогласных с перспективой умереть под арендованной крышей.

2007

ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ. НО ПРОТИВНЕЕ

Авторство формулы, вынесенной в заголовок, принадлежит не мне, а Борису Немцову. Я лишь добавлю пару абзацев.

Я дописывал этот текст – последний в 2007 году – во Франции. За окном – заснеженные Альпы. Мы большой компанией поселились в отличном шале, и нам было весело вплоть до отъезда в аэропорт, когда все вдруг заговорили, как изменилось для нас понятие границы и качества жизни за последние годы, и особенно – за последний год.

С деньгами и работой, слава богу, все лучше и лучше. Правда, журналистам стало нельзя сомневаться в гениальности Сами-Знаете-Кого (я в этом году несколько раз пытался; в тексте либо вымарывали абзац, либо возвращали статью; делали это не цензоры, а сами редакторы, костеря при этом Сами-Знаете-Кого, но произнося сакраментальное: «ну ты же не хочешь, чтобы нас закрыли»). Но, в принципе, про сочетаемость сибаса с чоризо пока можно писать правду. Мы ведь стали отлично разбираться в дорогих вещах, да и путешествовать стали чаще.

Мы путешествуем теперь так часто, что перед самолетом спрашиваем, кто не был за границей больше месяца. Это важно для укладки багажа. В России с этого года действует закон, позволяющий при поездках чаще раза в месяц брать пошлину со всего купленного за границей, хоть с зубной пасты, и это не шутка: мы знаем, как таможня лютует на каких-нибудь миланских рейсе.

Мы, правда, меньше шатаемся за границей по магазинам. Не потому, что боимся таможенников, а потому, что у всех все есть, а когда у тебя все есть, тратиться на избыточное глупо. Разумнее взять машину и прокатиться по чужой стране: в России мы этой роскоши лишены. На родине ведь стало больше машин, но не дорог, а имеющиеся плохи и перегружены. Мы вообще восполняем за границей то, чего дома нам не хватает: дефицит доброжелательности, плюс искренней веры в свободу, равенство и закон. И вообще, за границей мы стали теперь ценить безопасность, в смысле – от наезда. Здесь полицейский – защитник, а не одетый в униформу бандит, и чиновник – помощник, а не вымогатель.

И мы в очередной раз говорим друг другу, что пора покупать домик в Провансе или шале в Валь д'Изере, где даже законы гор – это законы. И вообще: кажется, подходит время валить. И отводим взгляд от друг от друга, потому что понимаем: не свалим. Потому что, свалив, не сможем так много тратить на удовольствия и так замечательно зарабатывать – мы станем обычным европейским средним классом, скромно и экономно живущим.

Собственно, появление вместо среднего класса в России класса людей, недовольных происходящим в России, но терпящих безобразия ради денег; ставящих в образцы европейский middle class, но на деле гордящихся своим имиджем на фоне отечественных нуворишек, быканов, ментов, таможенников, гаишников и прочего беспредельного люда, – вот появление такого класса я и считаю главным итогом 2007 года.

Наш главный итог-2007 – что мы окончательно стали людьми, готовыми терпеть дерьмо ради удовольствия не выглядеть дерьмом на фоне дерьма.

2007

ХАМЫ ГОРОДА ПИТЕРА

У сторонников небоскреба «Газпрома» два аргумента: 1) город должен развиваться; 2) Петербургу свойственно новаторство. Возьмите Эйфелеву башню, говорят они: тоже все были против, а ныне – символ Парижа!

Я бесконечно люблю Петербург, что не мешает моим интрижкам с Парижем. Эти два города во многом похожи – идеологией главных проспектов, а главное – имперскостью дворцов и ансамблей, то есть избыточным, объективно не нужным усилием. У них – Лувр, Тюильри, Конкорд; у нас – Дворцовая, Стрелка, Марсово поле. Однако дальше – сплошные различия. Париж – город, где спорят холмы и плоскости, причем отдельные здания на плоскостях (как Нотр-Дам) берут на себя роль холмов. И река Сена – узка, и спуск к ней идет обрывом, как в ущелье в горах.

В Петербурге не то: воды широки, вровень с набережными, а линия крыш как проведена по линейке пером, чуть дрогнувшим на шпилях и куполах, поскольку ни один дом не выше конька Зимнего. Собственно, эта линия, параллельная воде и горизонту – и есть главное сокровище Петербурга. Академик Лихачев называл ее Небесной. Все остальное есть и в Париже, и в Стокгольме, но Небесной Линии нет нигде в мире.

Это главное богатство города сегодня уничтожается повсеместно – хамскими новыми домами на Робеспьера (убившими вид на Смольный собор), хамским зданием «Монблан», хамским новым бизнес-центром на Петроградской набережной, где начала было рисоваться своя Небесная Линия, как вдруг ради квадратных метров поехала вверх, убила красоту. И те, кто живет и работает в этих хамских зданиях – для меня тоже хамы.

Башня «Газпрома» – это храм хамов, ради денег уничтожающих красоту. Далее охамление пойдет необратимо. Это не Париж, где обсуждают снос небоскреба Монпарнас: когда его строили, тоже, кстати, кричали, что «город должен развиваться».

Как хорошо, что это понимает руководство ЮНЕСКО.

Как жаль, что не понимает губернатор Петербурга.

Боюсь, я знаю, почему.

2008

НОВЫЙ МУЛЬТСЕРИАЛ ПРО СТАРУЮ РЕПКУ

Россвязьохранкультура потребовала снять из эфира канала «2x2» пару мультсериалов: по ее мнению, они пропагандировали насилие и жестокость. Телеканал подчинился.

Охранители устоев должны ликовать, либералы – ругаться; но вся эта, прошу прощения, ботва не имеет отношения к произрастанию репки.

Жестокой или смешной, непристойной или прекрасной одну и ту же вещь делает не текст, а контекст. Создатель «Антимульт. ру» Макс Кудеров сочинил кровавый мультик про Винни-Пуха Jackass The Toon, Гюстав Курбе написал полотно «Происхождение мира», где крупно изображено влагалище; первый можно наблюдать на antimult.ru/antimults/antitoons; второе – в музее д’Орсе. Однако ничьих возмущений это не вызывает, хотя и на сайт, и в музей ходят дети. Буря поднялась бы, реши кто-нибудь продемонстрировать голую женщину с раздвинутыми ногами на вокзале, хотя именно вокзалом музей д’Орсе когда-то и был.

Все правильно: в бане моются голыми, по улицам ходят одетыми, хотя люди и там, и там одни и те же.

Россвязьохранкультура пытается регулировать содержание, текст, хотя куда разумнее регулировать контекст. На Би-Би-Си существует понятие watershed, «водораздел», принимаемое, кстати, и остальными телеканалами. Это значит, что до 9 вечера в эфир нельзя выпускать вещи, сомнительные с точки зрения детского восприятия. А после 9 эфир становится «взрослым». Это не значит, что после 9 в эфире будет звучать слово fuck (или что не будет до 9) – просто если возникнет конфликт, соответствующая комиссия первым делом будет смотреть на нахождение сюжета по отношению к watershed.

В России не определены правила контекста: какое время считать «детским», с какими предупреждениями «взрослые» сюжеты нужно показывать. Порносайты, ставящие предупреждения о возрасте посетителей (и моделей) ведут себя куда более ответственно, чем Россвязьохранкультура.

Потому и не будут гореть в аду.

2008

ЯСНО ВСЕ, КАК «2Х2»

Если в России кошмарят бизнес, значит, это кому-нибудь нужно. Если кошмарят телеканал, значит, есть претенденты на частоту. Однако существует и другое объяснение происходящему с мультканалом «2х2».

Для тех, кто к эфиру только что подключился (предыдущие серии проспав): Басманная прокуратура, расследуя письмо группы граждан, усмотрела разжигание межрелигиозной розни в песенках мистера Говняшки из сериала «Южный парк» (спрашивается, а что с Говняшки взять?) Одновременно прокуратура – уже Генеральная – усмотрела угрозу нравственному здоровью детей еще в 12 мультсериалах. И это не первые проблемы «2х2»: в марте Россвязьохранкультура выносила каналу предупреждение за «пропаганду насилия и жестокости». Очередное действие разворачивается на глазах: депутат Госдумы Тараканов уже предложил передать частоту «2х2» «новому молодежному проекту», отражающему «государственную позицию».

Мне все это ужасно знакомо: в свое время и я походил в разжигателях розни.

В 2004-м, в свой первый месяц работы главредом журнала ФНМ, я был вызван в прокуратуру на предмет разжигания религиозной вражды: состоялось оно в публикации интервью с Владимиром Познером (его брал еще предыдущий главред), где Познер говорил, что, по его мнению, православие является бедой для России (я, кстати, с Познером солидарен). Я бросился к юристам компании. Те сказали, что «это формальность, нужно же им реагировать, подпишешь, что предупрежден», – я поехал в Головинскую межрайонную прокуратуру, где обнаружил двух милых теток, которых и самый злой язык не повернулся бы назвать прокуроршами. Тетки пили чай с вареньем. Я спросил, думают ли они, что Познер разжигает вражду. Тетки вздохнули и сказали, что есть заключение экспертизы. Я спросил, кто ее проводил. Тетки сказали, что институт МВД. Я спросил, нельзя ли получить текст. Тетки сказали, что нельзя. Я спросил, что будет, если я ничего не подпишу. Тетки с грустью посмотрели на меня. В итоге я расписался, что предупрежден об ответственности, которой за собой не признавал. «Познер умный, – сказала одна из теток. – Жалко, что Парфенова больше не показывают. Я вам не по службе говорю, сами понимаете».

Я вышел на свободу. В прокуратуре незлобные и неглупые люди производили то, что единственно умеет производить власть в России – давление на все, что хоть сколько-нибудь свободно. Когда в системе есть клапана – прямозфирные ток-шоу, митинги, демонстрации, вообще гражданское общество – это давление рассеивается. Вызови меня в прокуратуру при Ельцине, об этом бы трубила пресса, а безвестный эксперт был бы вытащен за ушко на медийное солнышко. Но шел 4-й год путинского строительства вертикали; труба становилась все более герметичной. Нам сообщили – мы обязаны среагировать – а реагировать мы умеем лишь репрессивно. Прокуратура – не парк аттракционов. И уж точно не «Южный парк».

Очень боюсь, что в случае с каналом «2х2» все протекает по этой схеме. Никто не думал отбирать частоту, но кто-то возмутился, и система отреагировала.

И все – больше ничего не поделать. Акции в защиту любимых мультв в Москве и в Питере протекают в совершенно другой трубе. Государство и общество сегодня в России почти не пересекаются.

Система же будет на стыках течь, ее будут латать, но однажды ее все равно прорвет.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЫКЛЮЧИТЬ ТЕЛЕВИЗОР

Стандартная ситуация – отказ музыкальной группе в эфире по причине текстов, не укладывающихся в формат – вызвал скандал. А по-иному и быть не могло.

В 1991-м моя мама, живущая в городе Иваново, сказала: «Сын, я запуталась. Раньше знала, что если «Рабочий край» что-то ругает – значит, на самом деле это хорошо. А если «Огонек» что-то ругает – значит, это и правда плохо. А теперь сто газет, и все пишут по-разному».

«Рабкрай» тогда был газетой ивановского обкома.

Сегодня кончились муки выбора. Российское медийное пространство разделилось на СМИ «для них» (где, с нашей точки зрения, напропалую врут) – и на СМИ «для нас» (где говорят то, что мы хотим слышать). Все, без полутонов.

Что стряслось с группой «Телевизор»? Телеканал «100 ТВ» заранее попросил лидера Михаила Борзыкина предоставить тексты песен для концерта в прямом эфире, чтобы «ведущий мог подготовиться». Это нормально? Да, потому что готовиться к эфиру надо. Один из текстов был о том, что в наше время многие от страха снимают штанишки и нагибаются, и содержал слово, которым когда-то в русском алфавите называлась буква «х». Мог телеканал «100 ТВ» попросить группу эту песню, имея в виду детей у телеэкрана, не исполнять? Да запросто. Мог Михаил Борзыкин счесть песню принципиальной и устроить скандал? А то! Так это творческий конфликт? А вот нет ответа. Ведь все телевидение сегодня контролируется «ими». Но верить Борзыкину, что ему мстят из-за участия в «Марше несогласных», я бы тоже не стал, потому что это предположение, а не факт. Факты можно было б узнать из прямого эфира с самим Борзыкиным и представителями «100 ТВ», но где ж сегодня такой эфир найти?

Когда гогнулся СССР, основанный на контрастном, черно-белом видении мира, к новой, полноцветной жизни не смогли приспособиться ни вчерашние гонители, ни вчерашние гонимые. Это урок.

Так что выключите телевизор. Он хорошему не научит. Что с «Телевизором» на экране, что без.

2008

С ДНЕМ ПОБЕДЫ

Недавно в Германии, в Дюссельдорфе, я был трижды изумлен, хотя за границей бываю часто, а удивить меня трудно.

Первый раз я изумился тому, что местный аэропорт закрывается на ночь: то есть не тому, что с 23.00 до 7.00 он не работает, а причине, по какой не работает. Ну, попробуйте догадаться сами – почему? Не выдерживает конкуренции с франкфуртским и мюнхенским хабами? За ночную работу нужно дороже платить? Как бы не так: аэропорт закрывается потому, что местный бургер желает ночью спать. И он так решил, и баста.

Второй раз потрясение вызвала перестройка старого порта под офисный район: туда пригласили оторваться молодых архитекторов. И они оторвались: один офис – самые большие в мире часы, другой покрыт мятой сталью, третий облеплен резиновыми человечками – знаете, такими, что кувыркаются по стеклу. Но, опять же, потрясение вызвала не архитектура, а то, что архитекторов вскоре позвали опять: строить в районе офисов жилье. Немцы ужаснулись, что ночью офис-порт мертв, и теперь исправляются, строя рядом и дико дешевые, и дико дорогие квартиры, потому что когда все вместе – это и есть жизнь.

А третий раз я был сражен, когда мне показали резиденцию бургомистра. «А нельзя к нему заскочить на чаек?» – «Нет, он там не живет. Резиденция сдается бургомистру в аренду, а у него зарплата не такая, чтобы ее снимать. Так что он живет в своей квартире, а в резиденции проводит официальные приемы».

Чтооооо?!! Горожане – градоначальнику – за деньги?!

Испытав катарсис, я вернулся в Россию и, знаете, о чем подумал? Не о свойстве российских бургомистров ездить на «Мерседесах», смотреть на город как на источник денег и отгораживаться от тех, кто беднее.

А о том, что правы те историки, которые полагают, что выигрывает войну не тот, кто принимает капитуляцию, а тот, кто извлекает больше преимуществ из ситуации, в которой оказался в результате войны.

2008

КОНЕЦ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА

После программы «Времечко», которую я веду, а точнее вел, разгоряченный экономист Никита Криченко хватает меня за рукав: «Рынок нефти сегодня – это вообще spot-market! Ты знаешь, что такое spot-market?»

Я киваю, но Кириченко не остановить. «Вот у тебя зафрахтованы корабли, и тебе нужно срочно их загрузить, скажем, лесом, и ты берешь лес по любой цене – это spot-market. Или у тебя эпидемия, и ты покупаешь лекарства по любой цене – это spot-market. Вот нефтяной рынок сегодня такой. Это ерунда, что Китай увеличил потребление, я проверял – даже уменьшил. Но все танкеры зафрахтованы. Это может рухнуть в любую минуту! Я думаю, уже в этом году».

За что я люблю, а точнее, любил «Времечко» – это за сюрреализм а-ля Феллини. Вот у тебя на эфире – экономист, плюс белый маг с дипломом, плюс психолог без диплома, и вдруг их заносит на нефтяные цены (а что поделаешь? прямой эфир!) И психолог говорит, что цены не нефть – это не спрос и предложение, а вера в то, что они и дальше будут расти. Нефть стала сверхтоваром. Мы знаем истории сверхтоваров: недвижимость сейчас сверхтовар, хрусталь в СССР был сверхтоваром, тюльпаны в Голландии когда-то были. Потом, конечно, все рухнуло, кроме золота. И маг вскрикивает: да-да! – золото – оно навсегда. А нефть – через год. Он прорицает в белом тумане.

Словом, сумасшедший дом. А под личиной психа можно (было) нести то, что в контролируемый эфир не пропустят.

Пишу же я в прошедшем времени, потому что канал ТВЦ «Времечко» прикрыл. Не дожидаясь даже конца телесезона. По причинческим техникам, отпускным творческим – ну, там найдут, что сказать. Я же полагаю, что по причине, описанной выше.

На (спот?) рынок сверхтоваров это, конечно, не повлияет. Просто больше прямых эфиров в стране не осталось: никто не хочет в эфире безумия, все же ведь мыслят здраво.

2008

ПРОЩАНИЕ С ОБМАНУТОЙ ЛЮБОВЬЮ

Когда-то я любил Чубайса. Боже, как я любил! Как менеджера и практически как мужчину.

Он для меня был управленцем № 1 – в уничтожении коммунизма. Это ведь его идея – создать класс собственников. «Неважно, как собственность распределена, важно, что распределена», – цитировал он нобелевца Ричарда Коуза, и на Чубайса лезли с кулаками. А я не лез, потому что соглашался: да, неэффективные собственники отпадут, а эффективные появятся – и сам обзаводился собственностью. Благодаря Коузу и Чубайсу я купил одну квартиру, и вторую, и землю, да.

А потом, знаете, любовь дала трещину. Когда Чубайс ушел в РАО ЕЭС. Потому что на второй квартире напряжение было 180 вольт, и в результате не работал компьютер, а Чубайс говорил не о том, что скоро у всех будет 220 вольт, а как он разделит РАО на генерирующие и передающие компании. И я слушал это лет восемь подряд, а компьютер все не работал. И на земле, которую я купил, электрических мощностей хватало лишь на электрочайник. В отличие от Финляндии, куда Чубайс электричество экспортировал.

И я Чубайса разлюбил. Не за то, что он unsuccessfully реформировал РАО ЕЭС, а за то, что возглавил монополию, которая и не ставила целью улучшить жизнь образовавшихся собственников (и несобственников тоже). Там были другие цели – разделить, реформировать, сделать эффективной, гнать на экспорт. У всех русских монополий так. Вон, скажите Миллеру, что цель «Газпрома» – дать газ каждому дачнику: он изумится.

И Чубайс для меня исчез. Потому что возглавил то, что без подлости – в базисном смысле – возглавлять не должно. Как нельзя превращать администрацию президента в источник незаконной власти (а Чубайс это сделал) или проводить бесчестно выборы в 1996-м (а они были бесчестны).

Так что теперь я подумываю о домике в Финляндии: это самое разумное, пока Чубайс в России.

2008

МОРАЛЬ В БОРЬБЕ С ЗАКОНОМ

Водители-новички, а также иностранцы, с первых дней на наших дорогах постигают неписаную таблицу приоритетов.

Я сейчас не о явном позорище членовозов с мигалками – я о тайном. О том, что «джип» главнее седана. Что BMW главнее «Жигулей». Что главных надо пропускать – иначе подрежут, выжмут из ряда, создадут аварийную ситуацию.

Это хамское хвастовство статусом принято объяснять ростом демонстративного потребления (и, как следствие – поведения), то есть болезнью роста капитала. Однако, на мой взгляд, все печальнее. Дело в русской ментальности, где мораль (неважно, какая) имеет приоритет над законом.

Возьмем транспорт общественный. В англосаксонских странах действует правило: сидит тот, кто первым вошел. Уступать место не требуется ни старику, ни ребенку (для них зарезервированы отдельные места). Никто и не уступает: иначе придется выяснять, у кого больше моральных прав – у набегавшейся студентки, у мужчины с травмированным мениском или у скаредной дамы, экономящая на такси.

В России неписаная норма требует уступать место женщине (а как же писаное равноправие?), пожилым (а в 55 – это пожилой?), и все дико обижаются друг на друга, поскольку трактуют неписаное по-своему. Но ровно то же и с автомобилями.

Вот почему я вздрагиваю, когда в России заходит речь о морали: она обычно используется для прикрытия глупостей и гнусностей. По мне лучше, когда в обществе торжествует не мораль, а закон. По крайней мере, при торжестве закона в Лондоне я нередко сижу в метро. А в Питере только стою, даже в пустом вагоне: чтобы зашедшие пассажиры не породили конфликт разно понимаемых моральных требований.

И так вот стоять – для меня выход.

Как жаль, что эту логику не разделяют мои соотечественники, предпочитающие автомобиль.

2008

ТАК ВОТ О ЧЕМ ВСЕ ТАК МЕЧТАЛИ

Когда на твоих глазах гибнет человек, испытываешь сложные чувства – от бессилия до мгновенного постижения сути русской действительности

Не придумываю, так и было.

Когда ночь 11 июня перевалила на 12-е число, то есть на День России, под окнами тещиной квартиры на петербургской улице Воскова, где мы с женой остались на ночь, раздались визг резины и удар по металлу. Я вскочил на подоконник. На дороге лежал без движения парень. Рядом валялся велосипед. За угол со свистом удирали два черных автомобиля.

Эту ночь белой не назвал бы и романтик – после ливня тучи висели низко, но фонари, как водится в период белых ночей, не горели. Машинально отметив, что шлема на парне нет, я рванул к телефону и стал набирать «03». Жена с сотового набирала милицию. «Скорая» была беспробудно занята. В милиции не брали трубку. Прошла минута, вторая, третья. Занято; не брали; занято; не брали.

Я подбежал к окну и крикнул притормозившей машине, чтобы перед парнем (или уже телом?) выставили знак аварийной остановки – в темноте его запросто могли переехать. Затем откуда-то появилась машина ДПС. Еще минут через 10 из темноты неслышно вынырнула и «Скорая». Парень, слава богу, стал приходить в себя, его увезли.

Обычная история, в Петербурге такое случается чуть ли не каждый день. Хотя, по идее, услышав про подобное единожды, любой велосипедист должен ездить в шлеме и непременно с мигалкой-катафотом. А любой водитель, даже сбив человека, должен оставаться на месте. А губернатор должна свою мигалку снять и заниматься прямым губернаторским делом – налаживанием телефона экстренной службы спасения и нормальной работой уличных фонарей, чтобы включались не тогда, когда расписание, а тогда, когда темно.

Но мы с вами знаем, что никто из них ничего в своей жизни менять не будет.

И вот это, похоже, и есть у нас та самая желанная стабильность.

2008

МЫ ПОПАЛИ В ЗАПЕНДЮ

Я много путешествую, и поневоле коллекционирую аэропорты. Они всегда – лицо страны, региона, города.

В новом аэропорту Шанхая, например, встречают с улыбками сказочной красоты девушки, и сразу чувствуешь себя в восточном плену. А в аэропорту Пекина вместо девушек торчат по стойке «смирно» не улыбочивые солдаты – и тут же вспоминаешь товарища Мао.

У меня как-то все не случилось летать через «Пулково-2» – но вот на днях оскоромился. И теперь наш терминал занимает в моем списке первое место – но, к сожалению, с конца.

Попробуйте как-нибудь сами постичь логику и логистику этого места, законопослушно приехав за 2 часа до рейса. При входе – гигантская очередь: в отличие от всех аэропортов мира (где сначала – регистрация и сдача багажа, потом – кофе и поцелуи с провожающими, затем – досмотр и паспортный контроль), здесь сразу досмотр. Рекомендую в очереди на досмотр бросить взгляд на табло с расписанием рейсов: далее в зале-отстойнике информация будет отсутствовать. На какой стойке откроется регистрация? – неизвестно. У меня остался час до рейса, он что, задерживается? – ждите объявлений. Я могу вернуться назад, посмотреть на табло? – не можете. Вы хоть понимаете, что у вас не аэропорт, а помойка? – на себя посмотри, умник! А то милицию вызовем!

Все: говоря языком Чехова, мы попали в запендю. Ничто потом – ни отсутствие в бизнес-зале туалета (не говоря уж про душ), ни грязноватый сортир с битым кафелем в общей зоне, ни зачем-то второй досмотр перед посадкой – уже не удивляет. Включая то, что этого кошмара не замечает никто. Похоже, для меня одного «Пулково-2» выглядит эдаким ГУЛА-Гом-light: терпимым, но непереносимым. Разве можно переносить то, что одни унижаются, а другие унижают, но никто не видит унижительность происходящего?

Впрочем, перед улетающими все же маячит свобода.

А перед провожающими маячит аэропорт.

2008

И КТО ИЗ НИХ ВРАГ ПРАВОСЛАВИЯ?

Московская патриархия вынуждена признать: у Русской православной церкви есть реальные враги. И это не католики и не сектанты, а те православные, которые руководствуются только своей верой. И больше ничем.

Секрет вылез шилом из мешка во время Архиерейского собора, недавно прошедшего в Москве. Тогда храм Христа Спасителя окружили сторонники Чукотского епископа Диомида (врага ИНН, штрих-кодов, евреев, сотовых телефонов и сотрудничества с государством – он потом на Соборе был лишен сана). Против диомидцев вышел с плакатами «православный корпус» движения «Наши»: «нашисты» кричали, что диомидцы куплены (русский человек, сам продавшись, начинает непременно кричать, что куплены все). Случилась драка. Драку разогнал ОМОН. Это было ужасно, но действительность была еще ужаснее.

Диомидцы абсолютно неподкупны. Они искренне считают, что иерархи РПЦ утратили чистоту веры; они ищут «истинного православия»; они полагают, что за грехи вот-вот наступит конец света; они готовы за веру умереть. Кстати, пензенские «закопанцы», ушедшие в пещеру – они тоже никакие не сектанты, а православные. Диомидцев по духу вообще теперь столько, что в церкви поговаривают о расколе.

Отчего так случилось? Говорят, что православие молодо (Русь крестили 1020 лет назад), а потому переживает времена католического средневековья, с его расколом и реформацией. Говорят, что РПЦ больна тем же, чем и государство – стремлением к монополии и наживе. У меня свои наблюдения.

В 1998-м, во время празднования 1000-летия крещения Руси, на пресс-конференции митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (то есть нынешнего патриарха) я задал вопрос об узниках веры, сидящих в тюрьме. И зачитал список – его было легко собрать по диссидентской литературе. «Мне ничего не говорят эти имена», – ответил Алексей. Я опешил. А потом ко мне подбежал секретарь митрополита, рыжеволосый отец Георгий, сводивший свои теософские взгляды к формуле: «Мы по хозяйским нуждам, минералочки владыке купить...» «У вас, – зашипел он, – теперь будут проблемы!» Полагалась мне кара земная или небесная – он не уточнил. Вскоре он стал одним из иерархов. Я не удивился.

Полагаю, тысячи верующих задавали подобные вопросы. Почему не покаяться никто из завербованных КГБ иерархов? Зачем РПЦ торговала сигаретами? Отчего Патриарх ездит в сопровождении ФСО с «мигалкой», а пасхальную службу начинает словами «Дорогой Владимир Владимирович?»

Нет ответа, нет дискуссии, хотя это вопросы всего лишь церковной жизни. А есть еще вопросы самой веры – и на них ответа тем более нет. А когда ответов нет, остается идти либо в атеисты, либо в реформаторы.

Допустим, для меня реформаторство диомидцев – очевидное мракобесие: я знаю, что они будут бороться с интернетом, голыми коленками, с поездками за границу, с жизнью вообще. Но либеральный путь внутри РПЦ вычищен, как в абортарии. Мейнстрим в РПЦ сегодня такой: «есть вещи, которые более важны, чем уничтожение того или иного количества людей или даже жизни всего человечества. Это святости и вера». И это не Геббельс сказал, а протоиерей Чаплин.

А когда либерального фланга нет, а центр таков, каков есть – остается и правда в пещеры. Кстати, и в государстве точно так.

ТЕПЕРЬ ЗДЕСЬ БУДЕТ ОФИС

На НТВ снят с эфира выпуск программы Андрея Лошака «Профессия – репортер». Но в интернете ее легко отыскать, поэтому каждый желающий может его отсмотреть.

Не желающий смотреть (но имеющий глаза) легко может программу представить, поскольку и без Лошака видит ее каждый день. Сюжет «Теперь здесь офис» – о том, что в обеих столицах уютный, соразмерный масштабу человека центр, со скверами и историей, уничтожается. Взамен строятся офисные комплексы и монбланы «элитного жилья». Права прежних жителей (включая право собственности), стоят не больше расходов на их запугивание и выселение. Закон есть дышло. И даже если фасады остались прежними, то это фальшак, железобетон – ну, как если бы Рембрандта переписал на радость элитному инвестору модный среди нуворишей художник Славинский.

В Москве при Лужкове Рембрандт уже уничтожен. Я недавно с крыши Ritz-Carlton на Тверской показывал знакомым: вон Иверская часовня – это не 17 век, а новодел, и Манеж новодел, да и Китай-город – полуфальшак, с его недавно достроенными фальшь-стенами. Москва перестала быть историческим городом, смотреть в ней нечего, она как Лас-Вегас, куда едут либо делать либо тратить бабки, а не любоваться пластиковыми сфинксами у казино Лухог.

В Петербурге при Матвиенко процесс только начинается, но движется споро. Пройдитесь по Невскому или посмотрите на любой объект корпорации «Возрождение Санкт-Петербурга» (в подрядчиках у «Возрождения», Лошак это упоминает – корпорация «Терминатор»: по части названий ребятам цинизма не занимать).

Я на телевидении свой срок оттрубил и прекрасно знаю, что за всхлипы «история гибнет!» с эфира не снимают: лоху порой нужно говорить с экрана, что он герой. Но вот за политику и снимают, и увольняют. Потому что российская политика – это экономические интересы конкретных людей, и никакой другой политики, кроме конкретных бабок, в России нет. А Лошак поминал конкретных людей – например, московские компании «Баркли» и RGI, их глав Казинца и Кузинца. Бог знает, как их интересы пересеклись с интересами конкретных пацанов на НТВ или смотрящих за НТВ.

Так что зря Лошак в это дело влез. Хотя, может, он понимал, что если не влезет, то скоро и сам услышит: «Слышь ты, лошара недоделанный, быстро вали отседова, мы ща признаем твой дом аварийным».

А услышать такое – и в Питере, и в Москве – скоро придется многим влюбленным в свой старый город лохам.

2008

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

Спустя 17 лет ясно, что идеалы людей, шедших в августе 1991 на баррикады против ГКЧП – свобода, равенство, братство – воплотились с точностью до наоборот. По счастью, это не единственный вывод, который можно сделать.

Ночь с 19 на 20 августа 1991 года я провел с нынешней женой главы Госнарконтроля РФ, генерала ФСБ Черкесова Наташей. Тогда ее знали как Чаплину, и была она редактором демократического «Час пик», и нас было четверо – еще и моя жена, а также глава ленинградского корпункта «Известий» Ежелев. Мы договаривались, как будем поддерживать связь (я был собкором «Огонька»), когда наши издания ГКЧП прикроет.

Это было время непредставимой сегодня искренности и такой же любви к свободе. В стране практически не было потребительских товаров, еды и денег (8 марта 91-го года Юра Шутов – тот самый, который станет помощником Собчака, а позже будет приговорен к пожизненному за убийства – подарил моей жене двух тощих куриц: царский подарок!) Но люди искренне полагали, что в тюрьме жить нельзя, и что свобода превыше всего. Свобода казалась более материальной вещью, чем танки. После того самого ночного совещания с Ежелевым и Чаплиной мы с женой сели в «девятку» и поехали в Осиновую Рощу, потому что нам сказали, что по Выборгскому шоссе в город входят танки, и мы поехали если не перекрыть им путь, то сосчитать количество. Мы надеялись помочь тем, кто возводил баррикады перед Мариинским дворцом и перед телецентром. Я до сих пор с ужасом думаю о том, что было бы с нами, когда бы танки действительно вошли.

Спустя 5 лет после путча я брал интервью у путчиста, экс-главы КГБ СССР Крючкова. Он уже вышел из тюрьмы и рассказывал мне, как хорошо было жить в СССР, и я по глупости решил с ним поспорить. Но вместо того, чтобы сказать главное: в тюрьме комфортно лишь рабам – я стал ему рассказывать о деталях, то есть о слабости экономики СССР. «О, у вас неверная информация, – оживился Крючков, – на каждого гражданина СССР приходилось достаточно одежды, хлебобулочных и колбасных изделий!..» И он стал сыпать цифрами, из которых следовало, что на гражданина СССР выпускалось в год куда больше пальто драповых демисезонных, чем в США.

Он абсолютно в эти цифры верил: ведь именно их ему поставляли доклады с грифом «секретно», газета «Правда» и два канала советского ТВ. Сомнений никаких: суточное довольствие заключенного обладает энергетической ценностью 2500 килокалорий, в рацион входит 100 граммов мяса, 50 граммов масла... К чему клеветать на руководство тюрьмы?

Собственно, поэтому мы его в 91-м и победили – потому что легко умирать за свободу, но трудно горбатиться ради тюремного пайка. И, мне кажется, только такие ценности, как свобода, равенство, братство, людей по-настоящему объединяют, и заставляют строить баррикады или ехать на легковушке навстречу танкам.

А что нынешние «Известия» стали неотличимы похожи на прежнюю «Правду» – ну что ж. Что-то я не вижу среди тех, кто разменял свободу на паек, людей счастливых. Нет таких в мире бутиков, где продается счастье.

БИТВА ШТАНГИСТОВ С ТАНЦОРАМИ

Если верить Левада-центру, 74 % россиян убеждены, что войну в Южной Осетии устроили США – ради нефти и продвижения НАТО. Переубедить бесполезно: большинство судит мир по своим представлениям о мире – и о суде.

Вообще-то мир устроен так, что у людей, танцующих в балете, мало шансов сойтись с людьми, профессионально жмущими штангу. Когда мир смещается в сторону войны, образуется площадка, на которой танцоры и штангисты сходятся вместе и довольно нервно орут друг на друга.

Статьи европейских журналистов, побывавших и в Цхинвали, и в Гори, сводятся к тому, что Москва перешла черту, безо всяких дискуссий в Совбезе ООН введя танки в суверенное государство: так, утверждают журналисты, политические балеты не танцуют. Политики еще более категоричны. Мои друзья в Европе и Америке разочарованы тем, как себя Россия ведет и что в России происходит. Некоторые объясняют это потворством Кремля ксенофобии, некоторые – эффектом, какой свалившиеся шальные (нефтяные) деньги производят на незрелые страны. Но все едины в одном: Россия шла к демократии, а потом сошла – с ума. Они не могут понять, как это можно – не наслаждаться тонкой линией прыжка в балете, обзывать танцоров обидными словами, накачивать бычью шею, пукать при жиме штанги – и, кстати, травмировать позвоночник. И решительно не желать вставать из третьей позиции на пуанты. Никаким Левада-центром не убедить друзей, что это не злые козни Владимира Путина, а желание народа: быть частью империи, муравьем на фоне пирамиды, величие которой так завораживает, что искушает все. А народ, по конституции России (и Америки) – единственный источник права.

Так что народ имеет полное право считать, что нормальный пацан никогда не наденет колготы и не будет красить ресницы и брови. Нормальный пацан в гробу видал 32 фуэте и бьет в морду, когда намекают, что он пидор. Он не будет танцевать по правилам Буша, который насадил марионеток и оплатил цветные революции, чтобы захватить нефть (штангист уверен в том так же искренне, как мои друзья – в ценности свободы). Америка, слышь, задолбала пропагандой, потому что не могут же американские СМИ не плясать под дудку Белого дома. Реальный пацан судит по своей жизни: у него реально выходит так. Он знает, что такое демократия: он при демократах ходил нищим. Для него размер, в том числе территорий, и правда имеет значение. Он не будет консультироваться с Совбезом ООН – потому что какая, на хрен, болтовня, когда наших бьют?! И, кстати, он всерьез готов умереть за Великую Россию – в отличие от балетных.

Война всегда ослепляет и оглушает. Врага требуется мочить, а не слушать, чтобы червь сомнения не подточил древко победы. Слушать придется, если проиграешь. А пока кто врагу слово дает – сам враг. И невозможно представить, чтобы в прямом эфире сошлись Медведев и Саакашвили – а ведь именно их вопросы (и ответы) друг другу могли бы многое прояснить.

Что делать в такой ситуации, да? По-моему, разбираться в технике жима. А потом идти на балет – пусть и при пустом зале. Я, вон, на днях интервью Саакашвили в Financial Times прочитал.

Надеюсь, он меня тоже прочтет.

2008

ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ СРЕДЬ НОВОСТРОЕК ТЮРЕМ

Петербургская художница Зина Сотина, чьи картины висят в спальнях у меня и Владимира Путина (это единственное, что нас объединяет: Сотина бывает на днях рождениях и у меня, и у Путина; Петербург – город маленький), – так вот, она как-то нашла точный образ многоквартирным домам.

Я Зину обожаю не только за живопись в стиле страстного лубка, с годами начавшую пренебрегать деталями, но приобретшую импрессионистскую силу цвета, но и потому, что она умеет сказать, как отрезать.

Вот, например, однажды в большой компании мы спорили о характере богатства и бедности в России. И Зина сказала:

– Богатые – от слова «бог». А бедные – от слова «беда».

И все замолчали.

Недавно я снова заехал к ней в мансарду на Васильевском, сквозь окна которой – крыши, мачты, купола и небо, и случайно завел разговор о недвижимости. А Зина сказала:

– Нормальное жилье – это дом на земле. А многоэтажный дом – эта тюрьма. Отгрохали тюрьмищу, согнали всех вместе, распределили по камерам. У нас потому и застраивают многоэтажками, что боятся жить на свободе.

И я подпрыгнул на месте. Ведь и вправду, жизнь в своем доме – это свобода, когда ты один на один с миром. Самая свободолюбивая в мире страна, Америка – действительно одноэтажная. И небоскребы там – в основном офисы.

А теперь езжайте-ка на Конную Лахту, которая вполне могла быть пригородной идиллией, или в полудиаллический (пока еще) Сестрорецк. Сегодня там один жилой монстр лепится к другому. Нет, вы, конечно, можете объяснить: дороговизна земли, дефицит площадей и прочее.

Но я после Зины думаю по-другому: строящие и живущие не представляют жизни вне тюрьмы.

2008

ТВОЯ МОЯ НЕ ПОНИМАЙ

В отличие от людей своего круга, я езжу на маршрутках. И, разумеется, ненавижу их водителей за стиль вождения и общения. Однако идея депутатов прогнать водителей-гастарбайтеров через языковой экзамен меня изумила.

В Лондоне немыслимое количество заведений общепита (одних пабов больше 8 тысяч), но англичан в них работает мало. Обычно – молодые гастарбайтеры. Год назад были заметны болгары, а перед тем – выходцы из СССР.

Секрет прост: студенческая виза в языковых школах дает право работать 24 часа в неделю. И украинские девочки и болгарские мальчики этим пользуются, зарабатывая в час 8 фунтов минус налог. Многие затем будут сдавать TOEFL, Test On English as a Foreign Language, без которого иностранца не возьмут в более денежное место, но сервис к таким не относится, так что официантки и бармены орудуют известными им 50 английскими словами. Точно так же изъясняются пакистанцы – шоферы mini-cabs, альтернативы «главному» лондонскому такси black cabs, водители которого сдают так называемый Knowledge, тест на знание примерно 60 тысяч лондонских улиц и закоулков. У пассажира есть выбор: либо black cab с идеально обученным шофером – либо более дешевый small cab, с сервисом как в маршрутке.

Хорошо бы, конечно, и у нас два таких конкурирующих транспорта создать. Но если создать нельзя, надо перестать на гастарбайтеров-шоферов наезжать.

Нужно просто запретить им включать радио «Шансон».

2008

ОЖИДАНИЕ ГРОЗЫ ПОД СТЕКЛЯННОЙ КРЫШЕЙ

Что за странный этот кризис! Никакого сравнения с 1998-м. Банкоматы исправно выдают наличные, вкладчики не осаждают лопнувшие банки, да и банки не лопаются, а перепродаются.

Список различий можно продолжать. Доллар не прыгает с 6,23 рубля в июле до 20,82 в сентябре, как десятилетием ранее, – а лишь корректируется с 23,13 до 25,78. Граждане не сметаю с прилавков консервы и крупы; брокеры с нервным смехом не бросают с моста в реку сотовые телефоны; зарплаты платят без задержек. Вообще, самое страшное, что я пока видел – это слегка омертвевшего Чичваркина по телевизору. Он, как известно, скоропостижно продал «Евросеть» – и явно не за ту сумму, на которую рассчитывал. Но, опять же, никакого сравнения с докризисным делом Некрасова и «Арбата Престиж»: заплатили же Чичваркину, не посадили.

Падения котировок, остановленные торги, margin calls – это все для большинства абстракция, телесюжет, «их нравы». В реальности же все как у риэлтеров: у них сейчас ни покупок, ни продаж, ни роста цен, ни падения. Вообще все замерло. Ждем-с.

И вот это ожидание ужасно напоминает ясный день на стыке июля и августа, когда с утра все откупоривали бутылки, и жарили шашлык, и танцевали под магнитофон, – как вдруг небо почернело, и небо накрыла туча такая черная, такая гнетущая, что всем ясно – завтра не танцевать. И уж хоть бы грянуло, грохнуло, закружило – а то тишина, от которой еще страшней. И все застыли и гадают – а вдруг похолодает так, что сразу из лета в осень? А вдруг ветер такой, что свалит на дом березу? А вдруг потоп – а крыша, вроде, до конца не перекрыта? А вдруг град размером с яйцо, а мы тут сгрудились в теплице?

Но, обратите внимание – если вдруг и пройдет гроза стороной, не прибавив даже пыли, все будут ужасно разочарованы.

2008

ВЫСШАЯ КУЗНИЦА КАСТ

Что-то странное творится с российским высшим образованием. Это образование чиновники тянут в противоположные стороны. Не успел министр Фурсенко пригрозить крупномасштабным изъятием лицензий у вузов, как тут же президент Медведев сказал, что лучших студентов платных отделений нужно переводить на бесплатные места.

Заявление Фурсенко означает, что студентов слишком много и нужно их сокращать; заявление Медведева означает, что студентов должно быть много и их нельзя сокращать.

Практическая мысль Фурсенко состоит в том, что лучше меньше да лучше, особенно в экономический кризис; политическая мысль Медведева состоит в том, что чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось – то бишь не пополняло ряды недовольных, особенно когда экономический кризис чреват социальным взрывом.

Фурсенко полагает высшее образование инструментом, позволяющим выпускнику делать карьеру; Медведев смотрит на высшую школу как на государственный институт, который должен функционировать и существовать, коли мы не хотим развалить государство.

Кто прав? Разумеется, Медведев. Знания и навыки, какие дает вуз в России, вообще не являются инструментами в строительстве карьеры.

Профессиональных навыков российская высшая школа дает мало. Журналист после журфака не умеет написать заметку; выпускнику отделения ландшафтного дизайна нельзя доверять обустройство частного сада; качество выпускников МАДИ видно по качеству наших дорог.

Учеба в университете в России – это реакция на существующий у нас прусский тип среднего образования, с его зубрежкой и принуждением. Вырвавшись из казармы, вчерашний школьник вдруг получает свободу – ходить или «закалывать» лекции, уважать или не уважать препода, торчать в библиотеке или дуть пиво. Сессия лишь дважды в год, а коррупция, слава богу, минимизирует риски исключения.

А потому главным содержанием российского высшего образования является образование связей внутри поколения. Роман Абрамович и дня не проучился в московской «Губке», но зато тусовался в ее коридорах с Ойфом, Швидлером и всем будущим руководством «Сибнефти», то есть де-факто свой диплом получил (и похоже, что красный). Выпускник филфака ЛГУ Сергей Иванов стал министром обороны благодаря тому, что удачно в свое время возглавил университетский комитет комсомола, где на него и обратили внимание товарищи из КГБ. Владимир Путин вытащил половину своего курса в главные начальники страны, и теперь тем же занимается Дмитрий Медведев.

Рейтинг российских вузов – это рейтинг шансов попасть в обойму; он к рейтингу умений отношение имеет малое.

Когда в кресло главы Минатома нужно было посадить своего человека, министра Румянцев в секунду заменили на министра Кириенко, хотя первый был физиком-ядерщиком и директором Курчатовского института, а второй знатным либералом и дианетиком.

Вот почему реформатор высшей школы у нас – это враг системы. И это основная причина, по которой реформы образования в России будут идти непрерывно, но образование не будет реформировано никогда.

Так что российский студент может не волноваться.

А министр Фурсенко пусть зайдет после уроков к директору школы.

НАШ КАФЕДРАЛЬНЫЙ ЗАБОР

На меня ужасно обижена родственница – тетья моей жены. Дело в том, что к участку в садоводстве, где у тети картошка и старый сарай, я прикупил два соседних, но ничего с ними не делаю. Однако тетья злится не оттого, что я не построил дом, а оттого, что не обнес участки забором.

У всех соседей замечательные глухие заборы: у кого – бетонные, у кого – деревянные, есть также из гофрированного железа. Когда первый раз пошла речь о заборе, я думал, что тетья шутит, особенно, когда выяснилась цена вопроса – шабашники-гастарбайтеры были готовы, по словам тети, обнести ее картошку забором за 160 тысяч рублей. Я спрашивал, для чего нужен забор, смеялся над аргументами, что для защиты от больных бешеными лис и шастающих в зимнее время по садоводству бомжей, но тетья лишь поджимала губы в ответ. Я говорил, что глупо – жить рядом с озером и сосновым лесом и отгораживаться от всего. И что в Финляндии, например, я заборов ни разу не видел.

Но тетья была непреклонна. Заборы в садоводстве и правда – у всех, кроме нас. Вот, трехметровое бетонное чудовище отгородило от мира дачку военного моряка: из-за него видно только военно-морской флаг, который хозяин поднимает по утрам на флагштоке. Что же такого страшного у них там внутри происходит, если они так боятся это показать?

Впрочем, заборной страсти есть объяснение. Дело в том, что любой участок земли, на кого бы он ни был оформлен, принадлежит, по большому счету, природе. Ты как бы берешь у природы эту землю в займы, и раз так – то твоя задача полученное как минимум не испортить.

Отсутствие забора или прозрачный забор-сетка как раз и демонстрируют твою ответственность. Все видят: да, ты все облагородил, улучшил, ни у кого не отнял, а, наоборот, добавил в общеприродный котел.

А вот если ты живешь только для себя, а на остальных тебе наплевать, и ты тащишься оттого, что у тебя во дворе черный джип и на полную громкость радио «Шансон» – то, когда, понятное дело, забор тебе абсолютно необходим.

2009

МОЙ ДРУГ КАК СРЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК

У моего друга детства бизнес в одном из среднероссийских городов. Бизнес тоже средний: автопродажи и автосервис. Начал он его лет 15 назад, шел шаг за шагом, и эта цепочка шагов – настоящая российская история новейшего времени.

Он торговал сначала «Волгами», а когда ГАЗ остановил конвейер с легковушками, переключился на «Газели». На волне нефтеторговостроительного бума «Газели» шли на «ура», он построил автосервис на 17 постов, к «Газелям» прибавил китайский автопром, и, наконец, из однокомнатной хрущобы перебрался в квартиру в новом доме с двумя спальнями, родил второго ребенка, а также съездил в Турцию и в Египет.

Пару лет назад у него стало пробуксовывать с оформлением земли в собственность, проверяющие стали насаждать, так что однажды, во время отпуска, схватив детишек в охапку, он вынужден был лететь назад на работу, чтобы ее не лишиться. Цена вопроса была 10 миллионов российских рублей – что, по его словам, является средним размером взятки для его бизнеса в его городе. Он влез в долги, но деньги кому надо поднес и получил подпись на документе.

После чего грянул кризис, и цена всей его земли, за которую он так отчаянно бился, и всех его производственных корпусов, стала меньше, чем цена его квартиры. Продажи упали на 75 процентов. Он уволил 40 из 80 человек. Китайскими машинами торговать перестал: спрос на них исчез вообще.

– Почему, – спрашиваю я его, – их в кризис перестали брать? Они же дешевые? Объясни, а?

– Ну, это я как раз просто. «Газели» понемножечку покупают, потому что они для бизнеса, а китайцев не берут, потому что для развлечения. Но ты мне другое скажи! Почему нас так ненавидят местные жители, которые в грязи живут и мусор прямо на дорогу выбрасывают? И ничего другого не хотят! Мы им мусорные баки поставили, так они перед баками кидают! За ночь они накидают, а утром наш дворник в бак переложит, так за это они нас еще больше ненавидят!

Но я в ответ молчу.

Потому что для риторических вопросов существуют лишь риторические ответы.

2009

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КИДАЛОВО

Я краем уха услышал, что федеральная миграционная служба ускорит выдачу загранпаспортов – на платной, разумеется, основе – и сразу же встрепенулся.

Дело в том, что меня недавно кинули: причем так, как кидали только в 90-х.

Мне нужен был новый загранпаспорт.

Федеральная миграционная служба готова мне была его выдать, однако на двух условиях. Первое: я должен был ждать в очередях. Второе условие: я должен был ждать целый месяц.

Мне это никак не годились, и я обратился в фирму, которая обещала сделать паспорт без очередей, за две недели и за три с половиной тысячи рублей. Фирма, если кому интересно, называется по одним документам «Олимп», по другим – «Территория права» и химичит себе в петербургском дворе-колодце на 1-й Советской улице, а деньги от вас там получают выдающегося обаяния гадины, про которых наивный человек думает, что они потрясающего обаяния девушки.

И все. Фирма для вас не сделает ничего. Вы для гадин с момента передачи денег не существуете. И вы – как и я – будете терять время, а вместе со временем – надежды провести отпуск там, где вы хотели. И поклявшись гадин убить (не убьете) вы обреченно пойдете на поклон к государству в ФМС, и отстоите два часа в очереди за талоном, а потом еще час в очереди по талону, а через месяц отстоите очередь за паспортом, и вам скажут, что он еще не готов, и снова встанете в очередь.

А теперь скажите: какие, по-вашему, я должен испытывать чувства, узнав, что скоро на коммерческой основе миграционная служба будет выдавать паспорта за пару дней и безо всяких проблем?

По-вашему, радости? А я вот испытываю – гадливости.

Потому что в Германии ее гражданам паспорт выдают ровно за день. В Великобритании – за три дня, причем заявления принимаются по почте. А в России благодеянием считается подачка, кинутая за твои же деньги, чтобы российское государство освободило тебя от им же организованных мучений. И в этом, кстати, сущность нашей государственности.

Так что, надеюсь, вы понимаете, почему я провожу свой отпуск исключительно за границей.

2009

ТОВАРИЩ СТАЛИН КАК КЛЮЧ К ВЕЧНОСТИ

Недавно я просмотрел, а точнее, прослушал в пол-уха дискуссию о Сталине, случившуюся на НТВ. Сталину исполнилось 130. Зюганов против Парфенова. Возможно, вы сами были в числе телезрителей.

Я российское телевидение вообще если и смотрю, то вполглаза, а если и слушаю, то в пол-уха – хотя бы потому, что все известно. В упомянутой дискуссии заранее было ясно, что сталинисты скажут, что Сталин принял страну с сохой, а оставил с водородной бомбой, и что он выиграл войну. Антисталинисты же закричат, что Сталин угробил миллионы людей. Затем сталинисты скажут, что ошибки были, но Сталин их исправил. Потом антисталинисты снова повторят про миллионы трупов. Далее наступает, как правило, момент, когда старичок-ветеран, позвякивающий, как елка игрушками, орденами, скажет, что он сидел в 37-м в лагерях, а в 41-м в окружении, а в 46-м снова в лагерях, и что он жрал всю жизнь лебеду, и что потерял всех друзей и родных, – а сказав это, просипит из последних сил: «Товарищ Сталин был гений! СССР был величайшей страной!»

Стоп. Потому что этот персонаж – из числа тех, кого Сталин бил, но кто под кнутом рыдал от счастья – мне интересен. Сам Сталин интересен меньше, он для меня примерно как Хаммурапи или Батый, но что такого он сумел дать людям холопского звания, которым чем сильнее наказания, тем милей господя?

Мне кажется – идею бессмертия. Во фразе «слуга государев», и даже во фразе «холоп государев» слово «государев» – главное. Для русско-советского общества государь есть помазанник божий, а государство – синоним вечности. Если вечность тебя бьет, значит, она существует, и вообще велик бог не любящий, но карающий. Отнять у таких людей Сталина – значит отнять государство, а отнять государство – значит, отнять надежду на вечную жизнь. А это для них страшнее, чем физически погибнуть.

По этой причине бороться со Сталиным посредством перечисления его злодеяний бессмысленно. Это как отвергать Бога на основании того, что допускает ужасы. Бороться со Сталиным вообще не нужно, пока бессмертию коллективному нельзя противопоставить бессмертие индивидуальное, которое достигается созданием того, что остается жить после твоей смерти, будь то вишневый сад или пьеса «Вишневый сад». А для этого нужно не жить в стае, а наоборот, из нее уходить, постепенно превращаясь из обезьяны в человека.

2009

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Наши дети дискриминированы по отношению к взрослым там, где они проводят больше всего времени – в школе. Дискриминированы тем, как организована их учеба.

Моя 11-летняя племянница учит французский язык.

В ее гимназии он факультативный, она учит его третий год, и третий год моя сестра за этот факультатив доплачивает.

Я же учу французский меньше года, и для меня это тоже факультатив, и тоже за деньги.

И вот я встречаюсь с племянницей и спрашиваю, как ее успехи. И она отвечает, что, выучила все 13 неправильных глаголов, которые образуют прошедшее сложное время посредством глагола «быть», а не «иметь», и в доказательство без запинки их перечисляет.

Я потрясен. Даже моя французская преподавательница не в состоянии перечислить все 13 глаголов-исключений с первой попытки. И нам их она советовала не зазубривать, а запоминать, используя схему-картинку, иллюстрирующую жизнь от рождения до смерти.

«А что вы делаете на ваших уроках?» – спрашиваю я племянницу уже по-французски, но она смеется в ответ тем смехом, каким дети смеются всегда, когда слышат непонятные слова. Я задаю еще несколько вопросов по-французски – самых простых, но она снова смеется. «Я не понимаю, – говорит она по-русски, – мы это не проходили».

Я начинаю выяснять, чем же они на уроках занимаются. Вот вы, спрашиваю, французские песни на уроках поете? Пьесы ставите? Диски слушаете? Кино смотрите? Разрезаете детективный текст на кусочки, а потом складываете пазл?

Она смеется: нет, нет и нет. Мы учимся.

Я в шоке. Потому что на курсах французского, где занимаются взрослые люди, вроде меня, половина времени приходится на игры. Это дело называется английским словом «инфотейнмент» – информировать, развлекая. Современные глянцевого журналы устроены по принципу инфотейнмента. Телевидение, радио, интернет – тоже. Иначе взрослый человек платить за журналы и курсы не будет.

А дети в школах, получается, обязаны зубрить. А зубрежка ведет известно к чему – к неспособности применять зазубренное в жизни.

Я через три месяца занятий стал во Франции общаться исключительно по-французски. У моей племянницы на это шансов мало даже после 10 лет обучения.

Дети не могут сменить школу, учителя, учебник. В школе естественным образом отсутствует конкурентная среда. И вдобавок дети лишены права на развлечение. Они в этом смысле дискриминированы по отношению к взрослым.

Поэтому, когда дети вырастут, они оторвутся по полной. В том числе, возможно, и на собственных детях.

2010

С ШИРОКО ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Я очень люблю научпоп. То есть не документалистику в целом, где и мемуары, и словари, и публицистика, – а этот подвид литературы. Он как внутривенная инъекция – ты болел, и вдруг мгновенное облегчение, и прозревший мозг начинает понимать, как устроен человек, планета, Вселенная.

Первый раз я подсел на иглу научпопа в конце 90-х. Мой друг, инвестбанкир из J.P.Morgan, прислал брошюрку Джона Перри Барлоу, она называлась Cybernomics, «Киберномика». Автор там задавался очень простыми вопросами: а что производит нынешняя экономика и чем она отличается от классической? Вот, скажем, раньше у тебя было стадо в 100 коров, и если 10 коров угоняли, ты становился на 10 процентов беднее. А сейчас ты выкладываешь на сайт статью, или лекцию, или программу, их скачивают 100 человек – что это значит? Сколько продукта ты произвел? Стал ли ты богаче, если программу скачали миллион человек, а не сто? А если стал, то монетизируется ли успех?

Брошюрка Барлоу взорвала Уолл-стрит, ее обсуждали все. Самые недалекие объявили автора борцом с копирайтом, самые продвинутые увидели, что информационная экономика, по мысли Барлоу, начинает копировать жизнь как таковую.

Вы никогда не слышали про Барлоу и не читали «Киберномику»? Не расстраивайтесь. С высокой степенью вероятности, вы не слышали также и про Самюэля Хантингтона, чья книжка «Стычки цивилизаций» взорвала уже не экономический, а политический Олимп, потому что Хантингтон говорил о том, что на смену двухполярному миру – свобода против коммунизма – приходит мир многоцивилизационный, и описал современные 9 цивилизаций.

Полагаю, если вам не известен Хантингтон, вы не читали также дарвиниста Ричарда Докинза, что вам неизвестны «Пушки, микробы и сталь» Джареда Даймонда, вы не слышали про размазавшую по стене корпоративную экономику Наоми Кляйн и не читали историю Вселенной Стивена Хокинга. Говорю так уверенно, потому что эти книги, разошедшиеся миллионными тиражами в Европе и Америке, в России имеют тиражи в 3, 5, редко в 10 тысяч экземпляров. И среди создателей книг, меняющих мир, вы не найдете российских имен.

Может быть, российские авторы так слепы и немые, что у них нет великих идей или они не способны их выразить. А может быть, они знают, что их потенциальным читателям в России нужны сведения о скидках и ценах в ближайшем гипермаркете, а вовсе не сведения об устройстве Вселенной.

2010

ЧЕМПИОНЫ ПО КИДАНИЮ ПОНТОВ

Дико неудачное – для российской сборной – начало Олимпиады в Ванкувере заставило многих искать связь между медалями и состоянием спорта в России в целом. Зависимость есть, но не такая уж очевидная.

В принципе, в мире существуют две модели подготовки спортсменов высшего класса. Первая – китайско-советская, с вертикалью спортивной власти, когда все государство работает на будущих чемпионов: поддерживает спортивные школы и секции, проводит соревнования, загоняет спортсменов на сборы, следит за дисциплиной и так далее. При этом массовые занятия спортом в такой стране, – это вроде всеобщей воинской повинности, которую отбывают, хочешь не хочешь. Не случайно в СССР все было в порядке с олимпийским золотом, однако от уроков физкультуры было делом чести откосить.

Вторая модель – она, условно, общеевропейская. В ней спорт – частное дело, требующее частных средств, однако дело столь массовое и популярное, что неизбежно производит и тех, кто готов заниматься спортом высших достижений.

И ведь нельзя сказать, что вторая модель лучше первой. Напротив, если Политбюро ЦКПСС или пленум ЦК КПК посчитают, что необходимо в кратчайшие сроки пробиться в мировые лидеры хоть в бейсболе, хоть в керлинге – именно первая, вертикальная, модель это дело обеспечит, потому что под нее будет подогнан государственный ресурс, от централизованной медицины до централизованного строительства спортбаз. И спортивные успехи нынешнего Китая это подтверждают.

Проблема у советско-китайской модели одна. Когда государство ослабляет хватку, государственный спорт немедленно рухнет. Потому что питательного массового спортивного бульона, когда заниматься спортом можно всем и можно всюду, попросту не существует. Как сказала однажды тренер Чайковская, в Америке едешь – и каждые три километра каток. А у нас подсчитайте сами. И в центре Лондона найти бассейн – пара пустяков, а у меня под окнами в центре Москвы третий год закрыт бассейн школы Олимпийского резерва. И в лишенной гор Финляндии 80 с лишним горнолыжных курортов, снабженных всеми прибабасами для фри-стайла, а у нас под Питером, где населения как в Финляндии, их всего 7, и без прибабасов, и катание на них вдвое дороже финского. И в Германии, Австрии, Франции спорт – это часть жизни и большая жизненная ценность, там какой-нибудь «Тур де Франс» смотрят все. А у нас горный велосипед боевого раскраса и такой же сноубордический костюм покупают, только чтобы все смотрели на них. Поэтому у нас развивается дорогой и недоступный спорт, а дешевый и доступный – вроде бега трусцой – в полном загоне.

Исправлять такое положение со спортом практически безнадежно.

Потому что для этого нужно исправить помешанную на деньгах и понтах жизнь.

2010

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ КАК ПУГАЮЩЕЕ ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ

После терактов в московском метро мой коллега сказал: «Знаешь, с утра я мог думать только об этом, но к вечеру жил так, как будто ничего не случилось. Хотя сам езжу в метро. Ты думаешь, это привычка?»

Да, я думаю, что привычка. Привычка к стандартным реакциям на нестандартную, из ряда вон выходящую ситуацию. Меня самого к вечеру 29 марта не покидало ощущение, что я вновь в 1999-м, когда в Москве взрывали дома и подземные переходы. Зюганов все так же призывает ввести смертную казнь для террористов, что, видимо, должно испугать шахидок-смертниц. Якеменко (и даже неважно, который из двух) обвиняет в случившемся дерьмократов и либерастов. Ну, а силовики все так же клянутся найти и наказать, не снисходя до извинений, что они теракты не смогли предотвратить.

Дежавю.

Только 10 лет назад все воспринималось свежее. Так что сегодня меня интересует одно: психология террористов. Чего добиваются? Почему с такою легкостью идут на смерть? Или не с легкостью? Является ли для них смерть через уничтожение врагов, кяфилов, тем же переходом бессмертие, что и смерть за Сталина, логика которой препарирована Тереховым в романе «Каменный мост»?

Чтобы что-то чему-то противопоставить, нужно знать, чему противостоишь. Однако смутная, тяжелая, свинцовая, непонятная сила «радикального ислама» такова, что отшвыривает даже меня. То есть я понимаю, что у запрета «предоставлять слово террористам» есть две составляющие, а не одна.

Первая – это идиотизм убеждения, что раз запрещено, то, следовательно, не существует.

Вторая – жуткое, природное, нутряное ощущение заведомого проигрыша нашей системы ценностей (во многом материальных) системе чужих убеждений: если предоставить слово радикальному исламу – под его знамена перейдут все войска. Культура вещей вообще слабее культуры идей.

Кстати, нынешняя Европа сильнее нынешней России именно тем, что там больше идеального и меньше материального: может, оттого там радикальным исламистам и дают порой слово. В Лондоне довольно долго вещал аятолла Абу Хамза по прозвищу «Мулла Ненависть», – пока в 2006-м ему не дали последнее слово перед посадкой на 7 лет.

И все же я хочу понять идеологию и психологию той, пугающей, страшной для меня стороны, и считаю запрет на нее столь же вредным для понимания реальной картины мира, как, скажем, и запрет «Майн кампф». Нельзя противостоять нацизму, фашизму, сталинизму, вообще любому убийственному радикализму, не зная фундамента, на котором они стоят.

Впрочем, если подключить интернет, кое-что найдется. Например, интервью в «Огоньке» Натальи Евлаповой, адвоката Заремы Мужахоевой, – той Заремы, что когда-то шла взрывать кафе «Имбирь» на Тверской, не взорвала и получила 20 лет срока. Наталья, например, объясняла, что чеченская женщина только тогда обретает равные права с чеченским мужчиной, когда решается пойти в шахидки.

И хотя это не первоисточник, а просто источник, я бы на вашем месте в него заглянул.

КАК ЛЕЧИТЬ ПОТЕРЮ ПАМЯТИ

Особенностью российского национального характера является специфическое отношение к истории. Специфика в том, что история не является не ценностью, а, скорее, листом черновика, в который в любой момент можно внести изменения.

Тема еще ждет своего исследователя: я, например, убежден, что у этого психологического феномена есть свои материальные причины. Ну, например, обилие в России лесов: у нас всегда для строительства использовалось легкое в обработке, но недолговечное дерево. В центральной Европе леса повыврубили ради пашен уже в Средние века, а потому для строительства использовали камень. Согласитесь, в каменную летопись внести исправления труднее, чем в деревянную, допускающую полные переписывания.

Или структура языка с единственным прошедшим временем в двух видах. У французов, например, пять прошедших времен, включая ближайшее прошедшее.

Но, как бы то ни было, история у нас в стране не ценится. Ведь высшая ценность – это то, что невозможно изменить или повторить. А чего ценить историю, если ее можно гнуть и так и эдак, то гордиться тем, что ты Рюрикович, то объявлять Рюрика буржуазной пропагандой? Впрочем, я сейчас не об этом, а о следствиях из этого. Если история не слишком ценна, она оставляет после себя не слишком много следов. Я, например, долгое время считал, что у нас мал рынок антиквариата из-за войн да революций, а теперь понимаю, что не поэтому. Во Франции революций было больше, но антиквары занимают пол-Парижа. Более того, у нас антиквариатом не считаются вещи недавно закончившейся эпохи – горбачевской или брежневской. Они просто выбрасываются на помойку.

Меня это очень печалит.

Я вернулся только что из Владивостока, где часа полтора провел в местном музее, разглядывая виды бухты Золотой Рог эпохи ар нуво – да фото с трупами расстрелянных участников белочешского восстания.

Но снимков советской эпохи, когда на Тихом океане стоял флот, морские офицеры были белой костью, матросы в увольнительных на берегу бескозырки несли, как подарки, а будущий драматург Гришковец ел на острове Русский собаку, – я там и близко не нашел.

Какие лица тогда были? Какие наряды? Каким взглядом – насмешливым, должно быть, – смотрела на фотографа дочка комфлота, которая наверняка ведь не знала слова «нельзя»?

В общем, берегите советские вещи и снимки. Вы себе не представляете, насколько – и отнюдь не в советских рублях с Ильичом – они ценны.

2010

СМИ НАРОДНЫЕ И ИНОРОДНЫЕ

В Москве сейчас бурная дискуссия между журналистами и законодателями. У законодателей есть мнение, что владельцы сайтов должны отвечать за дискуссии на форумах. Журналисты возражают, что на форумах каждый отвечает за себя сам.

На самом деле, это не юридический, а мировоззренческий вопрос. Меня тоже порой спрашивают, почему я не удаляю комментарии в ЖЖ, если они глупы или оскорбительны. Да по простейшей причине! Эти площадки и площади, форумы и дискуссии – едва ли не единственная сегодня журналистика в России. Ведь журналистика – это профессия, которая, как акведук воду, проводит в обществе информацию. А такая журналистика, едва родившись в России в конце 1980-х, к нашим дням вымерла, – и я вовсе не про политическую журналистику.

Включите телевизор на любой новостной программе, откройте газету на рубрике происшествий, – и вы тут же наткнетесь на сообщение вроде того, что преступники напали на банк, украли миллион, один грабитель милицией пойман, одного ищут... Это не информация, это не журналистика, это черте что, потому что все в этом сообщении мутно. Журналист не может судить, имело место нападение или его инсценировка, а грабителем, то есть преступником, человека вообще может назвать только суд. Мне из такой информации даже непонятно, кем является тот, пойманный – подозреваемым или обвиняемым. Все, что действительно можно сказать – что в милицию поступило сообщение о нападении на банк, и что милиционерами по этому делу задержан один человек.

Эта точность имеет колоссальное значение. Она позволяет не исказить истину и придает заметке смысл документа, с которым можно работать вечно, разматывая клубки старых дел. А вдруг как со временем выяснится, что банк грабанаули сами милиционеры и начали расследование, заметая следы?

Замените слово «банк» на слово «Россия» – и вы увидите, почему журналистики у нас нет. А пока ее нет, ее место занимает пропаганда, в которой все сплошь либо ангелы, либо экстремисты, причем любой может быть к ним отнесен, возьмите нынешнего «экстремиста», экс-премьер-министра Касьянова. А пока журналистики в России нет, ее функцию выполняет обмен информацией и суждениями на свободных площадках форумов и социальных сетей.

В форумах можно, конечно, врать. Но в свободной дискуссии вранье получает десятки опровержений. В форумах можно, конечно, хамить. Но хамство может встретить отпор – тогда оно уменьшается до просто грубости. В форумах можно, конечно, писать глупости – но форумы являют собой учебную площадку: я сам там немало глупостей написал, но многому и научился. В общем, я за журналистику масс, за которую, как ни смешно, был когда-то и Ленин, веривший в рабочих и крестьянских корреспондентов. Это, на мой взгляд, тоже была глупость – но ведь при Ленине в избах не было компьютеров с выходом в интернет.

МЕЧЕТЬ В ОКНЕ ХАТЫ, КОТОРАЯ С КРАЮ

В журнале «Огоньке» вышла моя статья. Называлась «Мечеть в окне». Она вызвала злую полемику и на сайте, и в Живом Журнале, и вообще в интернете.

У меня почти в каждом номере «Огонька» выходят статьи, я там штатный обозреватель, колумнист. И почти все вызывают дискуссии, я привык, и часто заранее знаю, что скажут. Однако эта была исключением. Я столкнулся не просто с неприятием того, что предлагал, но с неприятием агрессивным, хотя написал очень простые вещи.

Я написал, что окна моей петербургской квартиры выходят на мечеть, поэтому мусульманские праздники – какой-нибудь Ураза-Байрам – выплескиваются в мой переулок. Я написал, что этому рад, потому что другая культура не просто придает жизни колорит, но и наполняет, как разнообразен мир. Я написал, что эта культура уже стала частью моего быта: вон, у мечети открылся магазинчик «Халяль», где я покупаю баранину – так, живя в Лондоне, я покупал в африканской лавке батату. Я написал, что благодаря этому я воспринимаю мусульман как соседей – ну, здесь у меня их магазин, а вот здесь у нас в соседях евреи Миша и Жанна, у которых бельгийское кафе, в котором лучшие в Петербурге вафли, а дальше, на Сытном рынке, кореянка Сунако всегда придерживает для меня острую спаржу и сушеного тунца. И что именно это разнообразие культур делает жизнь жизнью, а Петербург – столицей, подобно тому, как мультикультурность и этнические кварталы делают мировыми столицами Лондон, Париж и Нью-Йорк. Но главное, я написал, что создание комьюнити, то есть соседства, снимает страх перед чужой культурой. Сосед – он всегда свой. А то, что он соблюдает шабат или празднует Рамадан – ну, так здорово, он не такой, как другие.

В ответ я получил десятки реплик, смысл которых прост: пошел ты к черту со своей терпимостью и толерантностью. Мы в соседях хотим видеть только таких, как мы, а остальные пусть валят вон. Это наша земля (в Петербурге, на исконно шведско-финской земле, эта фраза особо прелестна), и чужаков не потерпим. И – судя по синтаксису и отсутствию орфографических ошибок – так пишут вполне образованные люди. То есть фраза из балабановского «Брата» – «не брат ты мне, гнида черножопая» – дала обильные всходы.

Я, если честно, устал спорить. Идея национального братства победила в России идею интернационального соседства. Соседство – это идея мировых столиц, больших городов, развитых наций. Родство, братство – идея племенного, общинного строя, это идея деревни, колхоза и хаты, стоящей с краю.

Варвары, случается, разрушают и большие города, и великие цивилизации. Однако цивилизации в истории остаются цивилизациями. А варвары – варварами.

2010

ГАЙКУ ОТВЕРНЕШЬ – ЗАДНИЦА ОТВАЛИТСЯ

В полном запрете на алкоголь за рулем (и запрете продажи крепких напитков ночью) некоторые видят очередной знак отношения власти к народу как к неразумному скоту. Однако вдруг как власти правы – в смысле и скота, и алкоголя?

«Пьяные» изменения в КоАП, лишаящие водителя возможности даже пригубить вино, а также новые ограничения по торговле спиртным (в Москве крепким алкоголем нельзя торговать с 10 вечера до 10 утра, в Питере запрет действует пока с 11 до 7) – всего лишь часть большой антиалкогольной компании.

Вот, весь год депутаты Госдумы обсуждают несколько тем: установление минимальной цены водки (в целях борьбы с суррогатами), единый режим продажи алкоголя в стране (пока что регионы решают самостоятельно). Это в области законодательства.

Есть и идеологический аспект: сообщается, что население спивается (приводятся цифры мужской продолжительности жизни – 58,5 лет – и потребления алкоголя – 18 литров чистого спирта в год в пересчете на душу).

Ошибки в цифрах есть, но они похожи не на сознательную ложь, а именно на ошибки (жизнь мужика в России длиннее на год, а потребление россиянами старше 15 лет алкоголя в пересчете на чистый спирт составляет в 10,58 л по данным ВОЗ за 2004 год), а потому производят тот же эффект, что взрывы домов террористами в 1999-м. После них, если помните, «в целях борьбы с терроризмом» отменили выборы губернаторов: дабы сосредоточить управление в одних руках. Вот и сейчас: давайте в одни руки все отдадим. Помню, как меня ошеломил зампред правления Союза производителей алкогольной продукции Дмитрий Добров: «Мы считаем все положения антиалкогольной концепции не только правильными, но и реалистичными».

Ну, если уж и производители дуют в ту же дуду, и если от водки у нас мрут как мухи – то и впрямь надо этих мух мухобойкой. Хотя и без горбачевских перегибов и, скорее, на финский манер (в Финляндии до 1991-го винные магазины по выходным вообще не работали, а госмонополия на торговлю алкоголем, за исключением пива и сидра, действует до сих пор). И ведь правда же – ограничения и ужесточения уменьшают потребление? Разве ж нет?

Да я и не спорю.

Однако у меня – в отличие от Дмитрия Доброва (и, кстати, Дмитрия Медведева) к нынешней антиалкогольной компании есть вопросы.

Первый связан с тем, что сам по себе объем потребляемого алкоголя ни о чем не говорит. В России этого алкоголя потребляют меньше, чем в Швейцарии, Венгрии, Дании, Испании, Литве, Словакии, Португалии, Австрии, Германии, Франции, Чехии, Ирландии (данные ВОЗ). В Люксембурге пьют почти вдвое больше, чем у нас (17,54 л спирта). Но вы слышали когда-нибудь о спивающемся Люксембурге?! Или, скажем, Павел Лунгин однажды признался, что во Франции пьет в день литр сухого вина (примерно 47 литров чистого алкоголя в год) – так что, эти литры помешали снять «Такси-блюз», «Луна-парк», «Свадьбу», «Остров»?

То есть существует разница между стилем жизни режиссера Лунгина и бухим российским мужиком, еле дотягивающим до 60-ти. Они пьют разные напитки, это понятно. Но, что менее очевидно, пьют с разными целями.

Я давно знаком с наркологом Александром Данилиным. Он работает в знаменитой 17-й московской наркобольнице. Это крепкий, суровый, жесткий мужчина, написавший по своей проблематике пару десятков книг.

Так вот, нарколог Данилин лучше других объяснил мне, почему алкоголик пьет. Он надеется, что однажды выпьет Бога. Который войдет в него и решит все проблемы. И запой, в этом

смысле – целая месса. То есть алкоголизм не есть причина жизненных проблем, а лишь способ их скрыть. И у меня (вслед за наркологом Данилиным) есть сильное подозрение, что проблемы, заставляющие прятаться в вине, сильно отличаются в зависимости от дохода, образования, сферы работы и даже от региона.

Тот же Данилин рассказывал, что заметное число его нынешних пациентов – это выходцы с Кавказа. У себя на родине, в Тбилиси или Кутаиси, они пили много, но не становились алкоголиками, потому что вино было элементом, связывающим застолье, которым руководил тамада (у Данилина есть теория, что тамада – это наследник служителя культа, использовавшего алкоголь для возбуждения религиозного экстаза).

Попав в Москву, они угодили в мясорубку: ранний подъем в общаге – стройка – бутылка водка в общаге – ранний подъем, – и, лишившись застолья и тамады, спились.

Вряд ли единый федеральный запрет на торговлю спиртным по ночам (или другой единый запрет) сможет им помочь. А та мера, которая может помочь им – вряд ли поможет другим. Это ведь только в глазах депутатов от «Единой России» вся Россия – едина. На самом деле то, что сгодится в Чечне, не будет работать в Москве, а то, что будет в Москве – не будет в Костроме. Единокая – это Финляндия, где всего населения столько, сколько у нас в Петербурге. И то там, борясь с водкой, параллельно прививали культуру потребления вина.

И здесь у меня второй вопрос.

Алкоголь – это вещество, способное менять психологическое состояние. А потребность в смене такого состояния – одна из базовых потребностей человека, наряду с едой, питьем и удовлетворением либидо. Можно по-разному организовать процесс еды – научить, например, владеть ножом и вилок – но нельзя приучить обходиться без еды.

Меня всерьез пугает то, что в огромной стране с множеством жизненных укладов борьба с алкоголизмом ведется только посредством запретов. Можно ввести госмонополию на продажу водки или запретить продажу алкоголя гражданам РФ до 21 года (идут такие разговоры), но я реально опасаясь, что это, например, спровоцирует потребление наркотиков, от легких растительных до убийственных синтетических. В шутке «Скажем наркотикам – нет! У нас еще не кончилась водка!», я подозреваю, шутки только половина. Как и в анекдоте про то, что если гайку с члена отвернуть, то задница может отвалиться.

То есть меня пугают единые и тотальные запреты. При отсутствии хоть сколько-нибудь масштабной дискуссии: отчего у нас пьют? Есть ли типичные модели потребления спиртного? Какие из них представляют опасность? Какие – безопасны? Какие могут быть использованы в качестве стратегии минимального вреда? В каких регионах какие распространены? Какие методы – от пропаганды и поощрения до запретов и лечения – и в каких ситуациях наиболее эффективны? В свое время Лев Толстой пропагандировал пиво как альтернативу водке – он как, прав был или глупость делал?

Проблема пьянства в России – она ведь не выдумана, это правда: кое-кто из моих родственников и знакомых спился в ноль, на моих глазах спивается друг детства, и я ему не в силах помочь. Но для меня кампания против пьянства «сверху» – это все же кампания идей, советов, методик. А конкретные решения нужно принимать на местах: в регионах и даже, может быть, муниципалитетах.

Работал я когда-то в одной, столь же сильно пьющей, как и Россия, стране (10,39 л чистого алкоголя на человека в год). Называется Великобритания. И там все пабы закрывались в 11 вечера, включая выходные, и вся страна год за годом дискутировала: хорошо это (не «догоняют» в ночи) или плохо (нажираются авансом). А завершилась дискуссия так: local councils, местным советам, дали самим возможность решать, до которого часа пабам на их территории работать.

И дискуссия прекратилась.

Ваше здоровье, господа!

2010

О ВКУСАХ СПОРЯТ

В городе Иваново мы с женой на днях покупали букет. Маме исполнилось семьдесят, она в Иваново живет. Цветочный магазин был ровно такой, каковы все они во всех городах России. Снопы роз в пластиковых вазах, плюшевые игрушки и готовые букеты. В блестках, бантах, с бумажными бабочками и прочими красотами.

Повторяю: во всех городах России эти магазины и эти букеты одинаковы. Все эти букеты сделаны так, чтобы получатель умилился: прелесть что такое, денег не пожалели, ленточки курчавятся барашком. Это бедный, плохой вкус пускающих пыль в глаза бедняков либо нуворишей, – это их представления о шикарном.

Впрочем, один букет был довольно изящен. Мы выбрали его, и девочки-продавщицы спросили, не нужно ли добавить бантиков.

– Ни в коем случае! – закричали мы с женой, и девочки пожали плечами, сказав, что так многим нравится.

– Но ведь вы же понимаете, что с бантиками ужасно? – спросили мы, но девочки пожали плечами снова, сказав, что на вкус и цвет товарищей нет.

– Как это нет? – неожиданно не согласилась жена, обычно удерживающая меня от споров, но тут сама взведенная долгой и нервной дорогой. – Девушки, ну неужели вы не видите, те букеты откровенно ужасны!

– Наша задача – продавать, – сказали продавщицы.

– Ничего подобного! – сказали хором мы с женой, чем привели девушек в изумление. Они начинали принимать нас за безумцев.

– Ничего подобного, – продолжили мы, – потому что задача вашей профессии – воспитывать вкус. А не уродовать мир.

Девочки замолчали. Для них такое было странно слышать. Когда мы уходили, одна сказала:

– Что один считает красивым, то другой уродливым. И оба правы.

У меня не оставалось времени на спор. То, что девушка говорила, было мнением огромного числа нынешних русских людей – что нет дурного и хорошего, нет прекрасного и ужасного, нет морального и аморального, а есть лишь деньги.

Но теперь я жалею, что не задержался. Не сказал хотя бы, что хороший вкус – это вкус просвещенный. То есть знающий правила композиции и сочетаемости, знакомый с историей профессии. Хороший вкус может нарушать правила, но он знает, что правила есть, а оттого это не нарушения, но позиция. А плохой вкус ведет себя так, как будто мир начался сегодня, а оттого лепит все и сразу, для него критерий – количество да цена. Нам вообще сегодня крайне необходимо о вкусах спорить. Хотя бы потому, что нам еще далеко до красивой, обихоженной, комфортной страны, а вверх у нас идут только цены. Спорить нужно, даже когда те, к кому мы обращаемся, хлопают глазами и думают про себя: что это за глупости? Заплатил бы ты, дядя, поскорее – да проваливал.

ПУСТЬ НОВЫЕ МИФЫ ПРИДУМАЕТ ЖИЗНЬ. НЕ НАДО, РЕБЯТА, О МИФЕ ТУЖИТЬ

Общества часто живут мифами, и понятно: миф – это надежда на лучшее. А надежда – не компас земной, и даже совсем не компас, но хорошее обезболивающее.

Например, отдельно взятый русский человек, давно потерявший нателный крестик, ходящий в церковь раз в год святить крашеные яйца на Пасху, лелеет миф о том, что Россия – в целом православная страна. То есть миф о том, что большинство россиян – православные. Этот миф позволяет ему не задаваться, например, весьма болезненным вопросом, останется ли после него хоть что-нибудь, когда он умрет. Потому что православная душа не умирает.

Социологи – это те люди, которые сопоставляют мифы с реальностью. Поэтому они задают вопросы не только о том, считаете ли вы Россию в целом православной страной, но и о том, хотите ли видеть своего сына православным священником. Такой опрос провел ВЦИОМ 9 ноября этого года. Выяснилась удивительная вещь: быть священником своему сыну не желает никто. На втором месте по нежеланию – милиционеры, далее – учителя, следом – политики. Хотя ровно в том же опросе и ровно те же люди, что не желали своим детям быть священниками, милиционерами, военными и политиками, уверяли, что положение священников в обществе высоко, а политиков – крайне высоко. Еще любопытнее, что четверьмя самыми высокооплачиваемыми профессиями в народе считают тех же политиков, бизнесменов, чиновников и журналистов. И это выявляет глубочайшее противоречие внутри мифа.

Мифам можно изумляться, но следовать им нельзя. В 90-е девочки говорили, что мечтают стать валютными проститутками, а мальчики – бандитами, но где бы они оказались в нулевых, осуществляя мечты? Зато в нулевых все молодые люди мечтали пойти в банкиры и бизнесмены, пока половина банкиров и бизнесменов не сбежала, а вторая – не села. Сейчас молодежь мечтает работать в госкомпаниях, идеально – в «Газпроме».

Ну-ну, посмотрим, где окажутся они через 10 лет, когда кончится газ и найдутся новые энергоносители.

2010

ЧАПАЕВ И ПУСТОТА

Я в один день участвовал в двух телепрограммах. Сначала в «Пресс-клубе» обсуждали тоску по СССР, а потом в своей кулинарной программе главред журнала «Афиша Еда» Леша Зимин учил готовить рождественского кролика с имбирем, апельсинами, курагой и кус-кусом.

Должен сказать, через мой желудок прошло немало братцев-кроликов. И удивительные свойства пресной крупы по имени кус-кус, которую можно готовить и 5 минут, и час, и будет равно хорошо, – мне тоже известны. Кус-кус – это, кстати, та самая манна небесная, что спасла в пустыне евреев, а потом была приватизирована арабами. Эта врожденная веротерпимость позволяет выкладывать на кус-кус разом, скажем, баранину, рыбу и того же кролика, которого, правда, я доселе пробовал лишь в томном горчичном соусе. А вот Зимин своего подшефного готовил, словно украшал елку, то есть весело и ярко – у меня от предвкушения праздника слюнки текли.

И это при том, что на записи передачи про СССР меня кормили. Плавленными сырками и бутербродами с колбасой. Так сказать, пробуждали воспоминанья – об очередях в продмаги и о том, как я возил эту колбасу из Москвы в Иваново, где жили мои мама, брат и сестра. Странники СССР про это тоже помнили. Но они говорили – и я их аргументы знал наперед – про советскую душевность, про фильм «Чапаев», про бесплатное образование, про безопасность и про дружбу народов. То есть у них воспоминания подменялись фантазиями. Потому что Советский Союз был страной, где родители били детей. А дружба народов состояла в том, что народы дружили против евреев, каковым трудно было поступить в вуз и продвинуться по службе. Высшее образование, кстати, в СССР, было туфтой – никто не владел иностранными языками и понятия не имел о достижениях своей отрасли за границей: выпускники, в общем, были как советский рубль, неконвертируемы. А что до безопасности – так у меня отца банда подростков убила среди бела дня в центре Иваново, позарившись на американские джинсы.

Единственное, чего в СССР было в избытке – это идеологии, услаждающей слух тем, что мы лучшие в мире. Эта идеология при Горбачеве вытекла, как вода из ванны с выдернутой пробкой: роль пробки выполнял железный занавес.

И я, в общем, понимаю людей, тоскующих по СССР: сидят, бедные, в пустой ржавой ванной и дрожат от холода. А вместо фильма «Чапаев» видят, что кафель побит, и что кран течет, – и вот они жалуются, как маленькие, что раньше были вода с пеной, мама с мочалкой и пластмассовый желтый утенок в руках.

Им бы выйти из ванной да пойти, что ли, на кухню к Зимину: там сковородки скворчат, ножи стучат, вино в бокалах плещет, из сотейника такие ароматы бьют! Это ведь не кролика Зимин учит готовить, – он учит нас готовить новогоднее счастье. И, что характерно, на кухне у него никому в голову не приходит тосковать по сырку «дружба» и куску «любительской» колбасы.

ВСЕ СВОБОДНЫ

Особенность русской культуры последние лет 80 (и уж точно 50) – в совпадении вкусов тех, кто правит, и тех, кем правят.

Обычно в мире не так, хотя бы потому, что министра от простого человека отделяет образование. А оно заставляет министра прислушиваться к специалистам – кураторам, критикам. Иначе могут и засмеять. Ровно по той же причине мэры или министры не навязывают другим своих предпочтений. Даже министр культуры.

У нас же диплом о высшем образовании имеют практически все, и цена этому диплому известна всем. А раз все свои, чего ж стесняться?

Юрий Лужков мирволил Глазунову, Шилову, Церетели – ну, так и «в народе» они популярнее Кулика или Мамышева-Монро. Валентине Матвиенко должен нравиться Иван Славинский – ну, так и средний петербуржец млеет от холстов, где полураздетые девушки с невинными лицами, плюс цветы, лошади и горящие доллары. И если квартира в новостройке обставляется мебелью с завитушками под мантру «классика всегда в моде», то и кабинет Владимира Путина обставлен такой же мебелью, только от Francesco Molon.

У этой единой культуры есть специфические черты. Во-первых она, как говорит директор Пушкинского музея Ирина Антонова, «нарративна». То есть опирается на повествование, историю, на «понятное». В живописи у нас ценят реализм, а в балете – передаваемый танцем сюжет (то, что жизнь тела есть сама себе сюжет, звучит откровением). Во-вторых, культура воспринимается как часть статуса: у нас любят то, что «богато». Театр – так Большой, архитектура – так с башенками, шоу – так Киркорова. В-третьих, считается, что культура (и тем паче искусство) – это вечная ценность.

Последняя идея (не говоря про предыдущие две) невероятно наивна. Внутренний движок искусства устроен так, что вчерашние достижения (сочетания слов, красок, нот) при повторении перестают потрясать, а потому обесцениваются. Марсель Дюшан, пририсовывая Моне Лизе усы, не издевался над Леонардо, но спасал от пошлости. По счастью, искусство так устроено, что, начинаясь с подражания, неизбежно приводит к отрицанию.

И сегодняшний массовый вкус плох не тем, что уважает драмбалет или, скажем, Айвазовского. А тем, что остановился в развитии, застыл на Айвазовском. Инфантилизм вообще сопутствуют историческим реставрациям: взять эпоху рококо, притворяющуюся Возрождением.

Однако в статусе отстающего – но вдруг решившегося на спурт – есть и потенциальные преимущества. Взавшийся за ум второгодник всегда в большем фаворе, чем записной отличник.

Сегодняшний россиянин, уставший от официальной, «богатой», статусной (а в целом вторичной и провинциальной) культуры, решивший воспитать свой вкус, вдруг находит удивительную, абсолютную, мало где в мире доступную свободу. Никто не давит ни мнением, ни ценником, – стоит лишь выйти за пределы круга «Церетели-Шилов-Глазунов». Хочешь – иди к Дарье Жуковой в галерею «Гараж» с издевательскими гламораммами от группы AES+F. А хочешь – ступай на Литейный мост вместе с группой «Война». «Рынка нет», – жалуются галеристы, но это и значит: есть свобода. Сегодня каждый в России – как молодой Хемингуэй в Париже, которому Гертруда Стайн советовала дружить с художниками-ровесниками, и покупать у них то, что нравится (Хемингуэй и дружил – с молодыми Пикассо и Модильяни).

Будущее – по крайней мере, ближайшее – культуры в России в этом и состоит: в отсутствии полноценного (в коммерческом, то есть немного невольничьем смысле) рынка культуры вне народно-официальной поляны.

И это – вовсе не ужас.

Это – свобода.

А боится свободы – известно, кто.

2011

ЭЛЕКТРОННО-ЧЕРНИЛЬНАЯ ДУША

Я недавно сменил гнев на милость по отношению к гаджетам и виджетам.

Меня всегда веселила российская страсть к навороченным техническим устройствам, – к тому, что называют гаджетами. Идеальным Иванушкой-дурачком, Митрофанушкой-простофилюшкой для меня всегда был мальчуган, приехавший в Москву за красивой жизнью, устроившийся официантом за 15 тысяч в месяц, отдающий 8 тысяч за угол в комнатке на окраине, но жарко шепчущий другому Иванушке, что непременно нужно купить коммуникатор Blackberry. Почему? Да потому что только в Blackberry вся почта шифруется, как не понять!

Могу представить, как этот официантик голодал, копил – и вот купил этот самый Blackberry, который теперь ему уже не нужен, потому что нужен стремительно вошедший в моду iPad или iPhone, причем, понятное дело, iPhone последней, четвертой модели.

Мне баланс между возможностями и потребностями, между ценой и доходом всегда казался признаком зрелого ума. Я-то свои телефоны покупал, как покупают рабочих лошадок, и заезживал их, пока они не падали замертво на поле моей пахоты. Я даже не смеялся над теми, кто выкладывал демонстративно на столик в кафе последнее произведение коммуникационной индустрии, с немислимым числом мелодий или встроенных мегапикселей, – я просто знал свое над ними превосходство, как блондинка знает, что она блондинка.

Однако недавно точку зрения я переменял. Случилось это в Париже, куда мы поехали с женой. У нас было с собой по ридеру, то бишь по электронной книге, и в Парижском метро мы читали. А когда отрывали глаза ридеров, то выяснялось, что весь Париж пялится на нас. Не потому, что в Париже не читают в метро, а потому, что во Франции почти нет электронных книг. Французы вообще консервативны. Так повторялось на всех ветках, и в скоростном поезде, которым мы махнули в Лион, и в Лионе продолжалось тоже. Мы консультировали по поводу ридеров французских друзей и знакомых. Друзья, узнав, что у меня под рукой коллекция в сто тысяч книг, падали, как падал Андрей Болконский на поле Аустерлица, а узнав, что я ее скачал бесплатно, уже и не поднимались.

А я, превратившись из человека, который посмеивается над модой, в человека, который олицетворяет собой моду, поневоле пришел к выводу, что мода – не такая уж и глупая штука. По крайней мере, когда она заставляет Иванушек и Митрофанушек строчить электронные письма. Или смотреть фильмы на планшете в горошину толщиной. А если еще Иванушки, поддавшись моде, приобретут себе по ридеру последнего поколения, где страницы листаешь, как в обычной книге, проводя по ним пальцем – то, глядишь, и перестанут они быть дурачками, каким был когда-то я.

2011

ДОСТАЛО И ДОСТАЛИ

О том, что стоит за диссидентством Алексея Кудрина, и о том, почему нужно вставать в оппозицию не партии, а народу.

В самой середине февраля министр финансов Кудрин, находясь в Красноярске на экономическом форуме, сделал парочку заявлений, заставивших многих вздрогнуть в Москве.

Он сказал, что «вертикаль власти» работает не по закону, а по понятиям; он сказал, что власть не пользуется доверием народа; он сказал, что без честных выборов (а получается, прошедшие были бесчестными) невозможны реформы.

А то мы не знали! Но мы и правда не знали: не знали, что хорошо встроенный в вертикаль власти министр такое может сказать. Угу. Вдали от Москвы пьяный воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку.

Однако те, кто в это время был в Красноярске, легко понимают состояние Алексея Кудрина. Дело в том, что на форуме каждый второй выступавший говорил об одном и том же: о повсеместной коррупции, о беспределе власти, об отсутствии свободы, о том, что люди из эфэсбэ или администрации могут уничтожить в два счета любой бизнес, а защиты нет, и что это достало. А фоном к форуму было уничтожение бизнеса Елены Батуриной, на миллиарды которой в бытность женой мэра Москвы страшно было косою взгляд кинуть, и которую теперь из Лондона пытаются достать на допросы в России. И Кудрина, похоже, это достало. Вспыллил.

За вспышкой профессора стоит, однако, еще одна вещь. Сегодня все всё знают про коррупцию и воровство, про ментов и гайцов, про губернаторов и мэров. Однако никто не знает, что с этим делать. Не потому, что тюрем нет, а потому, что власть сегодня в России есть производное от народа. И проблема не в том, что очередной чиновник гоняет с мигалкой и строит особняк. А в том, что те, кто показывают ему средний палец и кричат «Достал!», приходя к власти, начинают гонять с той же мигалкой и точно так же кошмарить, брать и воровать.

Крик «Достало!» раздается сегодня в России не из-за конфликта частных и общественных интересов, а из-за конфликта удовлетворенных частных и неудовлетворенных частных интересов. А на общественный интерес всем плевать: люди есть, а общества нет. Вот почему у нас торговыми центрами застраиваются общественные площади и скверы. Вот почему у нас загажены общественные леса. Вот почему у нас не осталось ни общественных бань, ни общественной милиции, а изо всех праздников общими являются лишь два: Новый год да 9 мая. Поэтому борьба населения с властью – это борьба народа с самим собой, причем на уничтожение.

И если б вы только знали, как меня это достало...

2011

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Меня в последнее время занимает судьба интеллигенции, то есть, отчасти, и себя самого.

Интеллигенции в других странах нет, это наш особый класс, такой же специфический, как брахманы или шудры в вековой давности Индии.

Если совсем кратко, это класс образованных оппозиционеров. То есть это группа людей, которые кричат, что власть в России дурна и скверна, и что дальше так жить нельзя.

Интеллигентов было полно в дореволюционной России, при Ленине и Сталине их повывели, при Хрущеве и Брежневеве они возродились, а при Ельцине снова повывелись. Потому что поверили, что вот теперь у нас демократия, либерализм и рынок, как в Европе, – ну, и зачем интеллигенту в Европе существовать? Там вместо интеллигентов – интеллектуалы, а интеллектуалы занимаются производством смыслов, а не призывов к смене строя.

Но в последнее время интеллигенты снова стали осознавать себя как класс. Раскройте любые top-20 Живых Журналов, – сплошь критика строя. Потому что вокруг никакой не либерализм и не демократия, а царизм, который с трона решает, какой рынок оставить в покое, а какой извести. И, кстати, изводят – включая товарные и мелкооптовые вещевые, неподалеку от удобной всем остановки автобуса либо метро.

Я, в общем, думаю, что критика строя – вещь полезная. Во-первых, не дает царю и царькам совсем уж превращаться в набобов, а во-вторых, показывает, что на Руси последние 600 строй не меняется, а меняется форма (и, кстати, существующая сейчас – самая комфортная и некровавая из всех).

А еще я думаю, что интеллигенты умеют критиковать, но не умеют строить, а когда начинают строить, то получается мама не горюй, как, например, у интеллигента Ленина. И в продолжение мысли я думаю, что интеллигентам неплохо превратиться в интеллектуалов, потому что людям нужны смыслы для наполнения ими жизни, жизнь без смысла пуста. И у интеллектуалов как класса есть и классовые интересы, за которые имеет смысл побороться. Скажем, свободному обороту идей дико мешает закон об авторском праве, который неплохо бы изменить. Или что бороться надо за создание общества, пусть даже в собственном дворе, потому что народ в России есть, а общества, то есть того, что жило бы самостоятельно, без оглядки на царя, практически нет.

Кстати, и царь существует потому, что общества нет. А вот если бы общество, хотя бы и «синих ведерок», имелось в каждом дворе, то царь и царьки не гоняли бы по дорогам, как свиньи, сметая всех на своем пути.

И вследствие всех перечисленных выше причин, когда я вижу на дороге хрюшек с мигалками, я хватаюсь все же со смехом за фотоаппарат, а не со злобой за пистолет, даже если бы таковой и был у меня в кармане.

2011

ПОЭТ И ГРАЖДАНЕ

Спрос на политическую сатиру в современной России достиг уровня 90-х годов. А уж XIX или XX века – решайте сами.

На днях в компании знакомых я встретил Михаила Ефремова. С ним я тоже знаком, и у меня есть его телефон, и я очень-очень-очень ценю его актерский талант. Но я со многими талантами знаком, и много кому могу позвонить, однако ж Ефремов был чуть не единственным, кому я недавно звонил в совершенном восторге от его работы.

Речь не о ролях Ефремова в кино.

Я о проекте «Гражданин поэт», – то есть стихотворных сатирах Дмитрия Быкова, которые разыгрывает под видеозапись Михаил Ефремов. Объекты этих сатир – Онищенко, Зеледин, Медведев, Путин, а порой все граждане России чохом, и Быков с Ефремовым делают «Гражданина поэта» так смешно, что порой от объектов сатиры, включая Путина с Медведевым, мало что остается.

«Гражданина поэта» смотрят в упоении решительно все, кого я знаю.

Но оказалось, что я кое-чего не знаю. Ефремов рассказал, что сатиры, делавшиеся за мизерные гонорары, на одном энтузиазме, вдруг стали приносить доход. Потому что на выступлениях Быкова и Ефремова в театрах пошел аншлаг за аншлагом. Понимаете разницу, да? Одно дело – бесплатно скачать ролик с интернета. Другое дело – купить билет и смотреть даже не моноспектакль, а выступление поэта и актера на злободневную тему. Но люди платят за билет, потому что если нет честных выборов власти, это единственный способ выразить свое отношение к тем, кто у власти. Точно так же люди голосовали рублем за Алексея Навального, интернет-проект которого, называющийся «РосПил» и сидящий занозой в заднице тех, кто сидит на разворованном бюджете, мгновенно собрал миллионы пожертвованных рублей.

Интересно, сколько бы рублей – честных, без принуждения – собрали бы деятели из «Единой России», задумай они провести творческий вечер в театре?

И вот это добровольное голосование рублем за политический памфлет, эта тоска по сатире, тоска по свободе, это отчаяние от бессменных бесстыдных и бесстыжих правителей, – это то, что начинает в столицах объединять людей больше, чем доход, позволяющий взять иномарку в кредит.

И похоже, не то только в столицах. Ефремов признался, что они с Быковым собираются с «Гражданином поэтом» в большое турне по России.

Так что ждите.

2011

В МЕТРО И ЗА РУЛЕМ

Почему приезжие ведут себя как дикари в московском метро, а москвичи ведут себя как дикари за рулем? И вообще – в чем разница между дикостью и цивилизацией?

В московском метро провинциалов вычислить проще простого. Они лезут в вагон, не дожидаясь, когда оттуда все выйдут. Дело не только в том, что в представлении многих приезжих Москва – это такой город, где надо хватать свое, работая локтями, иначе не получишь ничего. Главным образом, дело в отсутствии у провинциалов навыка этической логики, доказывающей, что поступать этично – в нашем случае давая людям выйти – на самом деле практично. Потому что, если не будешь выпускать, то, скорее всего, и сам не попадешь в вагон, и создашь на перроне толпу, уменьшив шансы попасть и в следующий поезд.

Москвичи, не в первом поколении пользующиеся метро, ведут себя абсолютно как греки, неважно даже античные или современные. Потому что отпечаток, который Древняя Греция наложила на современную Европу, состоит в рациональном обосновании взаимосвязи выгоды, этики и эстетики. Чтобы войти самому, нужно дать выйти другому. Это разумно, красиво и справедливо. На этом створе античного рационализма и привиты этические принципы христианства.

Однако там, где у москвичей небольшой опыт, они ведут себя как варвары, не знакомые с логикой. Например, москвичи в большинстве своем являются автолюбителями в первом поколении. Поэтому, в интересах собственной выгоды пропуская других в метро, на автодорогах они ведут себя иррационально, стремясь проехать перекресток любой ценой, даже если впереди другой красный светофор, даже если впереди затор, и твоя торчащая задом наружу машина создаст неминуемо пробку. Вероятно, только дети или внуки сегодняшних автомобилистов усвоят, что в городе быстрее передвигается не тот, кто давит на газ с перекрестка, а кто выбирает темп, позволяющий миновать светофоры без остановки. Экономя при этом бензин и минимально загрязняя воздух.

Говорю я об этом потому, что желая быстрых социальных перемен – а для меня дикостью, например, является любовь к Владимиру Путину, при котором строятся президентские резиденции, но не строятся публичные автобаны – мне будет чем утешиться, если после 4 марта эти перемены все же не случатся.

Нужно дождаться накопления рационального начала в крови.

Так что, пропуская выходящих в метро, следует им улыбаться, читать в вагоне ридер и радоваться, что продал машину, которая при Владимире Путине в Москве будет точно уж ни к чему.

2012

Часть 4. Парадигма жизни

ОСНОВНАЯ И ФИЛИАЛ

В Лондоне сегодня тысяча 200 русских, но точно не сосчитать: часть из них мигрирует между Лондоном и Москвой (их джет-сет зовет «Филиалом» и «Основной»). А в Москве сегодня тысяча 100 петербуржцев, и некоторые тоже мигрируют туда-сюда (я, например – еженедельно).

Обычное объяснение миграции в том, что Москва сытнее. Оно как бы так. Потеряв в 1997-м работу, я метался канарейкой с перебитым крылом по клетке Питера и еле устроился директором по рекламе за \$300 в месяц. В Москве на радио мне сразу предложили \$2000. И сегодня главный редактор петербургской газеты получает немногим больше корректора в Москве, где, кстати, среди мидл-класса годовой доход меньше \$100 тысяч чистыми завидным не считается.

Но подлинная разница все же не в этом. Успех в Москве призрачен – словно Невский в описании Гоголя. Успешный московский «мидл» – почти всегда наемный работник. За 10 лет работы в Москве я познакомился всего с 3 собственниками бизнеса, причем одного звали Роман Абрамович. Остальные работали по контракту, и всегда, даже обсуждая ужин в «Аисте» и скидки на виа Монте-Наполеоне, помнили, что он может быть в секунду расторгнут.

В Петербурге среди моих друзей, знакомых, соседей – сплошь собственники. Владельцы ресторанов, архитектурного бюро, мини-отелей, фабрики, лесопилки, клиник и магазина. Даже у приятелей-переводчиков в собственности лишняя квартира, запущенная на орбиту ренты.

Вот данные исследования, проведенного группой Market Up и агентством Sauce Strategy: для московского мидл-класса важно наличие новой дорогой иномарки, но неважно качество жилья (я знаю топ-менеджеров, арендующих комнаты). Никто из моих знакомых москвичей в центре Москвы не живет. В Петербурге наоборот: друзья исключительно в центре, хотя в иномарках у них – «пыжики»-«пежо» да «форды».

Порой в Москве с неукоренившимися питерцами – с Витей Набутовым, например – мы болтаем, что, вот, вернемся в Петербург из Москвы, то есть в нашу Основную из московского Филиала, если предложат хороший контракт. Обманываем: не предложат. Но когда деньги для нас перестанут быть главным мерилем – тогда вернемся непременно.

Вот только прикопим на еще одну питерскую квартиру, на отель или на лесопилку.

2007

ЕХАЛИ МЕДВЕДИХИ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Умилительные репортажи перед 8 марта о женщинах за рулем/литурвалом (включая государственный) не вызывают у меня ничего, кроме рвотного рефлекса.

8 Марта был задуман как день борьбы женщин за равные права с мужчинами, в репортажах же – не равноправие, а цирковое гы-гы: вона, смотри, баба умеет машину водить! А Топтыгин – на велосипеде ездить! Ну прям, блин, как люди!

Между тем женщины выстраивают отношения с автомобилем по-иному, чем мужчины, и если бы женский тип вождения действительно исследовался, а не снисходительно дозволялся, в выигрыше оказались бы все – и женщины, и мужчины.

Я знаю, о чем говорю. Моя жена, для которой произнесение слов – ответственный труд (она ради разговора обычно останавливает любую другую работу), за рулем может разговаривать без перерыва. При этом она не смотрит только на дорогу (как я), а наблюдает весь мир вокруг, и при этом попадает в аварии реже меня. Будь ясна логика ее поведения, возможно, удалось бы уменьшить число аварий.

Или еще: женщинам явно тяжелее, чем мужчинам (я много раз наблюдал) даются движение задним ходом и парковка, а уж особенно – парковка задним ходом. Но полагаю, что именно женщины инициировали разработку парктроника (а позднее – и парковочного автопилота).

Или, вот, четыре года назад компания Volvo представила концепт УСС, сконструированный исключительно женщинами. Как я теперь понимаю, это был маркетинговый ход: концепт не собирались запускать в производство. Но он потряс меня тем, что конструктор(ша) спроектировала там заливку жидкости омывателя по принципу заправки бензобака – снаружи машины, а не под крышкой капота.

Каждый раз, когда я доливаю «незамерзайку» – чертыхаясь, надевая перчатки и поднимая грязный капот, – я проклинаяю того мужика, который бачок с жидкостью придумал там разместить.

Не сомневаюсь, что это был именно мужик.

2008

ГЕННО-МОДИФИЦИРОВАННАЯ ОЛИМПИАДА

Любой человек может прочесть Олимпийскую хартию. Там написано, что олимпизм – это философия жизни, возвышенно объединяющая тело, волю и разум. Что, соединяя спорт с культурой и образованием, олимпизм соединяет радость от физического усилия с уважением к этике.

Да, так задумывал Пьер де Кубертен. И это имеет отдаленное отношение к нынешним Олимпийским играм. Олимпийские победы сегодня – вовсе не торжество гармоничного грека. Они – результат расчетливой и не всегда честной командной работы. Объединенных усилий спонсоров, обеспечивших тренировки; врачей и химиков, создавших неуловимый допинг; инженеров, придумавших костюм или кроссовки, дающие выигрыш в сотые доли секунды.

А еще игры – это телевидение, реклама и политика. Это амбиции чиновников и, конечно же, битва за деньги, – хотя бы за строительные подряды.

Но даже если отбросить возню вокруг игр, следует признать очевидное. За исключением, может, командных, игровых дисциплин, сегодняшние олимпийские результаты не могут быть достигнуты homo sapiens, сколь бы упорно он ни тренировался и сколь бы щедро ни был физически одарен. Белковые коктейли, анаболические стероиды и препараты пожестче – это единственный путь к победам в большом спорте, а порушенное здоровье – плата за прохождение пути.

Это не греческие игры. Это римские битвы в Колизее. И по-другому давно быть не может, потому что возможностям человека есть предел, а рекордов за пределами возможностей требуют все – телевидение, спонсоры, зрители.

И не мне, несшему накануне Игр в Турине олимпийский факел – в компании Ирины Родниной, Виктора Гусева и Андрея Макаревича, в чем моей доблести нет, поскольку этапы эстафеты давно проданы спонсорам, и я был факелоносцем, так сказать, по бартеру – так вот, не мне спорить с этой римско-спонсорской системой.

Я ведь не против того, что магазины полны идеально круглых, прекрасно выглядящих и долго не гниющих яблок, которые никогда бы не выросли в садике у домика в деревне, поскольку они есть продукт химии и генной инженерии. Я их сам покупаю и ем.

Но я категорически против, чтобы эти прекрасно-искусственные яблоки продавались под видом organic food.

Я против, чтобы нынешний спортивный Колизей назывался Олимпиадой.

Если спортсмены хотят убивать свои организмы ради секунд славы и денег на банковском счете – это их право. Если толпа хочет смотреть на то, как они это делают, обсуждая их доходы и славу – это право толпы. Только уж нужно идти до конца: разрешить прием любых химических препаратов, например. Сколько можно этим бывалым тетенькам строить из себя девушек? Только назвать это зрелище надо правильно – например, GM-Games, генно-модифицированные игры. Существуют ведь X-Games или параолимпиады?

А те, кто взыскует идеалов Древней Греции и Кубертена, пусть сохраняют Олимпийские игры как они есть. Пусть там не будет запредельных результатов, зато будет честная борьба. Там, как в Олимпии, голые люди будут соревноваться на цветущей поляне, восхищая гармоничной красотой тел.

Правда, боюсь, телевидение, эту красоту не покажет.

Зато лесбиянки и геи поддержат.

РАЗГРЕБАЯ КУЛЬТУРНЫЕ СУГРОБЫ

В этом году я устроил жизнь так, что можно не ездить в офис. А в образовавшееся время стал разгребать скопившиеся за 4 года работы в «глянце» горы пресс-релизов, дисков, визиток, журналов, непрочитанных книг, – словом, то, что Мураками называл «культурными сугробами».

Термин «культурные сугробы» употреблен в романе «Охота на овец», и я когда-то гордился, что выкроил время его прочесть, потому что мгновенно установил утраченную было связь с кругом, где этот роман считается неременным, вроде «Каштанки».

Узок круг этих книгочеев: вытащенная из культурного сугроба газета «Ведомости» за декабрь 2007 года информирует, что ноль россиян мечтали получить на Новый год в качестве подарка книгу. В то время как книга занимала первую строчку в качестве подарка у ирландцев, швейцарцев, итальянцев и чехов.

Российский откат на фоне советского книжного бума заметен, но не всегда понятен. Хотя все просто: вместо трех способов проведения досуга (водка, секс и книги) появились тысячи новых, а сам досуг сократился (в отличие от работы), да и книга оказалась вовсе не учителем жизни, как твердили в СССР. Ни Берроуз, ни Пелевин, ни тем более Шекспир оказались не способны научить ни тим-билдингу, ни эффективной логистике, – сплошное разочарование.

Однако, по мне, правы не соотечественники, а ирландцы с чехами. Книга не учит жизни, но, говоря бизнес-языком, предлагает непрерывную череду кейсов. И эти кейсы таковы: зачем я живу? Бессмыслен ли мир? Что же будет с Родиной и с нами? К чему б это, право, такая хандра?

А ведь поиск ответа на эти вопросы и отличает человека от бизнес-машины.

Ведь в один прекрасный день и вы, вынужденно или желанно, окажетесь наедине со своими культурными сугробами, и тогда от вопросов будет не убежать. Мне даже кажется, что буйство корпоратива (и цветение гламура), – это всего лишь стремление уйти от главных вопросов и не остаться с собой наедине.

В таком случае, книга – средство от отчаяния. Попробуйте в качестве профилактики принимать на ночь по 30 страниц из «Списанных» Быкова, «Дня опричника» Сорокина или хотя бы «России в 1839 году» маркиза де Кюстина. Последний автор хоть и не русский, но тоже многое объясняет.

2008

РАЗМЫШЛЕНИЯ АЛКОГОЛИКА ПРИ ВЫБОРЕ ТРЕЗВОСТИ

Мой знакомый бросил пить. И ошарашенно сказал, что самое тяжелое – прощание не с алкоголем, а с иллюзиями. Главная же иллюзия алкоголика в том, будто все его беды от алкоголя. «И вот ты больше не пьешь, а беды не исчезают. И ты понимаешь, что дело в другом».

В России уже лет 15 финансово успешные люди практикуют рационалистический, технократический подход к жизни. Болит голова? – прими аспирин. Хочется машину? – возьми кредит. Надоела жена? – заведи любовницу.

Аналогично отношение и к наступающему кризису, или, как сказал министр финансов – к рецессии. Нынешний кризис есть кризис кредитной системы вследствие спекулятивного перегрева рынков и, в первую очередь, недвижимости; это кризис необеспеченных кредитов. Наполним систему деньгами Минфина через госбанки; пересмотрим эффективность дутых проектов; не будем жалеть тех, кто прогорел на строительстве пирамид – и выйдем из кризиса окрепшими, как Иван-дурак из кипящего молока.

Такова позиция людей, гордящихся своим *ratio*. А потому не видящих в технократическом – с 96-процентным содержанием денег – опьянении куда более неприятных вещей. И самая неприятная в том, что вся современная экономика зиждется на пузыре искусственно созданных потребностей. В наших гардеробах ни у одной вещи нет шансов быть заношенной до дыр. Наши машины будут проданы много раньше, чем выработают ресурс. Microsoft создал новый Word – хотя и старого всем хватало – но формат новых файлов будет несовместим с прежними, а потому от старого Word следует отказаться.

В конце этой гонки всегда выясняется, что в гробу нет ни карманов, ни ноутбуков, но осознавшего это не слышит никто, – ведь те, кто молод и здоров, заняты либо зарабатыванием, либо потреблением.

Понятие и успеха и неуспеха для них определяется только деньгами.

Слово «душа» вызывает гомерический хохот. «Культура», «нежность», «страстная дружба», «моральные обязательства», «нравственные ориентиры», «самосовершенствование» – это либо из лексикона лохов, либо средство вытряхивания денег из их карманов.

Но нынешний кризис – это никак не устраняемая технократическим, рационалистическим, денежным путем пропасть между душой и потребностями, которые потребительским мир предписывает иметь оторванному от души телу. Отвергая с порога божественную – в любом смысле – сущность человека, мы расширяем эту пропасть. Мы пожираем материальный мир, и удивляемся периодичности, с какой случается несварение желудка. Мы выкидываем с работы людей, называя это «оптимизацией производства», и производством называем производство очередных, не имеющих отношения к душе, потребностей. Просто теперь, вследствие кризиса, они у нас будут в новой, экономичной упаковке.

Человек давно оторван смысла своей работы, не говоря уж про смысл жизни; он давно оторван от планеты, на которой живет, и от людей, с которыми ему приятно и хорошо; он оторван от чистой совести, разменянной на экономическую стабильность.

И вот это и есть настоящий кризис.

Который ничуть не уменьшится, когда пройдет сквозь инвестиционное похмелье, секвестр, желудочную реструктуризацию, очищающую клизму банкротств – он не уменьшится даже тогда, когда мы станем экономическими паиньками, к радости министра финансов, тоже когда-то бывшего человеком.

2008

ФАКУЛЬТЕТ (НЕ)НУЖНЫХ ВЕЩЕЙ

У меня в петербургской квартире ремонт. Ужас и кошмар. Кошмар, впрочем, не от грязи и пыли – все затянута пленкой – а оттого, что из комнаты в комнату приходится переносить барахло. Это и есть конец света: барахла много, а девать его некуда.

Полный набор пластинок Жака Бреля и Сержа Гинзбура. Проигрыватель «Аккорд». Электронный «Морской бой». Мохнатый, по советской моде 1980-х, абажур. Учебники и тетради выросшего ребенка. Мишка олимпийский сувенирный. Миллон подаренных, но ни разу не использованных подсвечников, ваз, рамок – и миллион терзаний оттого, что ставить на стол их стыдно, а выбрасывать жалко. Три одеяла шерстяных и два покрывала жаккардовых «деревенское детство мое».

Девать и правда некуда – антресоли и кладовки забиты, а городские старьевщики извещены как класс в 1950-х. Блошиного же рынка, барахолки, этой ярмарки былого тщеславия, которой гордятся и Берлин, и Вена, и Амстердам, и Лондон, не говоря уж про Париж с необъятной Марше-о-Пюс, в Петербурге нет, не считая рэкетированных ментами старух у «Удельной». Я бы отдал старьевщику «Аккорд», ей-ей. За три копейки. А у него, глядишь, его перекупил бы за три рубля дизайнер Михаил Орлов для ресторана «Мари Ванна» – или дизайнер Андрей Дмитриев. Дело ведь не в стоимости барахла, а в невозможности приобрести нужное и избавиться от ненужного. Тащил же я из Москвы (в Питере не нашел) станину от дореволюционного «Зингера»: из таких получаются отличные столики со стеклянной столешницей. Вез же из Парижа дивную лампу-тюльпан 1930-х, а из Вены – медную шкатулку-яблоко 1940-х.

Может, и турист-иностранец польстился бы на моего мишку фарфорового работы ЛФЗ.

Эй вы, там, наверху: а слабо прямо в центре города – как в приличных городах – на выходные организовать блошинный рынок?

В конце концов, когда в стране кризис, можно и создать пару сотен рабочих мест.

2008

БРОСИТЬ ВСЕ, УЕХАТЬ В ГОА

Коллеги в Петербурге провели опрос людей, потерявших из-за кризиса работу. Среди дюжины один ответил, что уедет с подругой на год в Таиланд или, неважно, в Гоа – помедитировать, пока здесь рассосется.

Я вздрогнул. В другом издании о том же спрашивали выпускников архитектурного института. И снова из десяти один ответил, что отправится в Гоа. Впрочем, вздрогнул не поэтому. Среди моих знакомых уже был инвестбанкир, собиравшийся в этом же направлении. И знакомый девелопера.

Вообще-то я знал разных людей, до этого уже проводивших годик-другой в дешевом индийском штате на берегу океана – включая бывшего главреда журнала Playboy. Но то были одиночки-дауншифтеры, отвергшие заработок в мясорубке ради свободы, – а теперь на глазах цементировался слой, осознавший резон формулы «сдать квартиру в России и жить с комфортом в Азии лучше – это лучше, чем сидеть в России и ждать, когда кончатся деньги».

Впрочем, не только экономический. Один из потенциальных приверженцев «2 go 2 Goa» рассказал, что уже вбил в PowerBook всего Достоевского, Бунина и, черт его знает, Батюшкова – всегда мечтал иметь время на чтение, но понимал, что жизнь так и кончится, а времени не будет. «Знаешь, я благодарен кризису, – сказал он. – Я устал зарабатывать, не имея сил даже подумать о том, куда мне столько. Устал менять раз в два года ноутбук и раз в три года машину. Это тупорылость – бежать быстрее всех просто потому, что все бегут».

«Вас становится подозрительно много», – криво улыбаясь, ответил я ему, потому что сам только об этом и думал, когда принимал решение уйти из начальников во фрилансы.

«Тогда сделай вывод из этого», – сказал он. – «Какой?» – «Если в результате кризиса все решили уехать в Гоа, значит, причина кризиса в том, что образовалась критическая масса решивших уехать в Гоа».

Я не нашелся, что возразить.

2008

МИР КАК ТЕЛЕВИЗОР

Все пытаются предсказать развитие кризиса; главных методов два: расчета и аналогии. То есть либо проводится параллель с 1998-м, и график старого кризиса накладывается на наши дни – либо цены на нефть переводят, скажем, в потребительскую активность. А еще для предсказаний можно использовать карты таро.

Мне проще: я смотрю на кризис с точки зрения греха. Ну, знаете, есть такое старомодное мнение, что провидение наказывает за дурное поведение, то есть за грехи: krisis по-гречески значит «решение». Что, спрашивается, делали мы не так, коли достается теперь на орехи?

В веру свою никого не крещу, но давайте посмотрим, кто ходил в героях век назад. Путешественники. Поэты. Военные. Инженеры. Изобретатели. Летчики. Хирурги, вирусологи, вообще врачи. Загляните как-нибудь, даже не будучи беременным, в питерский Институт Отта – это же не роддом, а сотворенный архитектором Бенуа гимн науке. Там каждый лестничный марш ликующе поет о том, что наука побеждает болезнь, а скоро победит и смерть (и больше так строить не будут).

То есть век назад кумирами были исследователи мира – а если какие-нибудь актеры в этот список и попадали, то на правах украшения. Основу составлял все же принцип открытия – хотя бы Станиславским «школы переживания».

Чтобы составить список сегодняшних кумиров, достаточно пощелкать по телеканалам: все кумиры сегодня там, и телеведущий – главный среди них. В программе «Временно доступен», которую я полгода назад по капризу судьбы стал вести вместе с Дмитрием Дибровым, половина гостей именно телеведущие – если не по основной профессии, то по смежной. Хороший телеведущий – тот, кто создает запоминающийся образ. Зачем образу познавать мир? Когда мы выясняем у гостей – а как вы изменились, а какая последняя книга потрясла, а что страшного вокруг происходит – вопросы часто падают в пустоту. «Мы люди-образы, нас любят, вот и все ценности, не грузите».

Телевидение – это самый убогий с точки зрения поиска истины источник, и это причина, по какой я телевизор не смотрю. Быстрая смена картинок и крохотные цитаты, ставка на эмоцию – это как пролетевшая мимо модница. Радио по своим возможностям сложнее телевизора, журнал – сложнее радио, книга – сложнее журнала, а интернет – сложнее всего перечисленного, потому что все перечисленное в себя включает. Телевидение как инструмент не годится для исследования мира, оно технологически лживо и криво, и, например, прямой эфир – просто один из способов выпрямления телевизионной кривизны.

Надеюсь, вы понимаете, к чему я веду. Поколения, черпающие информацию о мире через телевизор; доверяющие телевизору и мечтающие в телевизор попасть, совершили грех подмены мира иллюзией мира. Они перестали изучать Землю, мир, себя – и стали потреблять телевизионный продукт. Ведь консьюмеризм с его пирамидой искусственно созданных потребностей есть просто ориентация на телекумиров. У этих-то милых людей в шкафу всегда 500 пар обуви, как у героини Сары Джессики Паркер, – а с исследователя-то Пржевальского что можно было взять, кроме одной лошадиной силы?

Телевидение как главный информационный канал и завело нас в кризис.

Когда от этой трубы с ходом в один конец большинство людей откажется в пользу Интернета – с его массовостью обсуждений, мгновенно возникающими контраргументами, с его невозможностью скрыть никакой факт (а наше телевидение месяца три замалчивало кризис!) – тогда из кризиса и начнется выход.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Из Москвы ко мне в Питер недавно приехали друзья друзей, прослышавшие, что квартиры в Питере рухнули в цене, – что, к слову, неправда. Меня им рекомендовали как знатока Петербурга и питерской недвижимости, что было правдой наполовину.

Разочарованные высокими ценами на современные и, на мой взгляд, вполне кошмарные дома из железобетона, они с энтузиазмом выслушали мой рассказ о старых домах в центре: для них действительно получалось не очень дорого. Однако из первого же старого дома они выскочили с криком: «Но это же комар и развалины!» – им плевать было, что там стены помнили Андрея Белого. Да хоть Черного! (Про которого, полагаю, они тоже не слышали).

Вдобавок ко всему с собой эти инвесторы прихватили отпрыска, учащегося на таможенника, о чем с превеликой гордостью сообщили. Отпрыск оказался волооким, розовощеким и пухлогубым недорослем, умудрившимся ни разу к 20 годам в Питере не побывать. Перед тем, как отбыть на очередной просмотр, родители уговорили меня «хоть немного показать парню Санкт-Петербург».

В машине дитятя:

а) попросил поставить радио с русской попсой;

б) на Дворцовой площади сказал, что «неа, Москва круче, там дома выше» и спросил, а «где здесь торговый центр вроде Манежки»;

в) узнав, что в Караганде, потому как в питерском центре такие центры некуда помещать, разочарованно протянул – «ну вы и живете...»

В Эрмитаж он пойти отказался. Но когда проезжали мимо «Авроры», попросил притормозить и помчался, как заяц, на крейсер. Когда же я сунул вахтенному сотенную за проход на капитанский мостик (на пропускании на мостик за мелкую мзду матросик делал свой бизнес; непонятно только, делился ли с капитаном), недоросль и вовсе счастливо осовел, доверительно икнув мне в ухо, что никаким таможенником он, на хрен, быть не собираются, потому что тогда его «или убьют, или посадят», что это отмазка для родаков, а мечтает он о «Фабрике звезд».

И я его как-то сразу после этого полюбил.

Если бы все недоросли ради «Фабрики звезд» побросали свою таможенную, ментовскую, гаишную или гэбэшную учебу, я бы, ей-богу, стал «Фабрику» смотреть.

2009

СЫНОЧКИ-МАТЕРИ

Не так давно я встретил в ночи знакомого, назовем его Миша, с болезненно воспаленными глазами. «Давай бухнем», – сказал Миша мне и потащил в ночной бар, хотя ему, как мне показалось, впору было трезветь, а не добавлять.

Миша старше меня лет на 5, он эдакий up middle: есть квартира, дом за городом, машина Infinity, – он директор в среднем бизнесе. Когда такие люди волокут неблизкого знакомого в ночи выпить, – значит, у них рушится либо семья, либо бизнес.

Оказалось – первое, но безо всяких кризисов среднего возраста и юных любовниц. У Миши была вполне размеренная жизнь во втором браке: от первого осталась дочка, у второй жены был сын. С пасынком особого контакта не сложилось, но жили без ссор. Отдыхали по всяким заграницам, образование в университете ребенку обеспечили.

Три года назад, в самом начале роста цен на жилье, Миша успел прикупить еще одну квартиру, решив: бизнес бизнесом, а пора подумать и о счастливой старости. Взял большой кредит, чтобы сразу сделать и хороший ремонт. Думал жилье сдавать и тем самым зарабатывать дополнительную копеечку. Он успел и сделать ремонт, и сдать квартиру, но тут случились две вещи. Первая – кризис, и цены на аренду упали так, что все деньги от аренды стали уходить на выплату банку долга. А второе – пасынок надумал жениться, и жену как прорвало: ты должен отдать ребенку квартиру, тебе его не жаль, ты хочешь чтобы мальчик по чужим углам скитался.

Раза два Миша с женой крупно повздорили, и Миша решил квартирной темы избегать, но тут жене присоединилась теща. И когда они вдвоем налетели: «Конечно, это же не твой родной ребенок, над ним можно измываться, ты денег еще заработаешь, а он пока маленький!» – он сорвался с цепи и рванул на свободу, где и встретил меня.

«Понимаешь, – говорил мне Миша, заказывая уже четвертый бокал чилийского красного и косясь в ту строчку меню, где значилась водка, – я-то думал, парню нужно дать образование, иностранные языки, а дальше давай сам, а когда мы умрем, получишь наследство. И пока он не вырос, все вроде были согласны. Обидно, знаешь, – теща никогда его к себе на выходные не брала, и даже когда он болел, не навещала: у нее там была своя жизнь. А тут вдруг встала в позу памятника и начала, что не даст испортить внуку жизнь! Что он здесь родился! И что я голым в Москву из Костромы приехал!»

«Ну, а с пасынком-то ты хоть поговорил?» – «А то. Он говорит: делайте, как считаете нужным, только времена изменились, мне все равно на свою квартиру никогда не заработать, и денег выплачивать банку твой долг у меня тоже нет. Я тут вообще офигел: получается, я должен отдать взрослому парню квартиру, да еще и выплачивать за нее кредит».

И вот на этих словах мы с Мишей расстались, потому было поздно, и меня ждала собственная семья.

Где ошибка Миши? Есть ли вообще она? Кто прав? Кто виноват? У него не сложились отношения с пасынком или с новым поколением в целом?

У меня нет ответа, да и у Миши тоже. Пока же он искренне считает, что лучшим выходом для всех была бы Мишина скоропостижная смерть от инфаркта.

На следующий, разумеется, день после полной выплаты кредита.

СМЕНА ВЕХ

В фитнес-клубе тренер рассказывал, как его уговорили поставить на лыжи чьего-то сына, пацаненка не то 16, не то 17 лет, – в общем, школьника на выданье. История приключилась проблемная, но поучительная.

Проблемы начались практически сразу, поскольку мальчишка заявил, что на горные лыжи – это отстой, а круто – это сноуборд, и надул губы, узнав, что придется заниматься все же лыжами. Потом выяснилось, что он не выйдет даже на учебный склон без модного горнолыжного костюма, покупку которого родителям, волей-неволей, пришлось оплатить. И только тогда наша парочка отправилась на подмосковный горнолыжный курорт Сорочаны.

«И там, – сказал тренер, – этот пацан, этот чечачо обиделся, как девушка, когда ему взяли в прокате самые дешевые лыжи. Нет, представляете? Спортивной подготовки никакой, кататься не умеет даже плугом, но лыжи уже подавай самые крутые! Атас!»

Но я как раз все очень хорошо воображал. И я сказал, что у парня наверняка ничего не получалось, и что через час занятий он сказал, что устал и на сегодня хватит. Что потом, увидев спортивный магазин, он сказал, что ему нужно купить крутую горнолыжную маску – зеркальную, разумеется. Что, отказываясь учиться лыжам, он попросил сфотографировать его на лыжах, чтобы фото разместить «В контакте», в «Одноклассниках» или в какой другой социальной сети, где хвастают фотками друг перед другом.

«Откуда вы знаете?» – спросил меня тренер тем ревнивым тоном, какой возникает, когда другие досказывают начатый тобой анекдот.

Но я действительно знал. Потому что старшие поколения всегда видят в детях продолжателей своих идей, а главной идеей моего поколения было изменить страну не для того, чтобы жизнь стала справедливее или разумнее, а чтобы наесться досыта. То есть купить машину, джинсы, музыкальный центр или, вон, горные лыжи. И ради всего этого мое поколение вкалывало на десяти работах, недоедало, недосыпало и прочее – и получило в итоге свое. Включая подросших детей, которые искренне убеждены, что жизнь должна быть картинкой из глянцевого журнала, для чтения которого не нужно усилий.

Так что поведение модного мальчугана я себе представлял хорошо.

Другого я не могу представить – каким будет поколение детей этого модника?

2010

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

У моего молодого сотрудника неизлечимая болезнь. Анализы неутешительны. В принципе, он знает, сколько лет такие, как он, могут протянуть.

Он рассказал об этом мне, потому что у меня есть знакомые в медицине – и я обещал помочь – но главным образом, потому, что невыносимо в одиночку жить с ощущением, что праздник жизни, на который ты едва вбежал, завершен. Вместо новогодней елки – выжженный лес, и никакой дискотеки. У него нет даже девушки, а ровесники веселятся и занимаются глупостями. Я знаю, что он в своем новом ощущении должен пройти стадию отрицания, отчаяния, депрессии и, наконец, смирения. Он умен и тоже об этом знает, но пока у него депрессия.

И вот мы нарезаем круги по скверу, и он спрашивает меня, как я думаю, есть ли ТАМ что-нибудь. И я честно отвечаю, что поскольку органы чувств связаны с телом, то после смерти тела попросту исчезает понятие ТАМ. Я не религиозен, чтобы утешать его тем, во что не верю, да и он материалист. «Но, – продолжаю я, – лет 10 назад я впервые осознал, что считать жизнь способом существования белковых тел – это большая глупость».

Я действительно тогда понял, что жизнь – это обработка информации, создающая новую информацию. Вот мы читаем Эхсила, чье тело давно распалось в прах. Эхсил говорит о Прометее, который не только украл для людей огонь, но и отнял у них дар предвидения, заменив надеждами, – и это утверждение меняет наши представления о мире и о себе. Следовательно, Эхсил жив. И Пушкин жив, и Толстой, не говоря уж про Элвиса Пресли. Хотя, когда наша планета исчезнет – а она однажды исчезнет, подобно нашим телам – и жизнь снова изменит форму, Пушкин с Толстым, вероятно, тоже умрут.

«Я понимаю, о чем ты говоришь, – замечает коллега. – Но не могу поверить, что мне осталось так мало».

«Не повторяй, – отвечаю я ему, – ошибки измерения жизни годами. Измеряй жизнь объемом обработанной информации. Измерять жизнь годами так же глупо, как радоваться тому, что твой компьютер долго загружается. Радоваться нужно, если загружен работой мощный компьютер».

Мы прощаемся. Моему коллеге на днях к врачу. Я еду в метро, где один пассажир читает газету «Твой день», один решает кроссворды в журнальчике «Зятек», а остальные убивают время и без этой маскировки. На днях мне лететь на Дальний Восток, и во время долгого рейса коллективное убийство жизней примет вид настоящей бойни.

Я думаю о нашем разговоре и еле сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться.

2010

К ВОПРОСУ О ВЕЧНОСТИ

Жизнь довольно глупо измерять оборотами планеты вокруг звезды. Есть мерные шкалы поточнее!

Лет пять назад я спросил Ивана Шаповалова, создателя и продюсера группы «Тату», на сколько лет он себя ощущает. Я многим задавал этот вопрос.

Шаповалов же вдруг замолчал. Он молчал так долго, что я начал беспокоиться за человека, про чью адекватность всякое слышал, и даже переформулировал: ну, он в свои 40 на сколько себя чувствует – на 60 или 25?

Шаповалов помолчал еще минуту, потом произнес: а что такое сорок или двадцать пять? Вообще непонятно...

Признаться, я был под впечатлением ответа. В самом деле, говорить, улыбаясь, что «чувствуешь себя на 18 лет» – это глупость, достойная попугая. Например, сейчас, когда я пишу этот текст, мне по паспорту 46. Но я бегаю по утрам 5 километров, подтягиваюсь на перекладине 16 раз и катаюсь на роликах и сноуборде. Ничего этого я и близко не мог, когда мне было 18. Можно ли, исходя из этого, утверждать, что в свои 18 я чувствовал себя на 60? Ведь я в 18 паспортных лет был болезненным юношей, и считал всех спортсменов-здоровяков кретионами...

С другой стороны – знания, опыт, выводы, умения, позволяющие оценивать и прогнозировать жизнь, разве не они составляют суть возраста? Я работал в политических изданиях и глянце, на радио и телевидении, в России и за границей, и в год пишу текстов на хороший том. Я, в конце концов, пережил на Руси шестерых царей и живу при седьмом – ей-ей, мне сегодня не 46, а четырежды по 46!

В общем, с годами я пришел к выводу, что измерять возраст годами – совершенная глупость. Сродни сожалениям по поводу малой продолжительности жизни в России, всем этим крикам о том, что мужчины у нас не доживают и до 60. Артюру Рембо было 18, когда он сделал главные дела своей жизни – написал «Пьяный корабль» и влюбил в себя Верлена – и сделал тем самым для мировой литературы больше, чем целый Союз Писателей. Какая нам разница, сколько он еще протянул после этого?!

Наши тела по-разному устраивают свои взаимоотношения с астрономическим временем, основанном на вращении планеты. Большинству людей нужно спать 8 часов, но Мстиславу Ростроповичу хватало четырех. Юрий Олеша радовался одной написанной в день строчке, а Дмитрий Быков за день может написать полромана. Нас интересует, сколько лет по паспорту Быкову сейчас, и сколько лет было Олеше и Ростроповичу в зените их славы?

Перестаньте измерять свой возраст годами, – вот что я хочу сказать. И начните измерять тем объемом информации, который вы получили от мира – и объемом той информации, которую мир получил от вас.

И тогда у вас – вслед за Рембо, Ростроповичем, Олешей, Быковым, Шаповаловым и мной – появится шанс на бессмертие.

2010

НЕЖИВЫЕ, ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Саша Никонов – мой давний приятель, а также писатель, чьи книги неизменно вызывают скандал – прислал мне недавно свежую рукопись. Называется «Анна Каренина, самка».

Скандалы вокруг Никонова вызваны тем, что он пишет, что думает, а думает он то, что думают многие, однако вслух сказать бояться. Например, Никонов полагает, что родителей должны иметь право на эвтаназию детей, у которых нет шансов не просто на нормальную, но и вообще на жизнь, и которые при этом обречены на мучения. Про это он написал статью «Добей, чтоб не мучился». То есть, обращаю внимание, Никонов никого не убивал и не призывал убить, он призывал обсудить крайне непростую с моральной точки зрения проблему, в которой он был сторонником одного из возможных решений. Но со всех сторон понеслось – убийца, убийца! Полагаю, что после его «Анны Карениной» тоже бы понеслось. Вот вам начало романа, цитирую.

«Анна Каренина была крупная, здоровая самка. Все здоровые самки похожи друг на друга. А все нездоровые больны по-разному. Ее молочные железы имели вид упругих плотных выступов, прикрытых искусственной шкурой из тканого материала... Огромные выступы молочных желез непроизвольно привлекали к Карениной взгляды самцов, идущих ей навстречу по Невскому. Их глубинные, древние слои мозга подсознательно воспринимали обилие жировой ткани в молочных железах и на бедрах как признак высокого качества самки и ее готовности к скрещиванию, легким родам и выкармливанию здорового потомства... Однако, их половые инстинкты до поры до времени сдерживались нервными импульсами коры головного мозга, и этот эволюционный стопорящий механизм назывался цивилизованностью». Конец цитаты.

Никонов попросил меня написать, что я об этом тексте думаю. Я ответил, что его книга о том, что за чувствами и поступками, определяемыми обществом как «высокие», «низкие», «волшебные», «священные» на самом деле нет ничего ни высокого, ни низкого, ни волшебного – есть работа биохимических фабрик, определенным образом реагирующих на раздражители, в том числе и от соседних фабрик. Оно и понятно: мораль – это изобретение человека, а в природе морали, с ее «хорошо» и «плохо», попросту нет. Сошел сель, убил лося, трех зайцев и свалил сто деревьев, перекрыл старое русло реки, образовалась запруда. Какая тут, к черту, мораль? Другое дело, если все это совершил человек.

То есть вопрос книги таков: где кончается неморальная природа, с ее химией, биологией, физикой – и начинается мораль, то есть человек? И какие конкретно химические реакции определяют наши чувства?

Так вот, дорогой Саша, – писал я Никонову, – поскольку я читаю исключительно зарубежную научно-популярную литературу, то примерно представляю, как бы мог решить эти задачи западный писатель. Он бы назвал книгу, условно, «Семь чувств. Как окситоцин заставил Анну Каренину изменить мужу, как эндорфины привели к Крестовым походам...» – ну, и так далее. Он бы ознакомил с опытами по биохимии, привел бы результаты самых впечатляющих экспериментов, исследовавших любовников или же убийц, а вот на сладкое, возможно, переписал бы какой-нибудь всем известный роман (или, скорее, главы из нескольких знаменитых романов) в том примерно стиле, как написал ты.

Это, дорогой Никонов, был бы большой труд, требующий серьезного исследования, но результат его мог быть впечатляющ...

Никонов, судя по молчанию в ответ, надулся. Его можно понять: писателям часто достается на орехи, а рецензентам – никогда.

Но вот уже вторую неделю я думаю о никоновской физиологической «Карениной» и всё мучаюсь вопросом – а правда, где кончается обычная природная причинно-следственная связь и начинается способность человека давать оценки? Нет, в самом деле – где кончаются химические реакции с участием какого-нибудь допамина и начинается действие нравственности?

Вот вы – знаете ответ? И я не знаю.

Открылась, как говорится, бездна, звезд полна.

Звездам числа нет, бездне – дна.

2010

MP3-ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Я давно наблюдаю эффект, который называю «эффектом редактора Word». Суть в том, что, несмотря на автоматическую проверку грамматики, электронный текст всегда содержит больше ошибок, чем напечатанный на бумаге. То есть эффект в том, что техника, призванная повысить качество жизни или хотя бы текста, приводит к противоположному результату.

Не могу судить, на всей ли планете наблюдается данный эффект, но в России он сильно заметен в части свободного времени, особенно при перемещении в пространстве. Во всяком случае, ни в одной из европейских стран в поездах или самолетах я не видел такого числа скучающих людей. В Европе в поездках читают: а где еще, если дома на это имеется лишь полчаса перед сном?

«Эффект редактора Word» применительно к нам состоит в том, что несмотря на электронные книжки, вмещающих тысячи томов, или mp3-плееры и транзисторы, позволяющих слушать аудиокнижки за рулем автомобиля, в России сегодня почти не читают.

«А когда мне?» – обычное возражение соотечественника, проводящего ежедневно пару часов в дороге и в пробках.

Ответ: в дороге и в пробках и читать, – то есть, конечно, слушать. Глаза не устают, а текст, поверьте, запоминается лучше.

Вот у меня возле кровати долго пылилось радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Я из Петербурга в Москву на машине езжу регулярно, и мне давно хотелось перечитать книгу, чтобы сопоставить путешествие 1790-го года с путешествием нынешним. Однако чтение Радищева – тяжкий труд, и, всякий доходя до фразы типа «наитвердейшая душа во правилах своих позабывается, преклонит ухо ласкательному песнопению и уснет» – моя собственная душа тут же начинала позабываться в ласкательных объятиях Морфея.

Другое дело – mp3-книга, скачанная на флэшку. Впервые 9 часов дороги от Питера до Москвы были для меня нетоскливы – дело в том, что в какой-то момент текст и дорога начали совпадать. Проезжая Валдай, я слушал про «наглых валдайских и всякий стыд сотрясших девок», а проезжая Завидово – про то, как генерал, мчась по дороге (чуть было не сказал «с мигалкой»!), плюет на права всех остальных. Когда же самодвижущаяся кибитка моя достигла Москвы, я куда яснее, чем на школьном уроке, понял, отчего Екатерина поступила с Радищевым, примерно как Путин с Ходорковским, – кстати, и срок они получили почти одинаковый.

Не лишним будет только заметить, что после Екатерины при императоре Павле Радищев был из ссылки возвращен, а при Александре Первом и вовсе призван ко двору сочинять российские законы.

Ну когда б я еще все это вам рассказал, если бы не слушал в машине mp3!

2010

КОГДА ТЕЛЕВИДЕНИЕ УМЕРЛО

Я в своей профессиональной жизни сменил несколько ипостасей – работал в литературном и в глянцево-журнале, на радио и на телевидении – однако лишь недавно понял, что в передаче информации средство передачи важно так же, как и передаваемая информация. Ну, представьте, что от того, по каким трубам бежит вода – по стальным, пластиковым или медным – вы, открывая кран, получаете воду, газировку или пиво.

Это я к тому, что техническое развитие СМИ удивительно соответствует типу эпохи – и наоборот. Например, революций в книгопечатании было три. Сначала свитки придумали разрезать на страницы, отчего резко увеличилась скорость работы переписчиков, – это был этап передачи информации от монастыря к монастырю. Затем телячью кожу заменила дешевая бумага, и тогда книга стала доступной, – это началась эпоха Просвещения. Ну, а после Иоанн Гуттенберг придумал станок, заложив основы книжного, журнального и газетного тиража.

Подумайте сами, каким удивительным образом радио удовлетворяло потребность мгновенно передавать новости на гигантские расстояния в эпоху индустриализации и мировых войн, и вы поймете мою логику, которая точно так же связывает эру телевидения и эру потребления. Массовое потребление невозможно без рекламы товара, а главная особенность рекламы – не создание соблазнительного образа, а игнорирование обратной реакции. Сколько ни говори, какая гадость эта ваша заливная рыба – на рекламе заливная рыба являет собой неизменно превосходный результат. И книга, и пресса, и радио, и телевидение – это, с технической точки зрения, игра в одни ворота. В редакцию можно написать письмо, на радио попросить дозвониться – но не факт, что письмо напечатают, а звонок выведут в эфир. Телевидение соединяет все средства воздействия – речь, звук, музыку, картинку – но не дает обратной связи вообще. Телевидение – это мечта маркетолога. Не случайно телевидению достается весь рекламный бюджет.

Главное отличие интернета от телевидения – внутренняя, заложенная еще при рождении интерактивность, а вовсе не технические возможности, вроде твиттера, скайпа, ютьюба. И сами твиттер, скайп, ютьюб предполагают диалог, дискуссию. За все годы работы в прессе я не получил столько откликов на свою работу – хвалебных, издевательских, указывающих на ошибки – сколько иногда получаю на один пост в ЖЖ dimagubin.livejournal.com. Причем в журнале письма в свой адрес мог читать только я, а теперь комментарии видны всем.

В интернете любая информация доступна для обсуждения. Ни ложь, ни фальшь, ни глупость, ни ошибка не остаются незамеченными. В интернете заложен внутренний детектор лжи, интернет построен не на цензуре, а на внутренней саморегуляции. Все видно всем, и всем видно всё.

Кажется, именно это свойство интернета пока что не замечено ни политиками, ни маркетологами. Первые по-старинке пытаются использовать интернет для пропаганды, а вторые – для продвижения товаров, злясь и досадуя, что в интернет-среде их усилия часто разбивает дискуссия на каком-нибудь форуме.

Я это не к тому, что политики или рекламщики должны перестроиться. А к тому, что, не исключено, что прежняя эпоха, с ее идеологией потребления закончилась, и мы стоим на пороге какой-то иной.

Какой?

Я не знаю.

Попробуйте поискать ответ в интернете.

БУРИДАНОВ ОСЕЛ XXI ВЕКА

Несколько месяцев назад я задал в своем ЖЖ вопрос: какой бук-ридер предпочесть? А сегодня признаю, что вопрос был не вполне корректен. То есть я искал, условно говоря, высокобелкового продукта, а следовало стремиться к сбалансированному питанию, и вот почему.

Среди пары десятков ответов на вопрос об электронном ридере были как рекомендации, так и вздохи. Лучшей рекомендацией стало предложение френда jozefgotlib поиграться его 505-м «сони-ридером». Ну, а вздохи были о том, что как можно променять на бездушное железо живую книгу, пахнущую типографской краской. И пусть я не уверен, что содержащая свинец краска и слово «жизнь» синонимичны, но это, знаете, как на рынке: когда мясника спрашиваешь, нет ли баранины, он в ответ начинает хвалить имеющуюся свинину.

Впрочем, к теме. Пятимесячная работа с электронными книгами – включая книги в текстовых файлах в компьютере, а также аудиокниги в mp3, – убедила меня в следующем. Первое: электронные книги не отменяют бумажных. Второе: бумажные книги не отменяют электронных.

Теперь по порядку.

Считается, что у бумажных книг один недостаток – размер и вес. Потаскайте с собой килограммовые кирпичи Наоми Кляйн или Ричарда Докинза! Однако реальных недостатков у традиционных книг больше. Первый – блеклый мелкий шрифт на жухлой бумаге. Этим грешат дешевые издания, а также книги, изданные в СССР, – они все теперь в серии «литературные памятники», причем советской бумажной промышленности. Второе недостаток – трудность поиска цитаты. И третий – трудность, а порой и невозможность раздобыть саму книгу, особенно изданную мизерным тиражом. Попробуйте-ка сегодня купить трехтомник Ричарда Пайпса «Русская революция»! А наберите в Яндексe «Пайпс русская революция читать» – и voilà, скачивайте: хоть на хард-диск, хоть сразу в ридер.

В свою очередь, у ридера с ноутбуком свои проблемы. Чтение с дисплея компьютера утомляет глаз – да и в метро его не открыть. Ридер же, с электронными чернилами последнего поколения, глаза не утомляет, однако его экран невелик, чего не скажешь про цену. 505-й Sony, к примеру, стоит полтыщи долларов. К тому же этот ридер не умеет маркировать и копировать текст. Максимум – делать закладки. И даже масштабировать текст плавно он, увы, не умеет тоже.

Что еще у нас остается? Аудиокниги? Аудиокурсы «Иностраный за рулем»? Увы, и здесь свои пределы. Поверьте: изучать языки в городском трафике почти невозможно: слишком нервно. Хотя возможно – во время утреннего бега или велопрогулок. Тоже и с аудиокнигами. За рулем в пробках неплохо воспринимаются лихие сюжеты. А вот Марселя Пруста я слушаю исключительно в дальних поездках. Хотя сразу скажу, идеальное время для аудиокниг – это глажка. Из скучнейшего занятия она превращается в увлекательнейшее!

Вывод из всего этого один. Книги сегодня надо приобретать на всех возможных носителях. Для удовольствия – листать страницы, для дела – мгновенно искать цитаты, для экономии времени – брать с собой ридер, а за утюгом слушать аудиокниги. Новые виды чтения лишь дополняют классические.

Если, конечно, вы не перестали читать.

2010

ЖИЗНЬ ПО ИНСТРУКЦИИ

Дивным октябрьским утром, в один из последних дней золотой осени, я летел по Петербургу на велосипеде, напевая от счастья, не ведая, что ждет меня впереди.

Это было то редкоуловимое утро, когда липы и клены разом бросают вниз листья, и дворники не успевают убирать, а потому свет, струящийся от земли, сильнее света, исходящего от неба, причем настолько, что говорить об этом следует высокопарным слогом.

Я этим утром был счастлив, у меня этим утром были дела, и я их щелкал одно за другим. Среди дел значилось забрать заказ в интернет-магазине «Озон». Книги и диски. Я подкатил к пункту выдачи, прошел с велосипедом внутрь и назвал номер заказа.

«Паспорт», – сказала девушка за стеклом. Я хлопнул по карманам. Счастье золотой осени подразумевает листопад, солнце и тепло, но не наличие паспорта. Я протянул девушке удостоверение издательского дома «Коммерсантъ». «Я же сказала: паспорт, мужчина, – сказала девушка раздраженно и сонно, – или права». Прав у меня тоже не было – я же на велосипеде – причем становилось ясно, что прав нет никаких. Я порылся в бумажнике и предъявил: пропуск в «Планету фитнес» с фотографией, читательский билет французской медиатеки с фамилией и две кредитных карты на мое имя. С одной карты, кстати, был оплачен заказ, и это легко было проверить. Я добавил, что могу позвонить домой, жена продиктует номер паспорта. Но ехать за паспортом – крюк и потеря времени, а так не хочется убивать это утро. «Мужчина, у меня инструкция!» – девушка ткнула в бумажку. «Велосипед из зала уберем! – раздалось за спиной. – А что, домой на велосипеде тоже вкатываем?»

Это был охранник. Охранниками в России служат мужичонки, не годные вообще ни на что, а говорят они во множественном лице, подражая ментам, чтобы превратить свой ноль в бесконечность.

Я не стал говорить, что в московской квартире велосипед живет у меня именно в комнате. Я не стал объяснять, что велосипедом никому не мешаю. Я развернулся и поехал за паспортом. День был убит. Он был убит настолько, что я рассказывал эту историю встречному и поперечному, и был потрясен вторично, потому что большинство встречных, не говоря про поперечных, отвечали: «Дима, но ведь она же выполняла правила, инструкцию? У них ведь наверняка случалось воровство. Ну, вот они и страхуются, чего кипятиться».

А вот теперь, внимание: как, с вашей точки зрения, должна была поступить девушка? Подумайте, а я пока сделаю паузу. Подумали?

Так вот: любой писанный закон не есть еще высший закон. Евреев нацисты расстреливали тоже по инструкции, но некоторые люди делали выбор против инструкции в пользу людей. Обратите внимание, что у девушки выбор был. Она могла выбирать между тем, чтобы гарантированно испортить настроение мне и, с некоторой степенью вероятности – жизнь себе, если я окажусь жуликом. Чтобы уменьшить эту вероятность, она могла, например, зайти на Яндекс и проверить, как я выгляжу. Или прикинуть, что человек вряд ли затеет аферу с документами ради фильма «Шультес» и книги «Истоки западного образа жизни». Наконец, она могла улыбнуться, извиниться, посочувствовать, но все же попросить съездить за паспортом, сказав, что заказ будет дожидаться меня на стойке, и что меня обслуживают вне очереди.

Она не сделала ничего, ибо я для нее был не человек, а никто.

И вот именно по этой причине я предпочитаю думать о ней и даже о мужичке-охраннике как о людях, то есть как о заблудших, но все же как о сестре и брате моих, которые, быть может, вспомнят когда-нибудь эту историю, устыдятся – и прозреют.

ВСЕ СВОЕ НОШУ С СОБОЙ

Декабрь. Снега. Теща вздыхает: надо готовиться к даче. Какая, спросите, может быть дача зимой? Да никакой! Полсотни штук тещиных коробок с барахлом, то есть «мест», или, как говорит сестра тещи, «кутулей», давно перевезены из садоводства в город. Как и сама теща. Однако над количеством «кутулей» задуматься будет полезно.

Когда-то тещу вместе с ее вторым мужем, кошкой, телевизором и помидорной рассадой я вывозил на дачу одним «жигулем»-«девяткой». Привозил в город, кстати, тоже одной машиной: уже без рассады, но с трехлитровыми баллонами законсервированного итога жизни рассады.

Потом вечноломающаяся «девятка» сменилась вечноломающейся «одиннадцатой», а та – одной беспроблемной иномаркой, другой, третьей... Муж тещи, любивший давать интервью привозимым мною иностранным журналистам («Мы тут последнюю корову доим! А японцы у Курил так и шныряют!»), отошел в мир иной. Кошка сменилась котом. На даче образовались новый сарай, теплица и баня. А теща перестала вместиать свой движимый скарб и в одну машину, и даже в две. В день ее весеннего исхода из города в квартире громоздится Монблан из коробок, коробочек, сумок, рюкзаков, пакетов, кульков и – этих вот, кутулей. «Полно вратъ-то! Да у меня ничего и нет на этот раз с собой! – говорит теща, расхаживая вдоль своего хозяйства. – Малюсеньких коробочек пятнадцать штук, и все! На заднее сиденье войдут».

Я, в общем, раньше спорил, честно пересчитывал («тридцать восемь, тридцать девять... даже в две машины не войдут!»), но когда теще стукнуло 80, перестал. Хотя следовало перестать раньше. Для кого-то, может, эти кутули и смешны. Но для тещи они – целая жизнь. Она по весне везет всю свою жизнь на дачу с собой. А осенью эту жизнь вывозит с дачи. И даже сейчас, зимой, собираясь к сестре в поселок Рошино, что лежит аккурат между Питером и садоводством, просит «подкинуть» вслед за ней штук восемь «мест».

Я, когда уезжал на полгода работать в Лондон, брал вчетверо меньше. Но и теща раньше брала меньше. Потому что тогда не знала, как выстроится ее жизнь, как и я не знал и не знаю, как выстроится моя. Пока живешь – живешь минутой, мигом, настоящим. Бритва, книга, тряпье на неделю, кроссовки, ноутбук, спортивный костюм, остальное докупим. В 80 лет поневоле замыкаешь жизнь в круг. И, видя, какие вещи теща таскает туда-сюда с дачи на дачу, а какие не трогает, я примерно понимаю, как и по каким датам она эту черту проводит. Микроволновку – крайне важную, с моей точки зрения, вещь – она не перевозит, потому что самую важную часть жизни и без микроволновки прожила. А вот телевизор возит туда-сюда. По телевизору должно быть в каждом доме и в каждой комнате. Концерт ко дню работника милиции – важнейшее событие в тещиной жизни: «Я целый год так его жду!» Книги – нет, они не перевозятся, на даче, если честно, теще вообще не до них, но перевозятся все важные старые и многократно перелицованные кофточка (новые не перевозятся: «сохраняются»). У многих пожилых так. Наш женой знакомый эмигрировал с мамой в Германию, и перед отъездом выбросил на помойку состоявшихся из одних дыр шушун, а его мама чуть умерла от горя: «В чем же я теперь болеть буду?!»

Я, признаться, немного слукавил, сказав, что вовсе перестал на тещины привычки бурчать. Но я стал их понимать. И, глядя на тещу, вдруг понял, отчего в Москве сегодня вещают сорок с лишним музыкальных станций, но мне слушать нечего, так что я качаю радио через интернет. Ведь московские станции гонят музыкальные «кутули»: ту музыку, под которую я оттанцевал еще в седьмом классе. Они реагируют, так сказать, на массовый заказ ежедневного концерта ко дню милиции (у каждого он свой), ибо этот концерт рождает иллюзию, что с детства ничего не изменилось, а коли случится беда, то папа всех защитит.

Я стал понимать тещу еще и потому, что вспомнил, как в советское время сам из дому не выходил без вместительной сумки. Наткнулся вдруг на старые снимки: писатель англичанин Джеффри Хэррис приехал в перестроечный Ленинград, мы фоткаемся у Петропавловки, в руках у меня огромная сумища, «кутуль» (помню, как Джеффри вежливо, но все же косился – к чему такой размер, если мы всего-то собрались погулять по крепости? Да затем, что это было «добро», с которым я был не в силах расстаться! Это было подтверждение моего присутствия на Земле! Все русские сказки оканчиваются одинаково: «стали жить-поживать, да добра наживать». Вот и я мечтал, что наживу с женой «добра»: дом, дачу, мебель, большую машину, столовые сервизы, скатерти с бахромой, серебро-злато.

А сейчас, когда кое-что появилось, понятия «добра» – да и зла – кардинально изменилось. Машинка у меня маленькая, бросаю где попало, не престижная она ни капли: важно, что шустрая, что не ломается и что легко парковать. И даже к любимой квартире, окнами на Петропавловку, которую мыслил как «гнездо», отношусь по-другому. Дадут хорошие деньги – сдам или продам. И сниму другую, окнами на церковь Сен-Сюльпис. Или на Атлантический океан. Мир большой, как и жизнь. А жизнь – это твоё влияние на мир. Нет влияния – нет жизни, и неважно, скопил ты много «добра» или вовсе не скопил.

Когда я это понял, то несколько раз проговаривался знакомым, что после смерти от меня останется горстка пепла, который развеют над Невой, да пачка дискет, – и у знакомых округлялись глаза. А потом стал говорить перестал, потому что при наличии интернета уже и флэшку после себя можно не оставлять.

Так что нас с тещей уже не будет – а этот текст останется. Перейдет в другие тексты, в ваши идеи, а через вас – к другим людям, и мы тем самым с тещей продолжим жить.

Если, конечно, вы не потратите свою жизнь на собирание каких-нибудь там кутулей.

2010

МОЙ ТОСТ ЗА ТО, ЧТО МЫ НЕ ВИНОВАТЫ

Если бы мне позволили обратиться ко всей стране сразу (а сейчас у меня отчасти такая возможность), я бы в новогодней речи ограничился призывом к родителям не ругать детей за совершенные ошибки.

Взрослые люди исходят из того, что так называемые «ошибки» – это результат чьей-то нерадивости. Или злой воли. То есть из того, что, в принципе, не совершать ошибки возможно. А следовательно, тот, кто их совершил – виноват.

Так думают люди, плохо знакомые с генетикой или, допустим, с квантовой физикой, с микромиром. А в этом мире, где действуют элементарные частицы или спирали ДНК, так называемые «ошибки» – то есть, например, полеты частиц в сторону, отличную от расчетной, или неточное копирование спиралей ДНК при делении клеток – это никакие не ошибки, а природные закономерности. То есть законы. Для квантовой физики, например, законом вообще является принцип неопределенности, согласно которому рассчитать на 100 % поведение частицы невозможно, а можно – только с определенной погрешностью, ошибкой.

И ошибки компьютеров, которые периодически случаются и будут случаться, происходят оттого, что идеальных компьютерных компонентов существовать не может в принципе.

Для чего природа так упорно совершает ошибки, то есть отклоняется от своих программ? Да для того, чтобы, например, мы могли приспосабливаться к меняющимся условиям, закрепляя полезные отклонения. Например, человеческий разум – это ведь тоже результат ошибки, случайной мутации в гене HAR1 F.

Так что же теперь, не ругать ребенка, когда он пишет через «а» «корова» или заявляет, что семью семь – сорок семь? Повторяю: не ругать и уж тем более не наказывать. В конце концов, «корова» и правда логичнее писать через «а», а в «семью семь сорок семь» продолжается логика «пятью пять двадцать пять». Умный взрослый должен не ругать, а стать эдаким дублирующим компьютером в сложной системе. Чувствуете разницу? Ведь дублирующий компьютер не бьет током процессор первого компьютера за ошибку. Он просто выявляет отклонение от программы.

Вот за это я и пью, и вас призываю присоединиться.

Алкоголь, кстати, – это типичное средство отклонения от наших биологических программ. И чтобы не отклониться слишком далеко, помните, что рядом дети – наша дублирующая система.

2010

«ДОМОДЕДОВО» И ЧИКАТИЛО

Взрывы в «Домодедово» были так громки потому, что случились в Москве, а не только потому, что погибло и пострадало много людей. Взрывы по схожему сценарию происходят ежедневно на окраинах России – в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, но их москвичи не замечают. Отчасти оттого, что не считают Дагестан, Ингушетию и Северную Осетию настоящей Россией. Так, скорее колониями.

Да и взрывы в столице метрополии – последние случились в московском метро 10 месяцев назад – вызывают однотипную реакцию. Сначала – бурный гнев, потом – требование принять меры, потом – успокоение. «Меры» – это не покарать исполнителей (чего уж, если они сами себя взорвали), но взять на вооружение некие технические приемы. Так, после взрывов в Москве в 1999-м считалось, что надо срочно перекрыть доступ во все бесхозные подвалы и чердаки. Помню, я сам в телепрограмме гневно вручал амбарный замок тогдашнему московскому вице-мэру Шанцеву. А сейчас требуют повсюду установить рамки металлодетекторов. Сходные призывы раздаются всегда после резонансных преступлений: например, после дела Чикатило по СССР прокатилась волна требований включить в школьную программу курс безопасного поведения детей при встречах с подозрительными взрослыми.

Но тогда же, изучая дело Чикатило, я с ужасом убедился, что взрослый маньяк, если захочет, все равно обманет ребенка. Среди жертв Чикатило, например, был подросток-спортсмен, физически превосходивший насильника – но Чикатило прикинулся немощным стариком, попросил поднести чемоданы, и накинулся на жертву, когда ее руки были заняты. Точно так же и террорист найдет новое место, где много людей, а проверить всех физически невозможно.

Это – реальность, состоящая в том, что трагедия сопутствует жизни, является ее чертой, и нет алгоритма, раз и навсегда гарантирующего безопасность. Трагедия – один из законов жизни, и в этом смысле у нее нет виновников, как нет виновников у закона всемирного притяжения, заставляющего порой падать самолеты.

Просто, зная, понимая и принимая это, не следует делать вывод, что детей не нужно учить правилам поведения с незнакомцами, что авиакатастрофы не следует расследовать, что детекторы взрывчатки не следует разрабатывать и внедрять, и что того, кто обещал замочить террористов в сортире, но до сих не замочил – не следует заставлять отвечать за свои слова.

2011

ЧУВСТВО ДОСТОИНСТВО КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

О книге Бориса Акунина, о несъеденном галстуке девелопера Полонского, о Курском вокзале и Шамбери, а также об универсальном эквиваленте.

Со мной недавно случилось два маленьких происшествия, хорошее и плохое, начну с плохого.

На вокзале во французском Шамбери не работал лифт. Шамбери – это городок в Савоие, шестьдесят тысяч жителей, вокзал крохотный, у меня там была пересадка, и, чтобы перейти с пути на путь, нужно было подняться-спуститься в тоннель. А лифт из тоннеля наверх не работал. Профилактический ремонт. А у меня была тяжеленная сумка. В общем, приятного мало.

А хорошее происшествие, если считать происшествием приобретение хороших книг, – это покупка последней книги Акунина «Любовь к истории». Такой сборник эссе из акунинского ЖЖ, посвященных истории. И там я вычитал то, что, в принципе, и без ЖЖ можно найти в романах про Фандорина. Потому что эти романы не только исторические детективы, но и этические моралите.

Цитирую Акунина: «Я сортирую вехи отечественной истории по главному параметру: способствовало то или иное историческое событие прогрессу ЧСД (чувства собственного достоинства) в соотечественниках либо же понизило эту характеристику, которая, я уверен определяет качество всякого народа».

И я стукнул себя по лбу: о господи, а я-то все искал всеобщий эквивалент! Ну, в деньгах в качестве эквивалента я разочарован давно. Воровство экономически выгодно, но это не основание идти в вору. И прибыльный, но халтурный бизнес не сильно для меня отличается от воровства. Действия людей вообще неверно оценивать деньгах. А вот если оценивать бизнесменов, политиков, да кого угодно, хоть школьных учителей, поваров и журналистов с точки зрения прогресса ЧСД, тут сразу все ясно. Потому что плохое образование и плохая еда достоинство унижают, а хорошие – возвышают. И так во всем.

На вокзале в городке Шамбери мое чувство достоинства было унижено, но ремонт все же состояние временное. А вот на Курском вокзале в Москве на платформу из тоннеля нет ни эскалатора, ни лифтов. Там унижение человеческого достоинства считается нормой. Хотя на этом вокзале прошла недавно гигантская реконструкция, по поводу освоения средств на которую до сих пор собачатся РЖД и бизнесмен Сергей Полонский. Тот самый, который не так давно посылал в задницу всех, у кого нет миллиарда, и тот самый, кто обещал съесть галстук, если цены на недвижимость упадут. И галстук он не съел, хотя цены и упали.

Думаю, с точки зрения денег как всеобщего эквивалента Сергей Полонский оценивает себя более чем высоко.

Но также думаю, что люди, тащащие на Курском вокзале чемоданы на платформы по лестницам за отсутствием лифтом, придерживаются иных оценок.

Часть 5. Русская парадигма

ВЕЛИЧИЕ ТЕЛЕКОМА

Россия – великая наша держава, а Северо-Западный – великий наш Телеком. Они и действуют примерно одинаково. Во всяком случае, на мои нервы.

На новую квартиру нужно было установить телефон; я отправился в офис на Лесной проспект.

Это было обычное присутствие со всеми признаками госучастия: перед операционистками требовалось стоять, электронная система выдачи номерков не работала, половина окошек было задраено, к оставшимся хмуро клубились очереди.

Я попросил дать бланк; девушка за окошком мрачно сказала, что бланки не нужны, все вопросы в порядке очереди. Через сорок минут стояния она закрыла окно; шел ли ей кто на замену – было неясно, я в сердцах сказал, точнее, соврал: «Совок!» – потому что совком, то есть специфически советским проявлением это не было; таковой Россия была всегда. «А где по-другому?» – словно прочтя мои мысли, отозвался мужичок, стоявший передо мной. Русские, обратите внимание, среди своих с легкостью признают, что страна у нас, в общем, говно. «В Англии», – сказал я правду. «Ну так туда и езжайте», – отрезал мужичок. Русские, обратите внимание, при сравнении с другими нациями допустить не могут убытка.

Я встал в очередь к администратору, затем снова в окошечко, затем в кассу, в которой, разумеется, не принимали кредитки. Заняло стояние часа полтора; это был мой рабочий день, кстати.

Я вышел на волю не то чтобы униженный, но слегка обгаженный, как выходишь слегка обгаженным у нас из милиции, ЖЭКа или паспортного стола. Я вспомнил, как в Лондоне регистрация в полиции заняла у меня минут пять. И в лондонской полиции мне улыбались и желали удачи.

Говорят, Россия скоро догонит Европу.

Неправда: она бежит в другом направлении.

И это не Англия тому виной, это Северо-Западный Телеком тому порукой.

2008

ОСТАНОВИТЕ МУЗЫКУ!

Любой россиянин, возвращаясь из-за рубежа, обращает внимание, скажем, на грязь. Но есть еще одна вещь, которая отличает отечество от Европы. Это всегда и везде звучащая музыка.

Упаси вас боже ехать из Питера в Москву поездом, состоящим из новых вагонов. За час до прибытия вам устроят побудку, врубив во всю дурь «Шансон» либо «Ретро». Вагоны – отечественного производства; в отличие от старых (немецких), регуляторов громкости в них нет вообще. На посадке – проверка паспортов, в 6 утра – паааадьем: добро пожаловать в вагонзак.

От музыки в России не скрыться нигде. Она в любом поезде, маршрутке, ресторане: попробуйте найти тихое местечко. Я недавно в Москве сбежал из дорожного ресторана «Павильон» на Патриарших, оставив черную треску недоеденной, а счет – неоплаченным: грохотало, как на полигоне. Мы с приятелем пару раз попросили убавить звук: тщетно. У них там к высокой кухне положены такие же децибелы.

Ни в одном европейском гурмэ-ресторане не будет музыки. Рояль – и тот в piano bar. Музыка отвлекает от наслаждения едой и общением, а за ними в ресторан и идут. Разница между стуком приборов в европейском и музыкой в российском шалмане куда значительнее различий в языке.

Эту принципиальную разницу обычно объясняют разницей культур. Ха! Можно подумать, баски и шведы схожи, – но музыка в ресторанах ни там, ни там не звучит. Боюсь, причина в другом. Музыка для того и нужна, чтобы не вслушиваться в собеседника и не думать. Музыка превращает любое действие в клип. Как дела? – Класс! Крупно: бокал, «Брейтлинг», сумочка от Джейн Биркин, общий план заведения, о, я знаю вон тех, за тем столиком, – как дела? – Класс!

Мы – часть телевизора, по которому показывают нас же, смотрящих клип с нашим участием. По телевизору. Главное – чтобы ни на секунду не стихала музыка. Потому что без музыки этот видеоряд и глуп, и смешон, и постыдно напыщен.

Именно посредством музыки достигается убежденность, что и жрать, и пить, и размахивать сумочками, кредитными картами и часами мы будем всю жизнь, что в этом смысл жизни, и что выбор разумен.

Поэтому музыка в России играет всюду.

2008

ПИР ВО ВРЕМЯ ПОБЕД

«Ну, поперло!» – восклицает в анекдоте зять, теща которого ломает ногу. Надо же: в 1998-м считали копейку, запасались картошкой – а теперь гляди: вот уже Олимпиада будет в Сочи, баррель нефти стоит \$135, «Зенит» – чемпион, хоккей – чемпион, и Дима Билан чемпион, и «Евровидение», нет проблем, в Москве примем! Ты что не радуешься, брателло?»

Не радуюсь. То есть успех 10 конкретных великолепных парней + вратаря, и 5 парней + вратаря, и 1 конкретного парня меня радует, но по-олимпийски. Загляните в Олимпийскую хартию: там черным по белому, что в Олимпиадах соревнуются не страны, а люди, и значит, любая радость за страну противоположна идеалам Пьера де Кубертена.

А радость страны, замешанная на том, что мы теперь круче всех в мире, меня пугает. Пугает растущее самомнение людей, которые, по Булгакову, пока еще не слишком уверенно застегивают штаны. Радость россиян – это веселье хватанувшего водки, а я рядом и трезв. И соображаю: то ли мне веселящиеся в физиономию залепят, то ли сами в грязь упадут. А что, не так?

Вот город Сочи. Грязное море, «Владимирский централ» вдоль изнасиловавшей море волнорезами набережной; худший в мире (я могу сравнивать) подъемник в Красной Поляне. Вот «Газпром», накачавший деньгами «Зенит». Щедрейший спонсор в стране, где к садоводческим поселкам не проведен (и вряд ли когда будет проведен) газ. Вот победа Билана: это радуется страна, слушающая исключительно попсу и шансон. Вот Россия в целом: восьмая часть суши, где нет ни одной нераздолбанной автодороги. Где не бегают трусцой по утрам. Где барство дикое и рабство тощее. Которая все больше похожа на нефтяного алкаша. И вы любо в дупель пьяны, и тогда всем всё по фигу, либо в дупель трезвы, и тогда всех плющит от ужаса.

Кто там снова у нас победил? Официант, еще графинчик «Путинки»!

2008

ЛЮБОЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Моя теща сломала на даче руку, однако это печальное происшествие помогло мне постичь пресловутую загадку русской души.

Теща упала с одной из лавочек, воткнутых там и сям в огород; летом я грозился пустить их на дрова по причине ветхости, но теща взмолилась: по ее версии, на скамейки удобно ставить ведра. Когда же она присела сама, убогая конструкция не выдержала. После чего теща проконсультировалась по телефону с сестрой (тоже пенсионеркой) и махнула на руку рукой: а, пустяки!

Мы с женой приехали на дачу, когда рука уже распухла. Ужаснулись – и едва не силком повезли жертву скамейки в Выборг, в травматологию, где ей сделали рентген и наложили гипс. Я же, томясь в больничном коридоре, разглядывал окружающих: мужичка с головой в бинте, удачно пообщавшегося с другом; алкашку, запивавшую портвейном выписанные для лечения отита антибиотики, и теперь оравшую от боли и бившую (непреднамеренно) казенные градусники. Но больше всех впечатлил прилично одетый мужчина с багровым лицом: его укусила змея. Мужчине было действительно худо, но его жена охотно рассказала, что он нашел в лесу гадюку и, вспомнив рассказы соседа о целительных свойствах змей на спирту при лечении поясницы, принес гадину в дом. Где и «потревожил животное», пытаясь засунуть в бутылку с водкой, – ну, и получил несимметричный ответ. Что неуловимо напомнило мне репортаж трехлетней давности о массовых отравлениях грибами на Брянщине. Там одна семья, откушав грибков, отдала богу душу, но главу откачали. Глава вернулся домой и грибки доел, успев перед окончательной смертью выдохнуть – «не пропадать же добру...»

И вот тут – в приемном покое выборгской районной больницы – я постиг, наконец, непостижимую тайну русской души. Тайна эта состоит в прекрасном пренебрежении жизнью, – хоть своей, хоть чужой.

Потому что в странах, где ценность жизни крайне высока, там никаких тайн души нет. Там тайну составляют приготовление кролика в горчичном соусе, или пошив идеально приталенного пиджака, или расчет передаточных чисел автомобильной трансмиссии, причем цена жизни передает этим низменным благам вполне возвышенный смысл, – как и продвигает, например, страхование или разработку систем безопасности на дорогах.

А русская душа потому и загадочна, что летит себе по небесам, лишенная балласта в виде тела. И никто не знает, куда ее на ветру развернет – то ли прогнившие скамейки ценностью объявить, то ли свою страну признать поднявшейся с колен великой державой, то ли ревматизм лечить посредством гадюк.

Если жизнь ничего не стоит, разницы между гадюками и величием нет.

2008

НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА. АПТЕКА, УЛИЦА, ФОНАРЬ

В журнале «Огонек», где я работаю, есть рубрика «О своем / со стороны». Идея проста: русский журналист пишет, что его поразило в мире; иностранный – что поразило у нас.

Анекдот в том, что «со стороны» пишут тоже русские журналисты, и по банальной причине. Когда обратились к иностранным, они, как под копирку, стали писать про одно: как их поразила Москва, зачищенная под проезд Путина, с замершими «Скорыми» и пожарными – когда с «крякалками» и «мигалками» по московской пустыне летит президентский кортеж.

А недавно в одном издании меня спросили, как мне идея рубрики «У нас / у них», в которой москвичи бы говорили о том, что их поразило в Петербурге, а петербуржцы – о том, что поразило в Москве.

Вместо ответа я устроил опрос своих ездящих туда-сюда знакомых. Каково же было мое изумление, когда ответы снова сошлись как под копирку!

Итак, москвичей в Петербурге потрясали:

ужасные туалеты на Московском вокзале;

отсутствие парковки у Московского вокзала;

закрывающееся в полночь (а не в час, как в Москве) метро и в 20 часов – кассы предварительной продажи билетов на поезда;

медленный темп жизни;

цены в киосках на Московском вокзале.

Питерцев же, соответственно, поражали в Москве:

чудовищные туалеты на Ленинградском вокзале;

куча-мала вместо парковки у Ленинградского вокзала;

пробки на Тверской в полночь;

безумный темп жизни;

200 рублей за чашку кофе-чая в среднем московском кафе.

А больше всего меня поразило – тут я кинулся к архиву, не может такого быть, но я эту запись нашел! – что и 25 лет назад жителей двух столиц больше всего ужасались сортирам-побратимам и разнице темпов жизни.

Чай, правда, в СССР стоил копейку без сахара, а проблемы парковок и пробок не было вообще. Но в целом «повторилось все, как встарь» – просто-таки по Блоку.

Рубрика тихо умерла.

2008

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ ВЕДЕТ К ТЕМ ЖЕ ЦЕННОСТЯМ

Вопрос о национальной идее России тихо снят с повестки дня, – и правильно снят. Это ж в какой стране вы национальную идею встречали? Другое дело, что вопрос о национальных ценностях замолчать не удастся. Они-то существуют везде.

Скажем, для американцев ценность номер один – свобода. Будете в Бостоне (помните про «бостонское чаепитие» и борьбу за независимость?), вскарабкайтесь на Bunker Hill и прочтите на каменных скрижалях: «Бог вложил в наше сердце чувство, и этим чувством была любовь к свободе».

У французов, помимо свободы, равенства и братства, ценностью является art de vivre – искусство жизни. Именно от этой ценности танцуют и французская кухня, и французская одежда, и французский стиль соблазнения, – все то, что составляет «прекрасную Францию», Belle France.

У финнов, помимо равенства, гигантская ценность – природа. У немцев – аккуратность, точность, порядок. Сравните их, например, с итальянцами, у которых в цене то, что называется стилем «небрежно, но аккуратно» (а еще в итальянских ценностях – bella donna и bambini). В других – и я беру только Европу – странах к ценностям относятся умеренность, открытость, ответственность (это у англичан)... Не говоря уж про то, что общеевропейской ценностью является человек как таковой.

А теперь попробуйте сказать, что является ценностями в России.

Многих я ставил этим вопросом в тупик.

И не потому, что ценностей не существует. И не потому, что наш человек с вероятностью в 90 % называет главными ценностями нашей страны лес, нефть и газ.

А потому, что реальных ценностей ровно две, но называть их вслух, особенно при иностранцах, как-то не удобно. И ценности эти – величие России и наличие царя.

Вот почему большинству россиян так мил кровопийца Сталин.

Вот почему, как ни реформируй Россию, из нее получается только то, что получается – как получается только «Калашников» из украденных на советской швейной фабрике запчастей.

2008

ЧТО БУДЕТ ЧЕРЕЗ ПЯТИЛЕТКУ

Если человек находит на улице чемодан с деньгами, это не значит, что он через 5 лет будет богат и счастлив: куда больше шансов, что жизнь его изменится в неприятную сторону. Таковы истории лотерейных выигрышей – в том числе и нефтяных.

Так вот: если сегодня в России и Белоруссии политики кричат о скорейшем создании союзного государства, это не значит, что через 5 лет такое государство на карте мира появится. Белоруссия вообще играет с Россией, как мартышка с очками – то их понюхает, то их полижет – и после лизания Россия поставляет Белоруссии углеводороды по особым ценам. Но Лукашенко так играет со всеми, лишь бы уцелеть. Уж если он не объединился с Россией в 2008– м, когда Россия была богата, то что заставит его объединиться в постнефтяном будущем? Скорее он уж начнет продавать на Запад веру в «демократические изменения».

Ту часть Грузии, которую в России называют независимыми Южной Осетией и Абхазией, тоже к 2013-му никто не признает – никарагуанский Ортега останется в одиночестве (а он признал независимость Южной Осетии и Абхазии примерно на тех же условиях, на каких любит очки Лукашенко). Если нет ни денег, ни любви, то какой смысл в любви признаваться? Рискую рассориться с США и Европой (молчу уж про Грузию)? И в состав России ЮО & А тоже не войдут. Не потому, что это смахивает на аннексию. А потому, что там много воруют и не делятся. То есть чтобы их нормально присоединить, нужно дать им в начальники двух Кадыровых. А тут и с одним проблем хватает, и, кстати, неизвестно, в какой лес через 5 лет будет смотреть этот откормленный Кремлем кавказский волк.

А еще через 5 лет потребует реального федерализма та Россия, которая за Уралом. Потому что на фига, спрашивается, с тошнотой ложиться под Кремль, если можно по любви торговать с Японией или Китаем? И ОМОН не поможет.

А еще в России будет Путин, а это такой принципиальный мужчина, что не изменит себе ни под давлением народа, ни разума, и будет упрямо гнуть имперскую вертикаль власти, хотя в наше время успешны лишь самоорганизующиеся горизонталы.

И, братцы, на исходе 2013-го, плюс-минус год, он даже слишком ее перегнет.

Но те, кто будет жить в глухой провинции у моря, да еще и выращивая, по примеру римского императора Диоклетиана, капусту, – те уцелеют.

2008

КРАСНОЕ КОЛЕСО

Базис определяет настройку. Закон диктует поведение. Право собственности первично, – все ведь так, не правда ли? На этой очевидности многие поскользнулись: от рядовых советских интеллигентов до Чубайса.

Чубайс, скажем, верил, что защитить страну от реставрации коммунизма может создание класса собственников, – а оттого и провел приватизацию быстро и жестко, не заморачиваясь на детали. «Неважно, как распределена собственность, важно, что распределена», – а огрехи рынок исправит. И, кстати, после распределения собственности коммунизм действительно не имел шансов вернуться.

А советский интеллигент, намаявшийся в очередях со злобными продавщицами, искренне верил, что частная собственность заставит людей из сервиса работать с той же улыбкой, с какой работают на Западе. Ведь если они не будут улыбаться, хозяин их выгонит. И очереди, кстати, при частных хозяевах исчезли.

Другое дело, что улыбаться ни продавцы, ни официанты не стали. Да и собственность, сгенерированная Чубайсом, оказалось отнюдь не священной: для ее сохранности надо выстраивать особые отношения с государством. Помните, были такие собственники – Березовский, Ходорковский, Чичваркин? Аминь.

То есть, как ни закладывай под родными осинами пан-атлантический фундамент – все вырастает на нем русская особость.

У меня вот был случай – в Краснодаре поселился в гостиницу «Форум» и даже присвистнул: после российского провинциального раздрая в этом отеле была настоящая Европа. Однако Европа пала в первый же завтрак, когда мне принесли кашу и чай. Я попросил кофе, но услышал, что кофе «не положено». Чуть не поперхнувшись, я признался, что со мной такое впервые. «А мне-то вы зачем это говорите?!» – воскликнула девушка в белом фартучке. «Ну, вы же официантка», – ответил я. «Вот! – торжествуя подняла палец вверх девушка. – Приехали, а не знаете, что несклоняемые существительные не склоняются!»

Признаться, я не сразу понял, что «несклоняемым» для девушки было слово «официантка», в котором ей чудилось унижение: уважительным ей казался мужской род, «официант».

В России вообще всегда так: ты – про кофе, а тебе – про склонения. Пышен и высок в полях иван-чай. А происходит так потому, что отношения людей между собой (так сказать, в чистом поле, вне бизнеса или государства) – и определяют в итоге то, что называется бизнесом и государством. А суть русских отношений в том, что наши люди не признают в других себе равных, а потому не испытывают ни уважения, ни потребности относиться к другим как к себе. Мы – либо рабы, либо баре; либо надсмотрщики, либо зэки; либо элита, либо быдло, – и третьего не дано. Главная отрада русского человека, его убежище, – это «свой круг»: там-то тебя и примут, и облакают, а чужаку не простят ничего. Весь мир русский человек делит на своих и чужих, проводя границу то по окраине страны, то по магазинному прилавку.

Следует ли из этого, что Чубайсу не надо было проводить реформы, а владелицу гостиницы «Форум» – устраивать дорогостоящий ремонт? Нет, не следует. Просто, выстраивая что-либо в России по европейскому («свобода, равенство, братство») шаблону, следует понимать, что в русском варианте «братство» все равно поменяет «р» на «л».

Отношения между людьми, эта национальная матрица, этот шаблон меняется куда медленнее, чем законы, правители или границы, – вот что я хочу сказать. Надстройка сильнее базиса: это не народ производное от царя, а царь производное от народа.

Безусловно, это знание не прибавляет оптимизма, – но зато позволяет избежать разочарований.

По крайней мере, за завтраком вне дома.

2009

НАСТУПАЯ СНОВА НА ГРАБЛИ

Когда мой московский знакомый сказал, что «за стенкой» (то есть в Кремле) среди сценариев кризиса рассматривают и развал России, я поднял бровь. Когда ту же информацию подтвердил главред «Эха Москвы» Венедиктов («рассматривается сценарий, как минимизировать последствия в случае распада страны»), я захохотал.

Трудно, знаете ли, представить, что обитатели «застенка» увидели вдруг то, что очевидно: если колосс на глиняных ногах поднимается с колен, он падает. Я под глиняными ногами имею в виду даже не углеводородную экономику, а принцип госустройства, который с таким упорством проводил в жизнь Владимир Путин, – пресловутую вертикаль власти. То есть когда все главные решения принимаются в Кремле, когда все правила едины от Калининграда до Владивостока, а вся местная инициатива – хотя бы в выборах губернатора и сенатора – выжжена дотла. Я другой такой крупной страны не знаю, где бы с успехом практиковался этот динозаврий принцип.

А вот свою страну знаю: поездил по ней немало. Но мог бы и не трудиться: самое сильное ощущение от России – что всюду все одинаково. Всюду проспект Ленина, всюду истукан в пиджаке, всюду театр с колоннами и бывший обком с голубыми елями, всюду ужас хрущевок и брежневов с самопальными лоджиями, а меж них на глазу – «элитные комплексы» в стиле «утрем нос Лужкову». Дороги разбиты, гаишники лютуют, из приличных магазинов только сетевые, одинаковые что в Воронеже, что в Хабаровске, что в Екатеринбурге, и всюду грязь да тоска.

Я вот только что прилетел из Тюмени – полное ощущение, что слетал в Иваново. Лишь Петербург и Суздаль оправдывают существование России в глазах путешественника: даже Москва – не город, а бизнес-центр, в котором все любопытное (то есть Третьяковку, Кремль и Воробьевы горы) можно осмотреть за полдня. Понятно, что однообразная серость – следствие вертикали советской власти, но сейчас-то зачем то же самое повторять? Почему для всех климатических зон у нас одинаковы нормативы и СНиПы? Почему Кавказ не вправе самостоятельно разрешить многоженство, Дальний Восток – левостороннее движение, Петербург – регламентировать переделку чердаков в мансарды?

Почему правила жизни в Рязани и Казани диктуют те, кто даже в пределах Садового кольца боится высунуть нос из членовоза с мигалкой?

Графства в Великобритании, штаты в США, земли в Германии, кантоны в Швейцарии – все это во многом самостоятельные государства, отличающиеся укладом, делегирующие федеральной власти весьма ограниченные полномочия.

Пора бы поумнеть и перераспределить власть – как, впрочем, и ответственность. Пусть люди живут как хотят – но пусть потом и винят себя, а не Путина. Разве что и в самом деле правда, что Россия – единственная в мире страна, которая, по замечанию Кирилла Набутова, второй раз подряд наступая на грабли, искренне радуется, что их не стырили?

2009

ЕГЭ: НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ

Из социальных фобий я долго не понимал одну: российскую ненависть к единому госэкзамену, ЕГЭ. Его ненавидят и школьные учителя, и университетские преподаватели, и госчиновники, и школьники, – ЕГЭ сегодня держится только на воле небольшой группы людей из Минобробразования, с министром Фурсенко во главе.

«ЕГЭ не отражает реальных знаний школьников». «ЕГЭ – это как выигрыш в лотерею». «ЕГЭ заставляет учителей натаскивать на ЕГЭ, а не давать образование».

Чего только я не наслушался от людей, включая тех, которые, как миленькие, сдавали сами (а теперь посылают сдавать своих детей) TOEFL, Test On English as a Foreign Language, главный экзамен по знанию английского языка для иностранцев, по схеме которого и был введен в русскую жизнь ЕГЭ. Чтобы все сдавали экзамены в одно и то же время. Чтобы все были в равных условиях. Чтобы оценка теста-экзамена не зависела ни от личности сдающего, ни от личности принимающего (принимающим является компьютерная программа).

Собственно, вот этого – равенства и объективности – в сегодняшней российской жизни больше всего и недостает, а компьютеризированный тест (неважно, какой – тест на IQ или цветовой тест Люшера) позволяет наиболее объективно оценить личность испытуемого. Не идеально, конечно, – но, подчеркиваю: наиболее объективно.

Когда любому школьнику, от Выдропужска до самых до окраин, предлагают в одно и то же время ответить на одни и те же вопросы (а точнее, сделать выбор из одних и тех же вариантов ответов), – да, это максимальная объективность. Другой нет. И я действительно не понимал, почему против этой прозрачной, практически Аристотелевой, логики, восставал весь сонм хулителей ЕГЭ. «Дима, – говорили мне хулители, – это мина подо всей системой образования как таковой. Мина подо всем лучшим, что удалось сохранить из советской системы».

Тогда я решил полезть на минное поле (и, кстати, то же предлагаю и вам). В интернете я без проблем нашел тестовые варианты ЕГЭ – и, спустя 23 года после окончания школы, решил сдать профильные географию, историю и русский язык. Не могу сказать, что все задания потрясли меня изяществом. Но могу сказать, что в итоге получил, условно говоря, три «четверки». Одна из которых, по русскому, меня разозлила: я там не смог правильно определить наличие примыкания, управления и согласования при наличии бессоюзных связей, – то есть того, чем я безо всяких проблем пользуюсь хотя бы в этом тексте. Но таков любой тест: он определяет знание правил, а не умение их применять. Но разве не таков любой экзамен? За умение применять правила нам выставляют оценки, увы, порою лишь в некрологе. И эти три «хорошо» были адекватной оценкой моим нынешним знаниям правил, пробелы в которых я затыкал логикой и практикой.

Так что, лично пройдя тест, я продолжал недоумевать, отчего весьма объективный ЕГЭ все так не любят.

А потом себя хлопнул по лбу.

Да вот именно потому и не любят, что ЕГЭ объективен!

Потому что желание персональных предпочтений, индальгенций, льгот, преимуществ, исключений из правил есть в России свойство не только правящего – чиновничьего – класса, но и класса управляемых.

Тот писанный закон, который устанавливает справедливость в виде как минимум равенства перед законом, не устраивает сегодня в России никого. Этот закон пишется для проверяющих из Европы, этот закон пишется для наивных и глупых, а на самом деле в России все – от высших до низших – хотели бы жить по-другому. Здесь мы на жалость учителю надавим, здесь приемную комиссию подмажем, здесь мы скажем, что наш ребенок был в расстроенных чув-

ствах, – и вот эдаким макаром из школы в университет попадем. А представить, что компьютер объективно оценит нас всех, и ленивых, и богатых; и лукавых, и трудоспособных; и пускающих пыль в глаза, и не видящих в собственных глазах бревен, – да как же такое безобразие можно допустить?

Мысль о том, что существует сила высшая, равная для всех и неподвластная персонально нашей воле, действительно ненавистна сегодняшнему гражданину РФ. Именно поэтому ему так ненавистен ЕГЭ.

Но именно по этой причине министр образования Фурсенко (к которому, вообще-то, у меня есть вопросы) с примкнувшей к нему группой адептов введения ЕГЭ – достоин при жизни если не памятника, то хотя бы похвалы в этом тексте.

2009

КОГДА Ж ОНО ВСЕ КОНЧИТСЯ

Иногда люди из числа тех, что полагают журналистов носителями тайного знания, спрашивают меня, когда же кончится кризис. Я мучаюсь от этого вопроса, как от зубной боли, потому что вопрошающим наверняка не понравится мой ответ.

Допустим, вопрошающие люди ничего не знают о книге главреда Newsweek International Фарида Закария «Постамериканский мир будущего», где много написано про влияние на экономику будущего Индии и Китая, а про Россию – совсем чуть-чуть.

Но эти люди не знают историю и собственной страны.

А если бы не забыли, то знали бы, что во все времена Россия была экономически (да и политически) отсталой по отношению к Западу. Просто в 1970-х это понимали все, а, скажем, в начале XIX века – только дворяне, какие-нибудь «арзамасцы», пылко ждавшие от Александра I реформ. Именно тогда Александр Пушкин писал Петру Вяземскому: «Ты, который не на привязи, как ты можешь оставаться в России? ... Когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры... то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство». В начале же 20 века, чтобы преодолеть эту отсталость, социалисты устроили революцию.

Но, кажется, я понимаю, почему современные русские своей истории – то есть истории большой, но отсталой страны – не хотят знать. Ведь в 1990-х у нас прошли изменения западного образца: рыночная экономика, политическая свобода, равенство перед законом. А в 2000-х на страну хлынул дождь нефтедолларов – и мгновенно выросшее потребление создало иллюзию мощной, западного типа, экономики.

Сегодня дождь еле капает, а свобода и равенство смыты в сточную канаву. Нужно смотреть правде в глаза: у нас нет кризиса в западном смысле. Просто мы живем в экономически и политически совершенно иной стране. Если хотите, в стране – по сравнению с цивилизацией Запада – отсталой. Так было, так есть, и не исключено, что так всегда будет.

Почему? Боюсь, что ответ на этот вопрос моим соотечественникам не понравится еще больше, чем ответ на вопрос об окончании кризиса.

2009

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Одно из умений журналиста состоит в умении задать вопрос, другое – в умении добиться ответа. Однако у меня копится коллекция вопросов, на которые ответа дать не может никто.

Ну, например, никто не может ответить, почему в России везде и всегда грязно. Стоить пересечь границу Белоруссии или Финляндии – сразу же идеальная чистота. Хотя в одной стране – власть Лукашенко, а в другой – власть народа. Но именно по наличию грязи безошибочно идентифицируется сень родимых осин, где белые ботинки и брюки всегда означают выпендрейж, а не наступление летнего сезона.

Многих людей я заставлял вопросом про грязь врасплох, но только Иван Шаповалов, – тот самый, который создал группу «Тату» – ответил мудро. Когда я его спросил, он уронил голову в ладони, просидел так минуты три, а затем, очнувшись, произнес: «Умом не понять!..»

Вот и мне умом не понять, почему европейского производства грузовики и автобусы у нас выпускают клубищи черного дыма, – при том, что в Европе я такого не видел ни разу.

Или еще вопрос: почему, при наличии Газпрома, в российских дачных поселках нет газа? Или: почему в поездах Москва-Петербург проводники не требуют за час до прибытия сдавать белье, а во всех других – требуют? Или: кому понадобилось отдирать от дорожных «лежащих полицейских» куски, то есть именно куски, а не все ограничительные валики целиком? Или: почему на улицах свет включают по расписанию, а не когда становится темно?

А недавно, обратившись к своим друзьям через Живой Журнал, я коллекцию вопросов сильно пополнил. Почему общественный транспорт не ходит по расписанию? Зачем нам два паспорта, если в Европе обходятся вообще без паспортов? Почему каждое лето отключают горячую воду? Зачем нужна постоянная регистрация, она же прописка? Почему во всех ресторанах и кафе громкая музыка? Почему все заборы кривые? Почему во всех госучреждениях очереди? Почему с нами дружат только страны-изгои? Почему менты, останавливая ночью, предлагают проехать с ними, хотя ты трезвый, а менты пьяные? Почему по телику в новостях лишь позитив, а в сериалах – только убийства? Почему, если у нас все так плохо, мы здесь все еще живем?

И вот из этих-то риторических вопросов и складывается наша жизнь.

И из того, что президенту или премьер-министру этих вопросов никогда не задают этих вопросов, наша жизнь складывается тоже.

2009

HOMO POSTSOVETICUS

Я устал искать в России средний класс, но вместо него разглядел нечто куда более интересное.

Родила она в ту ночь не то сына, не то дочь...

Это я про новую, про современную Россию, и про те времена, когда казалось, что новая Россия непременно должна родить сына по имени middle class. И Россия действительно разрешилась социальным бременем, и тот класс, который появился на свет; и тот класс, который потребовал, чтобы в меню каждого ресторана были солянка мясная, салат «Цезарь» и роллы «Калифорния»; и тот класс, который сел в подержанную, а потом и в новую иномарку, и тот класс, который освоил отдых all-inclusive, с пьянкой и музыкой, в Анталье и Хургаде, – тот класс действительно, хотя и стыдливо, стали называть средним. Почему стыдливо? Потому что очень уж он отличался от европейского братца. Он отличался количественно, он отличался качественно. Он отличался по планам на будущее, по размеру и цели сбережений, по объему вручаемых – и получаемых – взяток. По уровню образования, наконец.

Это как если бы в СССР тоже вдруг вздумали искать средний класс на иностранный манер на том основании, что все в СССР средненько живут. Но ведь никакого мидл-класса при Брежневе не было, – вот в чем правда. Там были абсолютно другие социальные группы – например, интеллигенция. Или был тот класс, который интеллигенция презрительно называла «совком».

Вот и в сегодняшней России, мне кажется, существует некий никакой не средний, но весьма заметный специфический класс – пост-совок, homo postsoveticus. Это ведь именно он потребляет не столько товары, сколько статус. Это ему подавай элитные квартиры, vip-залы и «престижные бутики». Это ведь он слушает во всех едальнях, от придорожной столовки до грузинского ресторана, русскую попсу, раньше называемую совэстрадой. Это он создает рейтинги телевизору, где лишь поют, пляшут и шутят, и не говорят ни слова правды. Это ведь он покупает лишь иностранное, но считает себя патриотом, причем на том основании, что Россия-де, окружена кольцом врагов, которые только и мечтают, чтобы наши пространства схарчить. Он вообще – эдакий инфантильно-глянцевый милитарист, как высказался один из моих комментаторов в Живом Журнале.

Знаете, если вы все еще пытаетесь понять, относитесь ли вы к среднему классу, бросайте это дело.

Лучше попробуйте осознать, имеете ли вы отношение к постсовку.

2009

НА СМЕРТЬ ТРАХТЕНБЕРГА

Я скажу о природе русского юмора ровно то, что мне говорил Роман Трахтенберг.

Внезапная смерть Трахтенберга – в 41 год, в прямом эфире «Маяка» – поставила в неловкое положение тех, кто считает Трахтенберга похабником и скабресником, которого лучше бы не было на телевидении или радио.

Между тем Рома не был ни первым, ни вторым.

Он начал превращаться в Трахтенберга знаменитого, то есть в Трахтенберга Великого и Ужасного, Знающего-Все-Анекдоты-Мира, когда на зеленом лугу жизни, пафосно выражаясь, еще гарцевали лошадки, оборвавшие узду советского стойлового содержания. Я помню то время. 90-е едва перевалили за половину. Петербург каждый второй еще звал Ленинградом. В витрине гнусной пятиэтажки на Черной речке выставили клетку с анатомическим муляжом, мужиком с мускулатурой без кожи, между бедренных мышц засунут детский рожок, над мужиком надпись «Каждому – свое», – и это было кабаре «Хали-гали». Там Трахтенберг проводил чемпионат по экстремальным шашкам; вместо шашек – рюмки с водкой и коньяком. Победителя увозила «Скорая», Трахтенберг комментировал происходящее на языке, что называется, телесного низа, девушки из хороших семей визжали от восторга, кто-то из случайных посетителей кривился: «Мне это не нравится». «Нравится не нравится, а президент поправится», – мгновенно реагировал Трахтенберг.

Это был 1997-й, время бесконечных болезней Ельцина, а в «Хали-гали» шампанское разливали из самовара и водку из чайника, официантки носили цветные парики и немецкие каски, и ветераны требовали закопать Трахтенберга живьем. В кабаре валила публика трех сортов: бандиты, богема и прилетевшие из Москвы свежкупленными самолетами олигархи.

Дело в том, что Трахтенберг и правда не был скабресником, несущим со сцены непристойности. Он был кандидатом наук и культурологом, знающим цену эффекта от сдвинутых с места смыслов; это и есть цена смеха. Однажды он сказал, что похабщина – это русское чувство юмора. Вот евреи смеются надо всем, даже терактами, иначе сойдешь с ума. А русские смеются не надо всем, но все русские шутки – ниже пояса. Трахтенберг и был таким русским анекдотом, когда бы анекдот ожил и сказал вслух все, что думает о тех, кто над ним хохочет.

Вне сцены Трахтенберг был грустным, даже занудным человеком. Мог долго жаловаться на невозвращенный пустяковый долг. Среди друзей, случалось, переходил на привычный игривый тон, но тут же прекращал. Страдал от того, что сначала его никто не любил, потому что он рыжий, толстый, некрасивый – а потом потому, что любили только за то, что он знаменит. А он читал книжки, был доверчиво нежен – и возмущался тем, что происходит в стране. Классический ведущий кабаре с грустными глазами, над репризами которого корчатся от смеха. Такие кабаре маркируют концы эпох. Просто тогда думали, что это конец СССР, а оказалось, что конец короткой эпохи свободы.

Затем Трахтенберг перебрался из Петербурга в Москву, потому что там больше платили, но «Трахтенберг-кафе» в столице продержалось недолго. В Питере Рома издевался над бандитами, но они ему все прощали, а в Москве на каком-то корпоративе его ударили, и хирург наложил с десяток швов.

В общем, луг вытоптали и отдали под элитное строительство. Кто бы мог подумать, что Трахтенберг умрет от кардиошока в эфире на государственной радиостанции «Маяк», где он официально будет называться *anchog-man*, – якорем, удерживающим аудиторию? Ведь этот якорь знавал другие воды.

В 2004-м, отвечая на вопрос интервью, чего он боится увидеть, выходя на улицу, Трахтенберг ответил, что ничего не боится, что к смерти готов. А на вопрос: «Чем ты будешь заниматься через 20 лет?» ответил, цитирую: «По всей видимости, такие, как я, долго не живут». Трахтенберга будет не хватать. И ушедшей эпохи тоже.

2009

САПСАНОВЫЙ БУНТ

На днях что-то вновь потрясло со скоростным поездом «Сапсан», который пролетает 650 километров между Питером и Москвой за три с половиной часа. Сначала сообщили, что в поезд снова чем-то швырнули местные жители, потом – что оборвался контактный провод.

Удивления никакого. За полгода, что «Сапсан» носится по трассе, придорожные жители швыряли в него тяжелыми предметами 9 раз, уподобляясь герою чеховского рассказа «Злоумышленник». Впрочем, не уподобляясь. У Чехова, если помните, сиволапый мужик бездумно свинчивал с рельсов гайку, потому как из нее получалось грузило для удочки – ну, а нынешние злоумышленники думают как раз о последствиях. Они мечтают «Сапсан» остановить навсегда. Ведь у них из-за «Сапсана» отменили множество электричек.

Мягкий вывод из рассказа Чехова – о неизбежном столкновении новых (читай – западных) технологий с реальной Россией, которая на все эти технологии реагирует лапотным «чаво?». Железная дорога во времена Чехова – это ведь чистый Запад. Можно свинченную гайку воспринимать как плату за отсталость России, можно – как местную специфику: доктор Чехов просто фиксировал особенности русского организма, не предлагая лечения.

Вывод из злключений «Сапсана» аналогичен выводу из «Злоумышленника». Западные технологии, не выросшие на русской почве, но насильно на нее пересаженные, всегда будут давать побочные эффекты в виде бунтов: когда-то – картофельных, а теперь – сапсановых. Ведь в Европе, где первыми появились скоростные поезда, все эти «Талисы», «Евростары», «ТЖВ», – они появились вместе с ростом скоростей обычных электричек и с развитием сети железных дорог. У нас же «Сапсан» поставлен на рельсы, уложенные чуть не век назад – и он прет по ним, как «мерседес» с мигалкой прет по обычному разбитому российскому шоссе.

К чему, спросите, я клоню? К отмене «Сапсана»? К отмене «мигалок»? К снятию с работы министра Якунина – или бери выше? Да ни к чему. Я тут на стороне Чехова, а не Пушкина. Поэтому, прокатившись пару раз на «Сапсане», я из Москвы в Питер продолжаю ездить на медленных ночных поездах.

Так выходит, кстати, дешевле, а спать в поезде я давно привык.

2010

ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ КАК ПРИЛОЖЕНИЕ К РОССИИ

Недавно на телеканале «Мир», где я веду ток-шоу, увешанный медалями ветеран – из тех, что не утратил ни бодрости духа, ни бодрости тела – рассказывал, как его возили в Европу по местам боев. И там в какой-то газете было интервью с американским ветераном. «Русские, – делился американец, – были отважными ребятами. Они очень помогли нам выиграть войну».

«Нет, вы представляете? – с искренней болью восклицал наш ветеран, позвякивая наградами. – Вот ведь до чего докатились!»

Признаться, я сначала не понял. Если бы меня кто-то назвал отважным парнем, кому-то помогшим, я был бы горд. Но через секунду до меня дошло. Для нашего старика было непереносимо, что кто-то мог считать Великую Отечественную эпизодом Второй мировой. Для него Вторая мировая на фоне Великой Отечественной была мелочью.

Эти непонимание и обида, перерастающие в уверенность, что в мире есть антирусский заговор, цель которой принизить роль СССР, бывшего главным освободителем человечества, характерна не только для ветеранов. Празднование Дня победы в таком именно виде и есть одна из двух опор сегодняшней нации, если второй считать празднование Нового года под салат оливье.

И бессмысленно говорить, что Вторая мировая война началась на 2 года раньше Отечественной. Что принимало в ней участие 60 с лишним стран, включая Сальвадор и Гондурас. Что война шла еще и в Африке, включая Мадагаскар, и на Тихом океане, включая Гуам. И что всюду гибли люди. То есть что Вторая мировая была действительно самым масштабным событием XX века, в котором участие СССР было колоссально важным, крупным, стержневым, – но эпизодом.

Бессмысленно. Подобный подход воспринимается как антироссийский, причем никаким не Кремлем, а населением в целом. Потому что потери, понесенные СССР – оценивай их хоть в 20 миллионов, хоть в 40 – в абсолютных цифрах являются самым страшным военным рекордом. И эти мертвецы – которые, взявшись за руки, могли бы опоясать планету по экватору – не позволяют задавать вопрос, что было причинами столь колоссальных потерь, помимо Гитлера. Отчего в самом начале войны 4 миллиона солдат оказались в окружении? Во сколько тысяч жизней обошлось каждое политическое решение – освободить такой-то город к такой-то дате или войти в Берлин раньше союзников? Ах, чтобы первыми водрузить флаг над Рейхстагом? Хорошо, а убить персонально своего прадедушку, дедушку, отца, брата не ради победы, а ради права быть первым, – вы согласны?

Мне кажется, сегодня российскому военному историку необходим в помощь математик. А потом, вероятно, социальный психолог. И тогда, может быть, 9 мая перестанет восприниматься как день, когда нужно петь и плясать, потому что победа списывает все, а нужно думать, плакать и, возможно, каяться. И перестать воспринимать историю человечества как приложение к собственной судьбе.

2010

РОССИЯ ВО МГЛЕ И В СВЕТЕ

В самом конце апреля я ехал на машине из Москвы в Петербург. Не было и пяти утра, когда я промчался по полыхающей, как рождественская елка, Тверской (кажется, на языке циркуляров это называется «художественной подсветкой») и вылетел за МКАД.

Шел дождь, и колея, пробитая в асфальте от Кремля до Дворцовой площади, была заполнена водой. Кроме того, было еще темно. И вот в этот момент, примерно в четверть шестого, вдоль всей трассы отключили свет.

Вести машину в темноте, в дождь, реально рискуя разбиться вследствие аквапланирования (кстати: пару разбитых машин я вскоре встретил), – удовольствие еще то.

Казалось бы: все должно быть наоборот. В центре Москвы вся художественность должна отключаться в полночь, максимум – в час, когда на улицах не остается гуляющей публики. За городом же фонари гаснуть должны не в 5.15, не в 5.30 и не когда восход значится в календаре – а когда действительно светает. Ведь в первом случае, отключая на ночь подсветку, мы экономим средства, а во втором, свет не отключая, мы сохраняем жизни. И поступать наоборот – в первом случае неразумно, а во втором преступно.

Таково рассуждение европейского рационального ума, да и не только европейского. В Шанхае, этой выставке достижений китайского хозяйства, с сияющими в ночи небоскребами Пудонга, все сияние отключается в 23.00. Погружение Шанхая во мглу – сильное, доложу вам, зрелище, особенно когда смотришь на город с 87-го этажа башни «Цзин-Мао». Европейско-шанхайская ночная жизнь действительно определяется стимулом к экономии и действующим в обратном направлении стимулом к безопасности. Не будь второго стимула, там на ночь вообще гасили бы все фонари. Не будь первого, включатели в подъездах или коридорах не снабжали бы таймерами и датчиками движения.

Исследование реальных стимулов (часто не совпадающих с теми, какие полагают «очевидными») – любопытнейшая наука. Об этом написана «Фрикономика» – потрясающая книга «экономиста-диссидента» Стивена Д. Левитта и писателя Стивена Дж. Дабнера (на русском этот бестселлер вышел крохотным тиражом по причине отсутствия спроса среди соотечественников, не слишком (к вопросу о стимулах) жалующих «заумь»).

Если не выходить за пределы сюжета «света в ночи», то мы обнаружим опять же принципиальные различия между русской и европейской жизнью и мыслью. Ночные Лондон, Париж, Рим кажутся русскому человеку темными. Возле Нотр-Дам де Пари я слышал сетования соотечественников, что самый знаменитый собор мира подсвечен «слабо» (и представляю, как сжималось в тех же обстоятельствах сердце Юрия Лужкова, который, будь он парижским мэром, уж точно превратил бы Нотр-Дам в сияющий бриллиант, – о, скареды-французы!) Однако скаредность, то есть стремление к экономии, в Париже отнюдь не стимул. Стимул – сохранение аутентичного вида исторических зданий. То есть чтобы знаменитые соборы или музеи были видны в ночи, их следует освещать. Но чтобы не убивалось ощущение старины, их следует освещать деликатно – ну и, понятно, не целую ночь. Так достигается баланс, характеризующий Европу.

В России баланс совершенно иной. Здания полыхают в ночи, чтобы поразить воображение всякого: у нас главный стимул – произвести впечатление, пустить, как свойственно нуворишам, пыль в глаза, причем первыми самим себе, не заботясь о цене. А вот дорожное освещение отключается в темноте, потому что в 5 утра власть имущие в области не ездят, а если ездят, то не сами за рулем. Здесь действует стимул соблюдения инструкции, в которой зафиксировано время поворота рубильника, и ценность инструкции выше ценности жизни, потому что за несоблюдение инструкции могут дать по шее, а за аварию на дороге нет.

Вот эти два главных стимула и будут, как мне кажется, определять будущее России. Соблюдать предписанное свыше, даже если предписание вредно – и пускать пыль в глаза, даже если это экономически неразумно. А когда какой-нибудь новый царь, набравшись, по примеру Петра, заморских впечатлений, велит снабдить фонари датчиками освещения, а в офисах всюду ввернуть энергосберегающие лампочки – так это просто усилится действие имеющихся стимулов.

2010

НАЛОГ НА РОДИНУ

Недавно по социальным сетям ходил забавный видеоролик, рассказывающий о наших налогах. Там говорилось, что российский подоходный налог в 13 % – один из самых низких в мире – с лихвой компенсируется другими налогами.

Например, работодатель платит государству социальный налог – 26 % с каждой зарплаты. В магазине мы все платим НДС – это еще 18 %. Кроме того, бизнес облагается налогом на прибыль и недропользование, выплачивает аренду и госпошлины... То есть, если внимательно посмотреть на цену любого товара, выяснится, что она в основном состоит из налогов.

Правда, в ролике умалчивалось, что точно так же обстоят дела практически во всем мире. Всюду платят социальный налог – правда, в Европе работодатель делит его с работником. Всюду платят НДС либо налог с продаж, не говоря уж про налог на прибыль.

Но главное, про что не говорилось в этом ролике – так это про то, что, в отличие от европейских стран, мы платим еще один, специфический налог. Я бы назвал его налогом на Родину. А вы как думали? Имея производительность труда в четыре раза ниже, чем в США, имея вместо автодорог разбитый асфальт, решая все дела исключительно в Москве и окормляя стада гаишников, чиновников, милиционеров – вы как, рассчитывали от расплаты увильнуть?

Налог на Россию имеет три формы: высоких цен, низких зарплат и высокой инфляции. Цены высоки потому, что в них включены взятки за разрешения, согласования, предписания, плюс плата за крышевание. Это причина того, что чашка кофе в Москве на Тверской стоит от 150 до 250 рублей при себестоимости в максимум в 10: люди из префектуры ведь не просто так давали разрешение на аренду, и пожарный не просто так ставил свою подпись.

Зарплаты низки потому, что бизнес при таких откатах должен хоть на чем-то экономить, а экономить он может только на тех, кто взяток не берет, то есть на работниках. Это причина того, что минимальная месячная зарплата в России в прошлом году составляла 4330 рублей: в США, для сравнения, минимальная зарплата \$7,25 в час, то есть, в пересчете на месяц, 40 тысяч рублей.

Ну, а инфляция высока, потому что государевы аппетиты имеют свойство расти. В Москве за 10 лет цены на ЖКХ выросли в 10 раз, в отличие от зарплат.

Кстати говоря, есть и четвертая форма налога на Россию. Это когда повар, или официант, или продавец, имеющие крохотную зарплату и видящие огромные цены, попросту недоливают, недовкладывают и подворовывают. И это причина, по которой кофе в Москве на Тверской – дрянной.

Заплатить налог на Россию можно – точнее, не заплатить его нельзя. Мы платим и будем платить. Правда, спать после этого почему-то не получается спокойно. Ну, разве что в других странах.

СТАРОСТЬ ДЛЯ НИХ ДАВНО КОНЧИЛАСЬ

Перед тем, как выбросить толстую пачку старых еженедельных журналов – а обитатели помоек прессу благодаря мне получают регулярно – я еще раз пролистываю журналы по диагонали.

И вот что любопытно. Если при чтении свежего номера внимание привлекают большие статьи, главные темы и так далее, – то при перелистывании по диагонали лучше видна мелочевка. То, что в еженедельниках обычно располагается на первых шести полосах. Хроника, факты, статистика, социология. Ну вот, навскидку, примеры из первых попавшихся номеров, приготовленных к терминации.

Показ военных парадов который год собирает у телевизора самую большую долю россиян – по первому каналу парад смотрят от 41 % до 51 %: больше, чем конкурс Евровидения или фильмы.

44 % россиян считают, что высшие чиновники указали в своих декларациях меньшую часть доходов, а 34 % – что ничтожно меньшую часть.

За год расходы москвичей на товары для ремонта выросли, причем 59 % покупателей приобретали электрооборудование, а еще по 49 % – инструменты и сантехнику.

Вклад России в мировую науку и научные разработки составил в прошлом году 2 %, а США – 35 %.

47 % россиян понятия не имеет, что с ними произойдет даже в ближайшие месяцы, 31 % планируют жизнь на год-два вперед, и лишь 4 % – вперед на много лет.

У 1906 руководителей структур МВД выявлены признаки психопатии и нарушений психологической адаптации.

62 % россиян считают выход мужчин на пенсию в 60 лет нормальным, 33 % – слишком поздним, и лишь 2 % – слишком ранним.

Средний пенсионный возраст в Европе мужчин и женщин составляет 70 лет и вскоре вырастет на 2 года...

Я могу, конечно, продолжать, но боюсь, что меня обвинят в манипуляциях – так что попробуйте продолжить игру сами. Это ведь дважды интересное занятие: во-первых, так складывается портрет страны; во-вторых, можно соотнести с портретом страны свой собственный.

Вот вы как, тоже считаете, что мужчина в 60 лет – заслуживающий пенсионного покоя старик? Также не планируете свою жизнь вперед даже и на месяц? Потому что тоже полагаете, что к 60 годам старость для вас уже кончится?

2010

НИ ПЯДИ РОДИМОЙ ЗЕМЛИ

Шесть соток, на алтарь которых любой хоть раз в жизни, да положил жизнь (пусть даже пуценного на шашлык барана), являются Россией в миниатюре. Хотите понять, что было, что есть и что будет с Родиной и с нами – отправляйтесь в садоводство. Я вот который год отправляюсь: к собственной теще под Выборг.

В этом году случилась беда.

Такая, что теща со своей сестрой устроили военсовет, и сестра (у которой свое садоводство и свои сотки) теперь днюет и ночует у тещи на правах Кутузова в Филях.

Дело в том, что наш сосед по садоводству бобыль Мишка в свои сорок три женится: он нашел спутницу жизни по интернету (об этом знает все садоводство), и они теперь воркуют голубками на грядках, и это такая любовь, ну такая любовь, что не передать словами, а если не словами, то у Мишки теперь вместо старой гнилой «Нивы» новенький «УАЗ Patriot». Это невеста ему купила.

Ужас, впрочем, не в том, что сосед сменил стиль жизни вкупе с маркой автомобиля, а в том, что параллельно с этим (но все садоводство уверено: вследствие этого) Мишка вдрызг разругался с собственной матерью. Так, что прогнал мать с дачи – а мать, в свою очередь, потребовала выплатить половину стоимости дачного домика, иначе обещала домик сжечь. И вот Мишаня теперь обносит участок забором, чтобы мать на бывшие общие шесть соток и сунуть нос не могла. И столбы для этого забора – внимание, здесь ужас и превращается в беду! – он ставит, то есть уже поставил на территории тещино участка.

С заступом на десять, а местами и на целых двадцать сантиметров вглубь нашей территории. А это земля наша, и только наша, так что тут даже спорить смешно, и мы и пяди ее врагу не отдадим.

Почему, спрашивается, Мишка так поступил?

Да потому, что такой же нахал, как и его мать, с которой и правильно, что полсадоводства не здороваются: она вот своей черноплодкой нам специально навела на участок тень, и теперь в этой тени ничего не растет, а я ее по-хорошему просила (тут теща начинает всхлипывать в телефонную трубку) черноплодку спилить, а она нет, давно ей надо было керосином эту черноплодку извести, нахалке!

И теща в такие слезы, что на долю секунды ярость благородная и во мне вскипает, как волна, и я понимаю, что, когда не подлец, должен немедленно на дачу ехать и, вероятно, идти с дрекольем на гада Мишку.

Останавливает меня несколько соображений.

Первое – что соседка по садоводству с другой стороны, Галя, тоже вторглась некогда на наш участок своим парником на целых пятнадцать сантиметров, однако мы с Галей дружим, нахалкой не обзываем и никаких территориальных претензий не предъявляем.

Второе – что я всю эту историю с посягательствами на родимые пяди слышал с раннего детства. Поскольку провел это детство в городе Иваново в деревянном доме бабушки и дедушки, где, сколько себя помню, дед обзывал нахалками владелиц соседнего деревянного дома старых дев сестер Васильевых и судился с ними из-за того, что они оттяпали у нас своим забором десять сантиметров против честного межевания. В отместку дед строил сортир с выгребной ямой вплотную к погребу дев Васильевых; девы Васильевы же подавали в суд, требуя переноса сортира. Длилось это вечно, с Васильевыми никто из моей семьи никогда не здоровался, кроме меня, и то тайком – в друзьях же дома числили другого соседа, шофера дядю Ваню, державшего в своем гараже казенную «Волгу», причем дяде Ване прощали, что он наступал своим гаражом прямо на наши яблони.

Кончилась вражда деда с девами просто: деревянные дома снесли, жителей переселили в малогабаритные халупки, и дед вскоре умер – не скажу, что от огорчения, но оно явно послужило тому одной из причин.

И вот я думаю: любопытно, что страна, занимающая шестую часть суши и гордящаяся до кичливости своими действительно выдающимися просторами, отчего-то позволяла своим гражданам иметь в условной собственности земли не более шести соток. И любопытно, что граждане, получившие в надел шесть соток (600 м², между прочим) непременно начинали битву с соседями, случайно или намеренно оттяпывавшими у них сараем-забором какой-нибудь несчастный, в 0,17 % территории, метр, – и почти никогда не могли договориться об общем деле, о совместной канализации или об асфальтировании подъездного пути.

Государство ли воспитало таких граждан? Граждане ли такие воспроизводят такое государство?

И что, скажите, мне теперь в тещином садоводстве делать? Объявлять Мишке войну и переносить забор на землю врага? Грозить бандитами? Насылать ментов? Нанимать юриста и подавать в суд? Уговорить тещу продать участок и купить где-нибудь в другом месте, где уж никаких Мишек точно не будет – например, в Провансе, книгами о котором Питера Мейла зачитываются сегодня все мои друзья?

Алё, Русь, дай ответ!

Не дает ответа.

2010

ВСЯ РОССИЯ – НАШЕ САДОВОДСТВО

Садоводство, где, невзирая на жару, моя теща самоотверженно удобряет грядки смесью спитого чая и заплесневелого хлеба, намереваясь за один сезон, если я правильно считаю, обеспечить себя луком на 5 лет вперед, – идеальный полигон для социальных наблюдений.

В нашем садоводстве, построенном 30 лет назад, ровно 100 домов. Моя безлошадная теща, живущая на пенсию плюс нашу с женой помощь – это один 1 %, но всего тут таких тещ примерно 10 %. У нас есть свой архитектор – 1 %, моряк заграничных рейсов – еще 1 %, рыбак-предприниматель, предпринимающий при своем мелком бизнесе отчаянные попытки свести концы с концами – еще 1 %. А остальные 85 % – это бывший советский полуинтеллигентский класс: бывшие служащие бывших учреждений, за 30 лет переплавившиеся кто во что. Иногда они свои дачи перепродают, и это нам – в смысле статистики – много о чем говорит.

Например, сын начальника строительного участка попал в аварию, разбил чужую машину, и, чтобы отдать долг, свою дачу продал. Новый владелец, которого никто в глаза не видел, тут же возвел бетонный двухметровый забор, двор заасфальтировал, а на окна навесил железные ставни – подозреваю, из танковой брони. Ставни все время закрыты, но из трубы периодически идет дым. Его соседи зовут «силовик», – силовиков у нас 1 %.

Еще 10 % – дачи, стоящие поближе к лесу, они побогаче. Там первыми отказались от ковровых посадок картошки и разбили газоны. Сейчас дач, где лишь газоны, цветы, качели-карусели, и никакой сельхозпродукции, в нашем садоводстве уже примерно 20 % – это наш средний класс. Но у большинства – смешанный тип хозяйствования: то есть, допустим, газон, мангал, плюс грядка с картошкой, плюс еще две с клубникой. У моей тещи примерно так, и таких нас процентов 70 %. На самом деле это бедный класс, который считает себя средним.

Идем дальше: если раньше машины были в 20 % домов (мы гордо выделялись старенькой «девяткой», остальные топали в пыли 5 км до электрички), то за последние годы автомобилями обзавелись 80 %. И в этом году – я не поленился объехать на велике весь поселок! – на все садоводство осталось три «жигуля». Остальные – иномарки, включая парочку нехилых внедорожников BMW.

Другие новости: архитектор дом продал. Новый владелец – милиционер, который к старому зданию (единственному, если честно, красивому – цоколь выложен диким камнем, второй этаж из бревна) пристроил жуткий газобетонный терем.

Так что мы все – и милиционер, и владельцы BMW, и моя теща, и таинственный силовик, и средний класс с газонами – понемножку богатеем.

Но продолжаем по нужде бегать в будку с дыркой в огороде и гробить наши машины на и без того разбитых дорогах.

Это и есть садоводство «Россия».

2010

ПРАВА И ДОРОГИ

У троих моих знакомых одновременно отобрали водительские права. Они бегают по адвокатам, судятся и подают апелляции, их дела чуть-чуть отличаются деталями, но суть одна. Права у них отобрали якобы за выезд на встречную полосу через сплошную линию разметки.

Я не прокурор, не адвокат и не судья, но истории мне интересны. Выезд на встречную полосу – крайне опасный маневр. В ДТП в России каждый год гибнет почти 30 тысяч человек, и когда я еду по дорогам Ленинградской области, то еду по кладбищу – обочины увешаны венками на месте катастроф. Лобовое столкновение за городом – безусловно, одна из основных причин этих смертей. Однако у этих причин есть свои причины.

Первое – это дороги. Если мы едем по четырехрядному шоссе с разделительным отбойником или газоном (как, например, в Финляндии), – то выезд на «встречку» попросту невозможен.

Второе – это дорожно-постовая служба. Если она следит за состоянием дорог, если патрульная машина – с включенным маячком – курсирует по самым опасным участкам трассы, вероятность ДТП уменьшается.

И третье – это поведение самого водителя. Он не должен правила нарушать.

Повторяю, я не судья, и не могу решать, насколько мои друзья были законопослушны. Но я могу судить о первых двух факторах. На севере Ленинградской области – где отобрали права у моих друзей – нет ни одной дороги с четырехрядным движением. Только двухрядные, включая международную трассу «Скандинавия», в названии которой сквозит даже не издевка, а глумление. И других дорог не будет: как только что сообщило агентство «Финмаркет», в следующем году на ремонт и строительство дорог в России будет потрачено в 5 раз меньше средств, чем в этом. А что касается дорожной полиции, патрулирующей опасные участки – такое я встречал исключительно за границей. Наши сидят в кустах в засаде, и тут у меня нет никаких надежд на перемены.

И это значит, кто на каждом венке у дороги к надписям «от друзей» или «от родных» можно смело прибавить «от ГИБДД» или «от правительства России».

И я – как и вы – заложник этой ситуации. Трасса А125, по которой я вынужден добираться до своей дачи под Выборгом, – это вдрызг разбитая двухрядка, почти полностью покрытая непрерывной сплошной полосой. Но эту полосу я вынужден пересекать – просто потому, что ямы на моей полосе в полметра. В итоге я все чаще добираюсь на дачу электричкой и велосипедом. Потому что за рулем – либо разобьешь машину, либо отберут права, либо повесят венок на могилу.

Потому что, как говорится в анекдоте – это наша родина, сынок. Может, идеальное решение – продать дачу и свалить?

2010

С РАДОСТЬЮ НАСТУПАЯ НА ГРАБЛИ

Я смотрю свежие данные «Левада-центра» об отношении россиян к выборности губернаторов. 59 % хотели бы выборы вернуть, 20 % против, прочие не определились.

А параллельно я слушаю «Эхо Москвы», где как раз обсуждается эта тема, причем мне интересны аргументы не 59, а как раз 20 процентов. И одновременно читаю книжку американского историка Ричарда Пайпса о философии русского консерватизма. Я в отпуске, я могу позволить себе поутру, никуда не спеша, в удовольствие смотреть, читать и слушать. «Если мы устроим свободные выборы губернаторов, – настаивает в эфире «Эха» слушатель из числа 20 процентов, – то Россия может развалиться». Я в восторге.

Выборы губернаторов у нас были отменены в 2000-м, на фоне гремевших в Москве и в стране взрывов, в целях «борьбы с терроризмом». Тем самым определялось не просто строительство того, что называется «вертикалью власти», но и эстетика времени. Про борьбу с терроризмом молчу. К этой борьбе отмена выборов имеет примерно такое же отношение, как к зарыбливанию прудов. Вертикалью же власти у нас называется привычный нам самодержавный строй, при котором царь владеет всем, а остальные – ничем, даже если думают, что чем-то владеют. Ну, а эстетика состоит в том, что ради укрепления абсолютизма оправдан цинизм. Это значит, что можно отменить выборы или ввести в Госдуму офицера ФСБ Лугового, обвиняемого в Лондоне в убийстве гражданина Великобритании Литвиненко.

Восторг же мой вызван тем, что пока как товарищ из числа 20 процентов защищает по радио абсолютизм, я натыкаюсь у Пайпса на забавный пассаж. Цитирую.

«Режим, не опиравшийся на народ, которым он управлял, жил в постоянном ощущении опасности и страхе перед разрушением. Этот страх заставлял российских мыслителей, как и население в целом, поддерживать самодержавие как единственного гаранта внешней безопасности и внутренней стабильности. Это был замкнутый круг: русские люди поддерживали автократию, потому что чувствовали себя бессильными, и они чувствовали себя бессильными, потому что автократия не давала им никакой возможности ощутить свою силу».

Как говорится – конец цитаты.

2010

ЧТО ЖЕ БУДЕТ С РОДИНОЙ И С НАМИ

Когда-то в МГУ у меня преподавал литературу профессор Бабаев. На его лекции валом валяли. Он был знаком с Ахматовой и мог вместо «здравствуйте» читать свои стихи. Он устраивал из лекций спектакль. И – чего мы тогда не понимали – мог всю лекцию построить на одних цитатах. То есть это как бы не он говорил, а Пушкин или Гоголь через него говорили.

Бабаева я вспомнил, потому что недавно сильно поспорил по поводу истории и парадигмы России – должна же, черт возьми, у приличного историка быть некая теория, упрощающая историю, как географическая карта упрощает местность, но тем самым не дающая заблудиться на местности среди нагромождений дат и фактов?! И мой визави поучительно сказал, что если я хочу все понять – следует читать Карамзина и Радзинского. Я решил, что он шутит, и засмеялся. Карамзин ведь не историк, а создатель историй, возвеличивающих строй, то есть беллетрист, работавший под заказ – и, как Пушкин замечал,

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Радзинский – тоже беллетрист, только работающий без госзаказа.

– Ну, и кто же тогда настоящий историк? – ехидно спросил мой оппонент.

– Валерий Новодворская историк, – отвечал я. – Ее парадигма – в сравнении России с бегуном, то выдохшимся, то вдруг несущимся по дикому полю. Кажется, что сейчас он всех догонит, как вдруг не хватает дыхания, падает, снова застой, – и вновь по кругу, век за веком. У американца Ричарда Пайпса парадигма России сведена к самовоспроизводящемуся абсолютизму с самодержцем во главе, будь то Николай, Иосиф или Владимир. В общем, созвучно Валерии Ильиничне...

При упоминании Новодворской мой vis-a-vis стал кричать что-то про старую сумасшедшую, хотя он учебников Новодворской по истории не читал, а я читал, а от Пайпса вообще отмахнулся, поскольку, предполагаю, знал лишь Карамзина да Соловьева, а вот про Пайпса или Монтефиоре не слышал никогда.

То есть разговор было бессмысленно продолжать.

Но тем, кто хочет продолжить, я рекомендую не поддаваться на магию имен – и уж особенно магию контекста, в котором имена известны. Разыщите в интернете – в магазинах вряд ли найдете – Пайпса и Новодворскую. Прочтите, забыв все, что про них до этого слышали, хотя бы и от меня. И, может быть, убедитесь, что не Карамзиным единым жив человек, алчущий разобратся в происходящем и произошедшем.

И, в качестве напутствия, по методу профессора Бабаева – цитата из Пайпса.

«Русское государство появилось в конце XV века непосредственно из княжеского владения, чей собственник-правитель не имел никакого представления о том, что у его подданных есть самостоятельные законные интересы: единственным назначением подданных, как он считал, было служить ему. Есть лингвистическое подтверждение этому факту: обычное русское название суверена – «государь» – первоначально означало хозяина рабов... Совсем неудивительно, что Павел I, правивший Россией во времена Французской революции, запретил использование слов «отечество» и «свобода», приказав заменить первое «государством», а второе – «дозволением»; слово «общество» вообще было выведено из оборота».

Что, не тянет продолжить чтение?

Или, хотите сказать, Россия со времен Павла сильно переменилась?

2010

КОГО НАМ ЛЮБИТЬ: РОДИНУ ИЛИ ИСТИНУ?

С тех пор, как я открыл, что скучнейший процесс глажки превращается в милое дело, стоит включить аудиокнигу, – я немало прослушал книг и прогладил рубашек. Последний моей крупной глажкой был Чаадаев.

Про Петра Чаадаева выпускник школы смутно помнит, что был такой старший друг Пушкина: писал письма против самодержавия и в итоге сошел с ума.

В общем, все верно. Отставной офицер, герой Отечественной войны Петр Яковлевич Чаадаев, начиная с 1829-го, писал «Философические письма», в которых, обращаясь к некоей даме рассуждал о христианстве, России, Европе и мире. Его рассуждения настолько не понравились Николаю I, что тот объявил Чаадаева сумасшедшим, – и в качестве лечения прописал домашний арест. Всего «философических писем» восемь, большинство из них сегодня интересны мало – например, те, где он долго и нудно пытался доказать, что не будь Ньютон христианином, он бы закона тяготения не открыл. Но кое-что, плюс позже написанная «Апология сумасшедшего», до сих пор впечатляет.

Итак: берем в руки уют и слушаем, что сумасшедший писал о России.

«...мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя...».

Далее: «...наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает... Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись...»

И еще: «...по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, а... из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь».

И еще: «Обделанные, отлитые, созданные нашими властителями и нашим климатом, только в силу покорности стали мы великим народом. Просмотрите от начала до конца наши летописи, – вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние почвы, и почти никогда не встретите проявлений общественной воли».

Удивительно, но этот текст, этот литературный памятник и спустя два века скорее злободневен, чем зол. Что, может быть, объясняет, почему памятники в России свергают, едва успев поставить, – и почему история в России все ходит и ходит по кругу.

Про себя самого Чаадаев сказал так: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами». И добавил: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть... любовь к истине распространяет свет знания. Не через родину, а через истину ведет путь на небо. Правда, мы, русские, всегда мало интересовались тем, что – истина и что – ложь».

Нет, ей-ей, как нынче написано.

Слушайте, покуда не остыл уют.

БРАТСТВО КОНЦА, ИЛИ ПОЧЕМУ РОССИЯ – РОССИЯ

В середине благостного сентября, когда страна начала дышать, наконец, после жары и пожаров, в Рунете появились записки московского журналиста по имени Панков, путешествующего с дочерью по Сибири.

За месяц они побывали в Красноярске, Абакане, Минусинске, Иркутске, Братске, Зиме, Улан-Удэ, Братске – причем в Братске подзадержались. Будучи журналистом, Панков делал записки, – возможно, лишь для себя и узкого круга. Как они появились в ЖЖ, а также на десятках порталов и форумах – не знаю. Но факт, что они взорвали интернет-Россию. В первый же день путевые заметки, названные «Братство конца. Из дневника лесоруба» прочло 150 тысяч человек, а форум города Братска превратился в вулкан и в плюющуюся ядом змею.

О чем написал Панков? Он написал о том, что люди бросают мусор там, где живут. О спившихся поколениях. О зарплатах учителей в три с половиной тысячи рублей. Об отсутствии нормального (то есть не растворимого) кофе в провинции, и о цене нормального кофе там, где он есть, в 250 рублей за чашку. О том, что цены в провинции вообще выше московских. О том, что все ругают Китай, но все надежды связывают с Китаем. О том, что на выборах голоса покупаются и продаются. Что в городе Братске нечем дышать – он провонял промвыбросами. О том, что в городе Зима закрыли роддом, и рожать ездят за 200 километров. Что в деревнях покойников закапывают без регистрации, потому как не добраться до морга и ЗАГСа. Что рыбу из реки есть нельзя, потому как водохранилищами затоплены кладбища. Что электростанций тьма, но что электричество есть не везде. Что страна разоряется ради денег. Что всюду красиво, но погано, причем местные не замечают ни красоты, ни поганы.

Что получил в ответ коллега Панков на форумах?

Он получил, что ему нужно дать по морде, что он гадина, что продажный врун, что все написанное им есть заказуха и пиар, – его поймали на ряде неточностей. В общем, его обвинили в том же, в чем в свое время маркиза де Кюстина или Александра Радищева. Но никто не смог опровергнуть его по сути.

Объехав страну от Архангельска до Краснодара и от Ростова до Хабаровска, могу подтвердить, что указанная выше картина российской глубинки с вариациями повторяется всюду. Причем российскую глубинку я лично сравниваю не с Москвой (это глупо: Москву сами москвичи сравнивают исключительно с другими столицами), а с глубинкой европейской (что резонно). То есть Братск, условно говоря, нужно сравнивать с финской Иматрой, основу которой тоже составляет сталелитейный завод, и где, однако, чистота, красота и воздух подобен слезе ребенка. Когда, конечно, в Иматру не доносит ветром выбросы из российского Светогорска, где дымит ЦБК.

Но дело даже не в том, что жизнь в Сибири беднее, угрюмее и страшнее, чем жизнь в провинции где-нибудь в Греции, где, в свою очередь, существование беднее и тяжелее, чем провинции в Испании, а в Испании – чем во Франции.

Дело в том, как отчаянно защищают и как цепляются апологеты русской глубинки за свою бедную и угрюмую жизнь. Подтверждая давнюю мысль о том, что российский государственный строй – то есть строй, при котором самодержец и двор купаются в роскоши, имея все, а остальные бедствуют, имея мало чего – что этот строй защищают никакой ни царь или, там, царская опричнина.

Этот строй отчаяннее всего защищает сам российский народ.

Как говорится: грустно, девушки.

АЙ, ЦВАЙ – ПОЛИЦАЙ!

Вы слышали – милиция будет переименована в полицию? Приветствую переименование! Из этого выйдет толк, – я серьезно. Хотя, боюсь, не тот, какой ожидают. То есть я радуюсь, что не тот – а вот боятся пусть другие.

Про новый закон о полиции уже высказались все, кто мог; оппозиция пробежалась и ноги вытерла, и когда я говорю либерального настроения друзьям (а других нет), что мне переименование кажется важным и нужным, они смеются. Думают, стеб такой. Или, как определяла Сюзан Зонтаг, «камп» – ироничный трэш, заговор понимающих.

Однако я серьезен.

Одно из главных умений жить в нашей стране – это не просто умение понимать разницу между сущностью институтов и формальным их наименованием, но и практически применять. «Слово и дело» – до сих пор наша дихотомия (Иван Грозный явно был не без юмора).

В разницу между словом и делом, как в неприкрытую дверь, у нас несет тем сквозняком, который и составляет русскую жизнь. Начать с названия страны: «Российская Федерация». Да какая мы федерация? Вы еще скажите, что КНДР – народная и демократическая республика. Нет, мы примерно с XV века – самодержавная страна, в которой все важнейшие вопросы, связанные с жизнью «субъектов федерации», решаются самодержцем. «Субъекты федерации» – никакие не субъекты, а объекты власти, форму которой правильнее всего определить как патримониальную (вотчинную) автократию, то есть ту автократию, где власть передается по наследству, не обязательно кровному («преемник» есть как бы наследник, которого, впрочем, за плохое поведение наследства можно лишить). В России весь народ – именно что объект власти, а никакой не источник. «Источник» – это по Конституции, а Конституция в России – никакой не главный закон, а всего-навсего словарь, используя который, мы общаемся с пан-атлантическим миром. В котором конституция – это как раз закон.

Понимаете разницу?

Проблема в том, что те люди, которые начинают понимать ее столь хорошо, что умело используют, к этому моменту обычно превращаются в таких циников, что мама не горюй. А те люди, что никакой разницы не видят, являют собой источник дохода для циников.

То есть для того, чтобы народ России был действительно народом, а не симбиозом подлецов с тупицами, и было бы неплохо прикрыть дверь, из которой сквозит: ликвидировать щель между словом и делом.

Ведь «милиция» – это откуда взялось? «Милиция» задумывалась как народная дружина, охраняющая народные интересы, – то есть нечто противоположное самодержавной «полиции» (прошу прощения, что в «полицию», как в горшок с рагу, я кидаю все разом – и казаков с нагайками, разгонявшими тогдашние марши несогласных, и городских, охранявших «белую» публику от «черной»). Генезис слова именно таков. Но сегодняшняя милиция – по сути, та же дореволюционная полиция, смысл которой исключительно в охране власти. Более того: сегодняшняя милиция выродилась даже не в дореволюционную полицию, а в оккупационных полицаев. С теми оккупированное население тоже сталкивалось в основном тогда, когда полицаи проверяли аусвайсы, отправляя всех, у кого аусвайсы не порядке (то есть потенциальных «партизан», несогласных с оккупационным режимом), в комендатуру.

Память об этом в России еще жива. Я, например, при посадке в поезд никогда не раскрываю паспорт (требование которого – норма полицейская, то бишь полицайская: при Брежнев, когда милиция еще немного была милицией, в поездах никаких документов не требовалось). И когда меня спрашивают: «А вам что, трудно паспорт открыть?» – я неизменно отвечаю:

«Трудно. У меня дедушку расстреляли, потому что у него аусвайса с собой не было. Мы в нашей семье про это помним». И нужно видеть, как меняются лица проводников.

Пусть простит меня покойный дедушка – в войну он был в нацистском концлагере, бежал, потом в советском концлагере, откуда, дернув все возможные партийные ниточки, его вытащила моя бабушка.

Но этот маленький железнодорожный эксперимент показывает, как важно, чтобы слово не расходилось с делом, потому что когда слово с делом не расходится, у людей включается совесть – и, думаю, не только в поездах. То есть, поступая гадко, они начинают понимать, что поступают гадко, даже когда продолжают гадко поступать.

Да-да, я за то, чтобы милиционеры были переименованы в полицаев. А паспорта – в аусвайсы. А «духовный лидер нации» – в императора или даже (при освящении православной церковью, которую тоже неплохо было бы переименовать в ортодоксальную, придав более точную коннотацию) в царя.

Нужно без утайки обозначать, в какой стране, при каком строе мы живем – и в чем заключаются подлинные законы страны и строя.

Тогда, быть может, мы и начнем потихоньку менять страну, меняясь сами.

2010

ЛУЖКОВ, БОЛЛ, СОВЕСТЬ И СТРАХ

Отставка Лужкова обозначила проблемы, далекие от политических, эстетических или финансовых. Первая – этическая: бить ли врага, когда все бьют? Вторая – эсхатологическая: есть ощущение, что мы при начале конца. Но обо всем по порядку.

В книге Филипа Болла «Критическая масса» (про социальную физику, то есть про применение аппарата естественных наук к социальным проблемам) описывается, как долгая, позиционная, окопная война приводит к становлению окопной морали. Согласно которой, например, негоже вести обстрел позиций врага без предупреждения (иначе ответит тем же) или во время праздников (иначе праздника лишатся все). Но когда начинается атака, эта мораль отпадает, и каждый боец решает заново: пленного брать или не брать? Внять просьбе смертельно раненого друга прикончить его – или ждать санитаров?

Время Лужкова было, как теперь выясняется, нашей окопной войной. Все успели обжиться. По Лужкову стреляли – но не насмерть: Ревзин в «Коммерсанте» (а я, например – в «Огоньке»). Лужков огрызнулся посредством «ТВЦентра», но к репрессиям не прибегал: я публиковал в «Огоньке» издевательскую статью «Сделайте нам красиво», но из эфиров «ТВЦентра» меня не выбрасывали.

У войны были правила: не называть, например, публично Лужкова и Батурина «ворами» (они обижались и обращались в суды с исками, которые неизменно выигрывали: так они обообрали и без того не богатого Лимонова, что выглядело совсем некрасиво. Право, лучше бы воровали!)

Негласный договор состоял в том, что по Лужкову позволялось вести огонь, но не позволялось посягать на его контроль над финансами. В свою очередь, то, что называлось «Лужков», не налагало лапу на кошельки (за исключением лимоновского) и горло (включая лимоновское) никого из стрелков. Взаимное непосягание. Это, кстати, оценил тот же Григорий Ревзин, вполне искренне и без иронии поблагодарив Лужкова сразу после отставки за то, что он, Ревзин, жив – ибо понимал, что живи он не под Лужковым, а под Лукашенко, могло быть иначе.

Когда же началась атака, все изменилось в секунду, и я вдруг с ужасом понял, что действительно не понимаю – прилично ли сейчас ругать Лужкова, когда его планы, его идеи, его вкус стали высмеивать абсолютно все, причем чем ближе к Лужкову стояли, тем громче стали кричать, включая Ресина, с его предложением убрать церетелиевского Петра. Так что кобзовское анекдотичное (Кобзон – кажется, единственный из ближнего круга, кто остался верен Лужкову), обращенное к Ресину – «вы не еврей, вы Иуда», звучало вовсе не анекдотично.

Нет, правда, возможно ли громить лужковщину сейчас, когда атака пошла по всей линии фронта, и миллиардерша Батурина уже, скорей всего, стала миллионершей, – но крушат сильнее всех как раз те, кто строили, а те, кто раньше ругали, как-то переминаются в стороне?

Хорошо журналистам: те оценок не дают. А колумнистам? Свободы ведь получаешь столько, сколько не боишься взять. И если случается оттепель – бери, хватай сколько сможешь, ибо завтра выпадет снег. И если не взял сегодня, не крикнул, не разрушил стену – завтра ее возведут до небес. Что, если наступил XX съезд партии и Сталина погнали его же клеветы, – это основание или нет, чтобы молчать и выразить тирану сочувствие?

Идет атака.

У меня нет ответа.

У меня внутри тихий, постыдный страх. Он и в вас живет, прислушайтесь. Страх состоит в том, что нас действительно устраивали окопы. Страх говорит: вон, рухнул Лужков, а за ним неизбежно рухнет управление «ТВЦентром», и сольют его в какой-нибудь холдинг под нача-

лом Роднянского либо Эрнста, и новый начальник решит, что в ночном эфире ему нужны не Дибров с Губиным, а например, шоу с голыми деффками. И я Диброва не спрашивал, но сам девок не потяну.

И хотя я работу десятки раз терял, каждый раз – как новая рана.

И этот страх в нас во всех – чтобы избавиться ото всего, что мы так ненавидим, от цинизма во власти, от гайцов в кустах, от готовности на все ради денег, от всеобщего блядства, от бесконечных откатов, взяток, подкатов (не только в ЖЖ), от всей этой самодержавной, самодовольной, ничего не читающей, всеми манипулирующей, превращающей людей в быдло системы, – мы должны отправить в отставку никаких не Лужкова, Медведева или Путина.

Поздно: отставками не вылечишь и реформами не отреформируешь.

В процессе атаки рухнуть должно будет все. Вместе с нашими машинами, квартирами, зарплатами, гонорарами, поездками за границу, ресторанами, социальными – о да! – статусами, домами, деньгами.

Ведь мы же чувствуем, что все это получено нами не как получают там, к западу от Буга, то есть по труду, – а в качестве солдатского пайка, за окопы.

И вот сидим, жалуемся, что мало дают по врагу пострелять, но пуще всего боимся, что придется перелезть через бруствер.

А уход Лужкова показывает, что рано или поздно придется.

2010

НЕФТЬ И ЛАДАН

Национальную идею нельзя придумать: собственно, в России своей национальной идеи никогда и не было. А были доктрины: либо религиозные, либо политические. Но и те, и другие – заимствованные: то на Западе, то на Ближнем Востоке.

У меня есть знакомый – человек ловкий, циничный, наблюдательный, а потому в последнее время обрядово-православный. В пост теперь он не ест скромного, но не отказывается от ресторана, замечая попутно, что вегетарианское, то бишь модное, обходится вдвое дороже обычного, однако же втрое дешевле диетического, на которое сажают алчущие денег доктора.

Наблюдательность я в нем и ценю, а потому иногда мы ужинаем, и он снабжает меня афоризмами вроде «в наше время стало так тяжело воровать, что можно уже это считать трудовыми доходами». Ну, в общем, он из тех милейших россиян, которые, отпив в свое время от кооперативного потока, затем припали к банковскому, а теперь слились с государственным, осуществляя переход с небрежной ловкостью гимнаста, что делает подъем переворотом.

В последнюю встречу, за неделю до рождественского поста («великая вещь! Сорок дней на руколле и спарже – четыре килограмма долой!») приятель попенял мне на высказывания про толерантность. «Лапуша, – сказал он, – ты же умный человек. А пишешь опять против ветра. Ближайшее будущее страны – за «Газпромом», но дальнейшее будущее – за православием. Я бы на твоём месте предложил ток-шоу телеканалу «Спас». Чем ты займешь людей, когда грохнутся цены на нефть, а они, поверь, грохнутся? Там будет простой выбор – либо отец Василий с крестом и «калашом», либо хачик с взрывчаткой и Курбан-Байрамом, которому что барашка прирезать, что неверного – все едино. Ибо на кой хрен Рамзану оставаться с Россией, если она ему перестанет платить? И он пойдет по пути шариата, а по пути попробует на вкус Ставрополь».

Я с циниками никогда не спорю. Я слушаю, потому что носы у них, как у Буратино – чувствуют то, чем едва начинает пахнуть в воздухе. Иногда научных знаний им не хватает, серьезное чтение утомляет – они, скорее, любят листать Акунина, следя за сюжетом, но посмеиваясь над фандоринскими нравственными императивами. Но нюх у них, повторяю – ого-го!

Так что я возражать не стал, но, отужинав, мучительно принялся вспоминать, у кого же я читал про баланс религий и политических доктрин, про импорт этих доктрин из Европы, и даже, помнится, сделал закладку?

А потом хлопнул по лбу: ба! Да это ж у Хантингтона! (Недавно скончавшийся Сэмюэль Хантингтон был политолог, он в 1990-х, после крушения социализма в Европе, предложил заменить парадигму «либеральный Запад – коммунистический Восток» парадигмой полицивилизационного мира. В котором действия стран определяются не идеологическим противостоянием, а цивилизационным, то есть общностью культур, и цивилизация больше не означает вестернизацию, – Россия составляла у него отдельную «православную» цивилизацию). Где ж у меня Clash of Civilizations?..

А! Вот! Читаю: «Основные политические идеологии двадцатого века включают либерализм, социализм, анархизм, корпоративизм, марксизм, коммунизм, социал-демократию, консерватизм, национализм, фашизм и христианскую демократию. Объединяет их одно: они все – порождения западной цивилизации. Ни одна другая цивилизация не породила достаточно значимую политическую идеологию. Запад, в свою очередь, никогда не породил основной религии. Все главные мировые религии родились в не-западных цивилизациях и, в большинстве случаев, раньше, чем западная цивилизация. По мере того как мир уходит от господства Запада, сходят на нет идеологии, олицетворяющие позднюю западную цивилизацию, и на их место приходят религиозные и другие культурные формы идентификации».

То есть мой ресторанный приятель в фундаментальном смысле прав. По Хантингтону получается, что, отбросив заимствованную западную (родившуюся там, но не прижившуюся) коммунистическую идею в качестве национальной, Россия обречена на выбор между другой западной идеей – и заимствованной ближневосточной религией. И тут, конечно, в теории возможен выбор как между либерализмом и православием, так и между фашизмом и исламом.

Поскольку либеральную идею, пока есть нефть, русским выбирать не хочется, а православная идея у нас сводится к кресту, куличу да постному меню в ресторане.

Что будем делать, когда кончатся нефть и ладан, а?

Надо будет снова отужинать с моим знакомым через пяток лет!

2010

ПАТРИОТЫ В ЗАКОНЕ

Современный русский человек убежден в одной вещи. Если где-то в масштабах страны случается что-то плохое, то это плохое можно исправить либо посредством закона, либо школьной программы.

Допустим, если на дорогах России гибнет без малого 40 тысяч человек в год, то надо усилить ответственность за превышение скорости, за непристегнутые ремни, плюс за алкоголь в крови. И начать преподавать правила дорожного движения в школе, желательно с первого класса.

Весь жизненный опыт убеждает современного русского человека в совершенно иных вещах. Что авария случается оттого, что дороги в России дурны и узки; и что жизнь в России ценится вообще мало; и что привычка жить на «авось», без просчета последствий, иррационально, повинуюсь моменту – например, выходя на встречную полосу в повороте – вообще въелась в нашу цивилизацию. Но, зная про себя все это, человек кричит: изменить закон! Ввести урок! Как будто гаишники берут взятки оттого, что нет против взяток закона или оттого, что брать взятки их учили в школе.

С патриотическим воспитанием то же самое. Воспитывает жизнь. Жизнь показывает, что дагестанцы, азербайджанцы, осетины и так далее живут в любом русском городе тесно, близко, родственно, общиной, родом, кланом, землячеством. Если кто из них загремел в милицию – по делу или нет – община тут же собирает деньги на выкуп, то есть на взятки ментам. Русские же общиной и кланом не живут ни на родине, ни, к слову, за границей. Если менты загибают в кутузку русского паренька, родители которого бедны, ему не поможет никто. И друзья русского паренька из-за этой несправедливости изливают злобу на нерусских пареньков, потому что ментам попробуй морду набей, а чернявым паренькам можно попробовать.

Внутренне все это знают, но вслух не требуют, например, реформировать милицию по грузинскому образцу, введя запрет на госслужбу для сегодняшних ментов, – и призывают к глупостям, вроде уроков патриотизма. Чему там будут учить? Величию Родины на примере истории, где столетиями князь шел на князя, и брат резал брата, и все при этом целовали крест, и тут же за деньги комплектовали дружины из врагов-половцев? И кто будет учить? Майор-отставник, для которого патриотизм – это тоска по диктатуре?

А любовь к Родине, она, как и всякая любовь – возникает из ничего, но гаснет от обманов. Впрочем, прибавка к майорской пенсии – это хоть какой-то от уроков патриотизма прок. А толку от них все равно никакого.

2011

НАША РАША, ИЛИ ПРИЗНАКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Я о признаках не в том смысле, в каком говорят о симптомах болезни. Я о том, что каждой цивилизации сопутствуют свои внешние проявления (например: монотеизм, письменность, обработка металлов; или: политеизм, пляски у костра, подсечное земледелие). Так где Россия – в Европе или в Азии?

Мы на работе недавно делились впечатлениями о Белоруссии и, рассмеявшись, сошлись на общем ощущении: Белоруссия – это Европа. А не Азия, каковой полным-полно в Москве, несмотря на кичливые стеклянные новостройки, – и каковой навалом даже в Петербурге, несмотря на его строгий, стройный вид.

То есть, с одной стороны, сегодняшний Минск – совковый город, где нет рекламы, где возле кинотеатров висит написанный плакатным пером «репертуар на месяц», где до сих пор на вывесках значатся «Ателье» и «Гастрономы», – а с другой стороны, он все же он часть Европы. Есть такое ощущение. Да, захваченный, опущенный и униженный колхозником Лукашенко, но все же западный город.

Тот же пьянящий дух Европы бил нам в голову в СССР, когда мы выбирались в Ригу, Каунас или Таллин, да и в тот же Минск, и во Львов, не говоря про совсем западный Ужгород.

И мы с коллегами стали думать, в каком дупле гнездится этот дух, и, перебрав разные варианты, в итоге оставили те, по которым практически безошибочно можно отделить Европу от Азии, Запад и Востока.

Признак первый: грязь. В Европе неизменно чисто; в Азии неизменно грязно, – ей-ей, это главный индикатор того, какой тип культуры вас окружает. Белоруссия потому и кажется Европой, что вылизана до пылинки, как Голландия или Франция. А вот Москва – это Бангкок, где чисто только на центральных улицах, а шаг в сторону – и ужас. И Петербург – это тоже Азия, несмотря на европейский абрис: сейчас, когда я пишу этот текст, город завален сугробами, по тротуарам не пройти, а по дорогам, в чавкающей каше, движутся вперемешку машины и люди. Бомбей. И то, что в этом Санкт-Бомбее с воплями мигалок расчищают путь местной султанше – сходство лишь усиливает. Нет-нет, что ни говорите, а грязь – первый признак азиатчины. И это знает каждый, кто пересекал на машине границу что с Белорусский, что с Финляндией.

Признак второй: туалеты. Не думаю, что даже самая большая нужда заставит хоть одного российского набоба (и, тем более, набабу) посетить хоть один наш вокзальный туалет. Мамочки миа! На самом депрессивном итальянском полустанке туалет будет чист. А вот на Московском или Ленинградском вокзалах вас будет ждать вонь и дырка в полу, деликатно именуемая «турецким унитазом» (очень точно, ага). А загляните в любой туалет любой российской хоть средней, хоть высшей школы! Вонь, текущие бачки, отсутствие стульчаков и туалетной бумаги. И так всюду – от Волгоградского педагогического университета до Московского государственного на Моховой. И так на любом погранпереходе. В туалете безошибочно определяешь координаты: то ли ты в Европе, в Финляндии, в Валимаа. То ли в Азии, в Ленинградской области, в Торфяновке. Определяешь по виду и запаху. Туалет как идентификатор работает всегда: даже когда вообще не работает.

Признак третий: таксисты. Я был когда-то потрясен видом на аэропорт Барселоны. Наш самолет садился медленно и торжественно. А под крылом лежал гигантский паркинг для черно-желтых такси, откуда тек черно-желтый ручей к терминалу прибытия. Европа – это когда ты прыгаешь на заднее сиденье такси и называешь адрес, а по приезде счетчик показывает стоимость поездки. Азия – это когда у вокзала дяди с усамы выкрикивают лишнюю смысла фразу «Такси-не-надо-недорого!» Азия – это неизменно договорная цена проезда, и это правило действует что в Москве, что в Стамбуле. А еще Азия – это «левак», выполняющий функ-

цию такси (так, кстати, ведут себя водители-пакистанцы в Лондоне). Это не значит, что «азиатское» такси дешевле. И питерское, и московское стоит столько же или дороже римского и парижского, и сильно дороже нью-йоркского, где оно составляет реальную альтернативу метро.

Итак, такси: если счетчик и маршрут по требованию – ты в Европе. Если крутят цены и устраивают базар – ты в Азии.

Признак четвертый: закрытость от чужих. У меня квартира в центре Петербурга, дом небедный. Но когда я здороваюсь в подъезде с незнакомцами, на меня смотрят странно и отводят глаза. В лучшем случае выдавливают «здрсссь»... В Париже я тоже живу в центре, зато все люди в подъезде расплываются в улыбке: «Бонжур, месье! Са ва? О, вы из аэропорта, как долетели?» Две принципиально разных модели поведения не означают, однако, что парижане воспитанны и доброжелательны, а питерцы – жлобы и хамы. Модели означают, что одно и то же послание («я чужой, но я тебе не опасен!») в Европе и в Азии выражается по-разному. В Европе: «Я не опасен, добро пожаловать на мою территорию!» В Азии: «Я не опасен, я не посягаю на твою территорию!» Если незнакомцы по отношению к вам неприветливы – значит, вы в Азии, и значит, аборигены дают понять, что не будут вмешиваться в вашу личную жизнь.

Признак пятый... Каюсь, мы пятый признак выделить не смогли. Рассчитываем на помощь. Мы ни злить никого не хотим, ни льстить никому не хотим, просто если у тебя перед глазами есть сводная идентификационная таблица – ты никогда не заблудишься.

И в той же Азии легко поймешь, почему, например, Гонконг – европейский город. И легко поймешь, почему в Европе Москва – азиатский.

СИЛЬНЫЕ РЫБКИ В РУССКОЙ ВОДЕ

Однажды милая барышня из числа поклонниц Радуловой спросила, как я отношусь к сильным женщинам. Я засмеялся. Наталья Радулова – Антоша Чехонте нашего времени. То же изобилие персонажей; та же невозможность предпочесть один рассказик или одного героя.

Я про Радулову как Чехова всерьез. И Радулова, и Чехов создают мир по принципу аквариума со сказочным изобилием населения, от вида которого разеваешь рот. У Чехова – гимназисты, архиереи, городничие, мужики, ваньки и Ваньки Жуковы, толстые и тонкие. У Радуловой – женщины беременные и разрешившиеся, брошенные, умоляющие, злые, нежные, влюбленные и любовь потерявшие (и снова толстые и тонкие).

«Сильная женщина» в аквариуме жизни – особая рыбка. То есть не просто строгий костюм, взгляд в упор, шофер, 100 граммов «Талискера» перед сном, – а приватизация вообще всего того, что мужчина считает областью применения своей силы. Включая умение жить одному, то есть одной, – если потребуется, выбирая партнера для неодинокой ночи тот же костюм. Или сорт виски. Путем дегустации.

Я не накручиваю, ей-ей: посмотрите, как изменились последние страницы журналов типа «Афиша». Там на излете XX века рекламировали клубы для мужчин, где раздеваются другие мужчины (было внове), потом – клубы для мужчин, где раздеваются женщины (вернулись к истокам), а сейчас чуть не половина объявлений зовет в клубы для женщин, где снова раздеваются мужчины. То есть женщины оплатили той же монетой, и даже перестали париться, что платят.

Но сила сильной женщины не в этом. И даже не в том, что сильные женщины перестали выглядеть гендерным оксюмороном – вроде Коллонтай или Фурцевой – в политике или бизнесе. И даже не в том, что нередко сопутствующее силе одиночество перестали воспринимать как «горькую бабью долю» или феминистский оброк, но – как комфортное бытие, при котором есть место и постоянному мужчине (в виде сына), и непостоянному (когда сын у бабушки).

Настоящая сила сильной женщины в том, что она не единственный общественно одобряемый женский типаж, но – один из множества. То есть женщина добилась того, что любой вариант ее жизни перестал выглядеть исключением или несчастьем, а стал просто вариантом. Вон – маманя-наседка, с целым выводком. Вон – женщина-вамп. Вон – очкастая модная студентка, вон – разведенная стерва, вон – сумасшедшая ученая, вон – тургеневская барышня, вон – худющая Даша Мороз (похудела дополнительно для фильма), вон – толстушка Марика Тамаш (та, что основала балет «240 тонн»), вон – Литвинова с Земфирой.

Я же говорю: Чехов, Радулова. И это не мужчины сегодня выбирают женщин, это женщины выбирают мужчин. Хотя выбор не сказать, что велик. Потому что русский мужчина – на одно лицо: слабак, силы тратящий на доказательства мужественности, больше всего страшящийся молвы и оттого не великодушный. На женщинах он самоутверждается. Это и у Радуловой: на все ее тысячи женских типов – лишь полтора мужских. И те мечутся между «своей» и «другой», не в силах ни остаться, ни проститься, а если и делают выбор – то в пользу собственной мамочки. Сильной женщины, кстати.

В общем, я бы нашим сильным женщинам памятник воздвиг.

Если бы только, говоря честно, не видел взаимосвязи в России между женской силой и мужским ничтожеством.

СУМАСШЕДШИЙ ТРАМВАЙ

Всякая метафора хромает: тем и отличается от парадигмы. Метафора, однако, может стать частью теории и концепции, если используется не в качестве аргумента, но иллюстрации. Я про метафору России.

Этой зимой я несколько раз публично и довольно нервно высказывался о ситуации в Петербурге – город не убирают, дороги ремонтируют под снегом (да-да, прямо в снег кладут асфальт), от падающего с крыш льда гибнут дети, кругом разруха – и попросил петербуржцев присылать конкретные примеры бездействия коммунальных служб.

Результат превзошел ожидания. Я был завален сообщениями (и до сих пор не могу выбраться из-под завалов). Более того: меня стали просить создать антигубернаторскую оппозицию, партию, движение – то есть перейти к практическим действиям. Я к этому совсем не был готов. И стал хорошо понимать Алексея Навального, в котором, после нашумевших постов в ЖЖ, стали видеть не журналиста, работающего с информацией, а политического лидера. Навальный, если помните, даже выиграл (с грандиозным отрывом!) электронные выборы мэра Москвы, издевательски устроенные на сайте «Коммерсанта» – после чего вполне серьезные люди, никак не склонные к постмодернистской иронии, стали видеть в нем будущего президента России. И не электронного.

Не знаю, готов ли к переходу в президенты Навальный, но я менять сегодняшнюю российскую жизнь – пусть и в масштабах одного города, население которого равно населению Финляндии – не готов. Первая причина понятна – никогда вмешательство интеллигенции в реальную политику добром не кончалось: ни в 1905-м, ни в 1917-м (я про февраль, унавоживший почву октябрю), ни в 1991-м. Интеллигент – это вечный критик действительности, но не факт, что из ресторанных критиков получают хорошие повара. И мы же не просим лабораторию, взявшую кровь на анализ, назначить нам еще и лечение.

Вторая причина не так очевидна. С недавних пор я все больше склоняюсь к мысли, что время изменения страны путем реформ, неважно какой степени радикальности, безвозвратно ушло. Как бы ни возмущались противники Владимира Путина тем, что он создал; как бы ни издевались над неповоротливой и неэффективной вертикалью, как бы ни пугали последствиями углеводородной экономики – путинская модель страны оказалась жизнеспособна, и скорого краха ей не предвидится. Ну, или, если хотите, болезнь зашла так далеко, что бессмысленно обсуждать лекарства, а больному можно позволить все: хоть танцевать, хоть лежать, хоть пить шампанское с утра. Две тесно переплетшиеся идеи – «деньги главное» и «своим можно все, чужим нельзя ничего» – образовали не просто переплетшиеся заросли, но целое лесное хозяйство.

Что бы сегодня ни попытаться изменить – изменить не удастся ничего. Ну, не знаю, приведите сами пример того, что вам в российской действительности мешает и что бы вы хотели изменить на западный манер. Машины чиновников с «мигалками» на дорогах? Ок, давайте «мигалки» завтра запретим, – но послезавтра машины нужных людей (без мигалок) начнут сопровождать машины ДПС (с мигалками), а «Скорые помощи» на коммерческих условиях начнут вместо больных возить бизнесменов. Взятки в ГИБДД? Замечательно, снабдим все гаишные машины видеофиксаторами, после чего гаишники начнут кошмарить всех подряд по всей строгости закона за малейшее нарушение, а передача взятки в зоне, недоступной видеокамере, поднимет стоимость мздоимства вдвое.

Мы массу разумных и ценных вещей, между прочим, переняли у Запада – от ЕГЭ до регулярной внутриведомственной аттестации – но в России они начинали работать вовсе не так, как надеялись (взять ЕГЭ, положивший заслон взяткам в ВУЗах, но направивший поток

взяток в школы). Если страна живет по принципу разноправия плюс власти денег – ни один инструмент, созданный в принципиально других условиях, работать не будет. И можно брать пример с Европы, а можно не брать – это вопрос музыки, играющей в цеху. На качество продукции она не влияет.

Россия образца Владимира Путина мне вообще напоминает трамвай, покачавшийся-покачавшийся, но вдруг нащупавший ребордой рельс и покатавшийся – и с каждым годом все уверенней и уверенней. И пассажиры в вагоне, да, недовольны, что кондуктор не объявляет остановки и вообще плевать хотел на публику, и жалуются в Страсбург, что из окна дует, что отопление ни к черту, и что сиденья изрезаны и оттуда клочьями вата, а вот вагоновожатый, смотрите, кабину отделал карельской березой, а самые большие умники, из числа получивших трамвайное образование, вообще шепотом делятся, что тормозные шланги прохудились, – по большому счету все это неважно.

Потому что будущее России зависит не от того, сколько денег пошло на отделку кабины, работает ли внутренняя связь, заменено ли разбитое стекло, удобно ли пассажирам и оборудован ли в вагоне отдельный диван с надписью «Сколково». А от того, куда ведут рельсы.

Если они проложены прямо вперед – то однажды кончатся: может, тупиком, может, обрывом, а может, кирпичной стеной, и мы тогда все с размаху либо двинемся, либо сверзимся.

А если по кругу – то будем так кружить и кружить, кружить, покуда однажды перегоревший мотор сам собой не замедлит ход или (тоже вариант) не лопнет от ветхости колесная пара.

И, если эта метафора верна – она хорошо объясняет, почему в нашей стране, даже ратуя за перемены, даже проклиная пресловутые грабли, все в глубине души уповают, чтобы движение вышло по кругу.

2011

КНИГА НЕ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

Литературоцентричность, культуроцентричность и духовноцентричность мыслящей части нации говорят, увы, не о нашей силе духа, а о слабости.

У одного парня в нашей компании был день рождения, мы скинулись на ридер, а меня попросили составить список книг, которые в подарок следует закачать. Тоже, вопрос! Улицкая, Пелевин, Терехов, Быков, Сорокин, Шишкин. Уэльбек, Агота Кристоф, Троппер, Каннингем, Брет Истон Эллис. Когда я закончил, то услышал: «Ты молодец! А мы вот загниваем, почти ничего не читаем...»

Это ужасно, – то, что мне сказали. Но ужасно не то, что люди мало читают, а то, что полагают чтение художественной литературы обязательной отметкой правильной и, не сомневаюсь, духовной жизни. Русские образованные люди невероятно литературоцентричны. И невероятно этим гордятся. Кто «Каштанку» не прочел – тот не человек. Книга – учитель жизни. Литература – оплот морали. Нам же с детства внушали, разве не так?

Да абсолютно не так. Литература мало влияет на общественную мораль, – иначе бы нация, воспитанная на Шиллере, и нация, воспитанная на Толстом, не утопили в крови миллионы людей. Пушкин, Толстой, Достоевский – никакие не учителя, а отобранные властью авторитеты, играющие в жизни ту же роль, что и каменные львы у особняка вельможи. А идея, что всякий приличный человек должен прочесть Чехова, привела к тому, что у нас любой сантехник рассуждает о «Каштанке», но ни один не может быстро и качественно починить унитаз.

Следует ли из этого, что книги следует спустить в канализацию, как это проделывали «Идущие вместе» с Владимира Сорокина? Вовсе нет. В упомянутой мной компании люди разных профессий – торговец вином, глава автоцентра, ресторатор... Все они – профессионалы высокого ранга, и чтобы стать таковыми, им пришлось перелопатить море информации. В том числе и письменной. Просто они этот процесс не называют чтением. Чтение для них – это Пелевин или Уэльбек.

У художественной литературы несколько функций. Первая – создание иной реальности. То есть книга – лучший наркотик. Эффективный, недорогой и почти без вредных последствий. Вторая функция – создание культурных кодов, системы распознавания «свой – чужой», позволяющая людям, которые в восторге от романов типа «Как я влюбилась в начальника», чувствовать родство душ.

Хотите научиться жизни? Читайте глянецовые журналы. Хотите научиться профессии? Читайте профессиональную литературу. Хотите узнать, как устроен мир? Читайте научно-популярную литературу.

А книги с сюжетом, с героями, с хорошим языком – это игра. Просто игра в бисер. Изощренный ум без нее не обойдется. Но изощренный ум и не будет этим кичиться.

БОЯЗНЬ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьский переворот, больше известный как Октябрьская революция, надолго пропитал нас революционными страхами.

У меня много работы.

В восемь утра я сажусь за компьютер.

С десяти идут звонки от знакомых, которым я пытаюсь поделикатнее объяснить, что заканчиваю книгу, дописываю последнюю главку.

«Про что главка?» – интересуются знакомые.

«Она называется «Интеллигенция и революция»», – обреченно вздыхаю я.

«Обреченно» – не потому, что мне начнут напоминать о текстах с таким названием, написанных сто лет назад Александром Блоком или Петром Струве, но потому что скажут примерно следующее.

«О, ты тоже думаешь, что в России революция возможна?»

«А когда, ты думаешь, в России революция возможна?»

«А ты думаешь, из России нужно валить прямо щас?»

Я не то чтобы не понимаю этих вопросов. Я их как раз отличнейше понимаю. В России всегда ждут трагических перемен, а современные революции в арабском мире доказали, что эти перемены возможны, причем там и тогда, где и когда их не ждали. Но я дописываю текст совсем о другом.

Во-первых, о том, что интеллигенция – это очень российский класс, который, ненавидя и издеваясь над российской властью, все же именно эту власть обслуживает, поскольку является ее порождением.

Во-вторых, о том, что революция является для российской интеллигенции неким фетишем, ибо она либо все потрясающе изменит, либо ужасающе изменит.

В-третьих, о том, что для интеллектуала – в отличие от интеллигента – вопрос о желательности революции в России вообще не стоит. Для интеллектуала стоит вопрос о том, что может изменить российскую матрицу, являющуюся, говоря научно, матрицей патримониальной автократии, а говоря по-простому, матрицей самодержавия, вертикали власти, или чего еще, когда страной правит единственный человек, называйся он царь, генсек или президент.

И революция, восстание – здесь только один из возможных теоретических инструментов.

«Но ты хочешь революции?» – спрашивают, выслушав меня друзья.

Я усмехаюсь.

Я не хочу бунта.

Я хочу смены матрицы.

2011

ЛЮБОВЬ К ПРОСТРАНСТВАМ И СТРАХ РАСПАДА

Среди главных страшилок, бытующих в современном русском сознании, две главных таковы: нельзя допустить развала страны и нельзя допустить, чтобы случилась революция.

Это весьма иррациональные страхи. Начнешь расспрашивать: а чем так пугает революция, – получишь в ответ: это жертвы, насилие, кровь. Вам что, снова хочется большевиков, ЧК и гражданской войны?

Позвольте-позвольте, если вам со школы вдалбливали про октябрьскую революцию, это не значит, что революция действительно имела место! Вот в феврале 1917-го – тогда да, именно революция, коренное социальное переустройство при участии, что называется, широких масс. И жертвы у февральской революции, верно, были, они покоятся на Марсовом поле в Петербурге. А в октябре – это не революция, а устроенный большевиками переворот, арест правительства, разгон Учредительного собрания, террор, концлагеря, заложники, расстрелы... Вот большевистский переворот был действительно кровав – в отличие от буржуазной революции. И революция 1991-го в России не была кровавой. И европейские революции тех же лет – за исключением румынской и югославской – не были кровавы. В общем, с революциями имеются варианты, это при контрреволюциях вариантов нет, там насилие и трупы всегда.

Примерно то же с целостностью территорий. Чехословакия на наших глазах распалась на Чехию и Словакию – что, кому-то стало хуже жить? Советский Союз развалился – да, кому-то стало жить и хуже, но что-то никто не рвется обратно.

Отчего же тогда эти два жупела так яростно внедряются в наше мышление?

Оттого, что гигантская территория вкупе с централизацией действительно являются залогом счастья тех, кто сидит в Кремле. Это залог существования вечно отстающей сырьевой державы. Гигантская территория является залогом того, что где-то да обнаружится то, что нужно развитым странам мира. Не пшеница и лес, так пенька и апатиты, не уран и молибден, так нефть и газ. Главное, чтобы это принадлежало Москве, а не тому региону, где это добро добывают. Представляете, что станет с Кремлем, если Сургут и Нижневартовск станут торговать нефтью напрямую?! Чем станет торговать тогда Москва?!

Собственно, все прочее – риторика, призванная сохранить этот порядок вещей. И про особый путь страны, как деликатно именуются русский грабеж и рабство, и про кошмар смуты, и про великие потрясения и великую Россию.

Стоит за этим одно: централизация, царь, который отберет все, что другой произведет или на чем другой сидит, а если у кого чего-то не будет, то этот царь, будучи в хорошем настроении, ему купит.

Кроме свободы, конечно. Потому что свободу ни один царь не может купить.

2012

В ЧЕМ БОГАТСТВО РОССИИ?

Я обожаю в разных аудиториях задавать вопрос «Что является главным богатством России?» Ответьте на него и вы – только быстро, не раздумывая!

И пропутинские молодогвардейцы, и антипутинские либералы, и бабушки у подъезда, и публика из книжного магазина «Фаланстер», – почти все и всегда отвечают одинаково: «Нефть! Газ! Земля!» Как будто речь идет не о стране, в которой мы живем, а о необитаемой местности, которую предстоит колонизовать.

Даже мои студенты на факультете журналистики МГУ недавно закричали: «Нефть!» Но затем две студентки – Настя Дорофеева и Наташа Кузнецова – решили провести собственное исследование и опросили 100 сверстников и сверстниц в общежитии МГУ на улице Шверника. Итог таков: 3 % считают, что богатств у России нет, 15 % главными богатствами полагают историю и культуру – и лишь 35 % считают главным богатством нас самих, то есть людей. На фоне 41 % уверенных, что главное богатство России содержится в полезных ископаемых.

И это, повторяю, в главном учебном заведении страны.

Я довольно часто, хотя и невольно, обижаю своих соотечественников, сокрушаясь о том, что несмотря на впечатляющий рост бюджета, благосостояния и прочего, мы все больше отстаем по отношению к странам европейским. И дело не в отсутствии дорог, аэропортов, независимой судебной системы или свободных федеральных телеканалов, хотя и в этом тоже. Просто голландцы никогда не назовут своим главным богатством тюльпаны, французы – вино, финны – природу, немцы – автомашины, а норвежцы – ту же нефть, хотя все перечисленное, безусловно, является сильным подспорьем национальных бюджетов.

Если бездушные предметы важнее людей, производящих или добывающих эти предметы – значит, в стране происходит не прогресс, а регресс, возврат в варварство, в темные времена.

Попробуйте задать вопрос о главном богатстве России своим друзьям и знакомым.

И содрогнитесь, услышав в ответ, что мы себя ценим ниже барреля нефти.

2012

Часть 6. Иноземные варианты

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

Меня на днях эвакуировали из Норвегии. В буквальном смысле, на снегоходе, по горному склону. Коттедж на курорте Хемседал занесло за ночь по крышу, дорогу тоже.

Снегом, а также нефтью, а также чудовищными (догадайтесь, вследствие, чего) ценами Норвегия схожа с Россией. стакан колы в богом забытом баре – 180 рублей, пиво – 300. И совсем уж бешеных денег стоит спортивное снаряжение. Хороший горнолыжный костюм (да что там: термобелье!) – по цене костюма Etro в России. Все правильно: если наш национальный спорт – кидание понтов (выше, дальше, быстрее), то у норвежцев – выяснение отношений с миром в прямом, физическом варианте. А прочее товарищам с севера по барабану: от какого John Lobb ты в ботинках, на каком Porsche приехал. У них в витрине пятизвездочного отеля вместо бриллиантов Chopard выставлены валенки Millet (по цене бриллиантов Chopard). Потому что они выдерживают температуру -60: привет Нансену и Амудсену.

В результате сотрудничество двух народов, когда народы сходятся вместе, выглядит забавно. Меня, например, чтобы выказать расположение, норвежцы потащили кататься off-piste, вне склона, по крутяку и целине, не слушая возражений, что я не Бьорн и не Килли и даже «красных» горнолыжных трасс остерегаюсь. Какое там! Устроили покатушки чуть не на выживание – и я, к удивлению, выжил. И только когда ноги уже ехали от меня отдельно, хозяйева проявили, как мне показалось, неуважение: давай, сказали, дуй по расчищенной «черной» трассе вниз, а мы попрыгаем дальше по скалам. Но это лишь показалось: «черная», то есть высшей сложности, трасса, оказалась вдобавок могулом, спуском по кочкам, что было совсем уж мама не горюй.

Но я могул прошел. И под Лиллехаммером съехал по «черной» олимпийской трассе, чем дико горжусь.

И вообще, должен признаться, русского во мне после Норвегии стало немного меньше, а норвежского – гораздо больше.

И это, как мне кажется, нам с Россией только на пользу.

2008

СНОВА ДОГНАТЬ АМЕРИКУ

Когда год назад я прилетел в Нью-Йорк, моя вера в рациональный пан-атлантический разум, выбирающий для езды по городу маленький, экономичный и экологичный автомобиль, была подвергнута испытанию.

Узкие нью-йоркские улицы были забиты гигантскими внедорожниками, которые за показную и бессмысленную в условиях города мощь я ненавидел в России.

«Большие машины – американская ментальность, мы так привыкли. Маленькие – для Европы. Ты наши дороги видел?»

И вот год спустя, летя из Колорадо в Неваду, я их увидел – бесконечные прямые нити дорог, благодаря которым Штаты и являются Соединенными. Однако кое-что за год изменилось. USA Today опубликовала данные Gallup об изменении американских водительских привычек вследствие подорожания бензина: 76 % стали ездить медленнее, 71 % думают о более экономичной машине. Hemispheres Magazine опубликовал статью о Ferrari 430 на биоэтаноле (ха!). Таксист в Лас-Вегасе кивал головой: бензин стоит доллар, в результате большие машины дешевеют, маленькие – дорожают, а соседи возят друг друга на работу попеременно. Лично он достал из чулана велосипед: \$20 экономии в неделю, парень!

Я хмыкнул, поскольку прилетел на тест-драйв нового Lamborghini Gallardo LP560-4 (США – это 40 % всех продаваемых «Ламбо» в мире), а машинка в 560 лошадиных сил экономичной не бывает. Но что бы вы думали? В характеристиках новинки значился расход топлива 10 л/100 км за городом. Я не поверил, пока не покатался по Неваде, блюдя ограничения скорости: расход и правда вышел крохотным. И я понял, почему автоматика включала 6-ю передачу уже на 2000 оборотах: сэкономила.

Будет честно: в потреблении мы всегда копировали Америку. Сначала – в джинсах и жвачке. Потом – в дорогих мощных машинах, объявив это русским стилем (наверное, потому, что хотелось быть первыми, а не вторыми). Похоже, сегодня, чтобы быть первыми, нужно начать экономить – чтобы снова догнать Америку.

2008

НЕСВАРЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ

Если я просыпаюсь в кресле «кокон» (электрическое, полтора метра фиксированных положений), а вокруг полумрак, – значит, я снова лечу над Атлантикой, а стюардессы уже осуществили свой дьявольский план.

План в том, чтобы втихаря напоить тебя за обедом (доливая вино, хотя их не просят), а потом зашторить иллюминаторы и пригасить свет. И все, ты покорно раскладываешь кресло в горизонталь, превращая в кровать, закутываешься в плед, и сопишь, словно в шляпе малиновой ежик резиновый с дырочкой в правом боку.

Тебя настойчиво погружают в анабиоз, как в фильме «Пятый элемент» – все, кто летал «Люфтганзой» на другой континент, смеются: «Очень похоже!»

Кстати, подозреваю, что розетки в 110 вольт, вмонтированные в кресла, у них не работают по той же причине – чтобы ты мог зверушкой когтями скрести по клавиатуре ноутбука, только пока живы батарейки, а живут они как раз до обеда, а потом стюардессы заученно разводят руками: ах, какая жалость, Mein Lieber Herr! Удивительно, но на предыдущем рейсе все было в порядке.

А самое вязкое, непонятное – это из анабиоза выходить. За час до посадки. Потому что сначала не помнишь, куда летишь. Потом, по изображению на мониторе, осознаешь – впереди франкфуртский (или мюнхенский) хаб, а вот откуда летишь, нужно вспоминать еще секунд 20, и если я опишу, как возвращается воспоминание о дорогах Массачусетса, или об ужине в музее Эвы Гарднер, это не будет воспоминанием. Это будет значить, что я уже приземлился во Франкфурте (или Мюнхене), принял душ в бизнес-зале, пересел на самолет до Москвы (или Питера), добрался до дома, проверил название музея по Yandex.

В «Яндексе» найдется все.

В голове это все не укладывается.

Нос больше не запоминает запахов Duty Free, которые так волновали, когда только начал выезжать за границу, и одеколоны на полках были увертюрой к опере, которую ты ждал, начиная с ариетты командира экипажа. Память больше не удерживает людей, она больше не поддерживает личные отношения, как поддерживают потолок арки венецианского палаццо, которое миллионерша и покровительница искусств Эва Стюарт Гарднер разобрала по кирпичику и перевезла в Бостон в начале XX века, наспиговав затем Вермеером, Рембрандтом, Веласкесом и прочим Дега, потому что тогда это был нормальный ход – разобрать в Европе и вывезти в Америку (надо ли говорить, что я успел побывать на www.gardnermuseum.org, пока писал эту фразу?)

Память уже не удерживают ту милую, разгорячившуюся англичанку, лет 45 (но выглядела сильно моложе), действительно милую, она после шампанского хохотала и била меня по руке – you naughty, Dmitry, you naughty! – в ответ на рискованную шутку. У нее были такие зеленые ирландские глаза, и остатки либо сведенных, либо просто исчезнувших с возрастом веснушек, которые вновь появлялись, когда она смеялась, несмотря на то, что и глаза и веснушки я придумал только что, потому что, черт побери, я не помню цвет ее глаз.

Я не помню ее имени, длины юбки, цвета соскочившей и болтающейся на носке туфли (она раскачивала ногой с соскочившей туфлей, сидя на низких перилах балюстрады), и это я тоже выдумал, потому что рыться в так и не разобранных визитных карточках, чтобы найти ее имя и место работы, нет сил.

У меня сложена в пакетик пара сотен визитных карточек, в тщетной надежде оцифровать имена, телефоны, явки, пароли – и добавить к тем трем с половиной тысячам записей с персональными данными, что уже хранятся в Outlook.

Когда ты знакомишься более чем с 50 новыми людьми в месяц и совершаешь более, чем 2 поездки за границу в месяц, весь мир превращается в эти неразобранные карточки, засунутые в пакетик.

Потому что ты перестаешь воспринимать мир чувственно и завоевывать его в буквальном смысле, в каком спортсмены завоевывают свои секунды, сантиметры и медали, и сам превращаешься в оцифрованную визитную карточку, которую несет по проводам всемирный компьютер, раз в три года корректируя должность и телефон. Это не тебе, а твоей карточке пришло с утра 40 писем (среди них – 10 приглашений: если разобраться, то приглашений обменяться информацией еще примерно с 30–50 карточками), это твоя карточка слушает La Traviata в La Scala (с последующим ужином со спонсорами прослушивания), это твоя карточка обсуждает, где встретиться за бизнес-ланчем – в «Аисте» или «Турандот».

Потому что не-карточка хотела бы столоваться каждый день в кавказском шалмане «Бурчо», или в грязноватой китайской «Дружбе», но там оцифрованных нет. Ты – карточка, функция, ты перестал воспринимать людей как людей и мир как мир и перешел на обработку информационных потоков, – вот потокам и не мешай.

Да я вот несколько месяцев уже не мешаю.

Но знаете, куда вас всеми кругами веду? Ну уж, не к Вельзевулу. А к последней технократической иллюзии: что «правильной» (вот уж насквозь фальшивое слово!) жизненной логистикой, грамотным тайм-менеджментом и прочим рациональным устройством можно свою жизнь как-нибудь обустроить, как земским устройством Солженицын надеялся обустроить Россию.

Не выйдет. Гангрена не лечится аспирином. Если ты понимаешь, что лица, события, континенты, ужины не перевариваются организмом и не дают ничего, кроме денег, – это значит, что из тела понемногу уходит душа и пора выбирать.

Я, конечно, про судьбу солженицынских поучений помню, а потому никого не учу. Просто недавно, урвав случай, я выпрыгнул из этого офисного колеса, где раньше вертелся белой. Ушел в частную жизнь. И ныне я поглощаю лишь то, что хочется и что я в состоянии переварить. Вокруг теперь деревья парка; я еду на велосипеде; ужинать у Новикова или Делоса смешно. Я не помню, какой фирмы на мне велобрюки, а также куртка и толстовка-джерси, – но они удобны.

Стопочка оставшихся от прежней жизни визитных карточек потихоньку тает, как культурный сугроб, описанный Мураками.

Кстати, я теперь очень много читаю.

И куда больше, чем прежде, пишу.

И, судя по тому, что вы этот текст до конца дочитали, – это хороший баланс.

2008

О ПОЛЬЗЕ ДЕЙСТВЕННОГО ПОКАЯНИЯ

Каждый раз, когда я еду под Выборг на дачу в Лебедевку, то испытываю чувство, как будто купил с рук ворованное. То есть не ты украл, но все же причастен.

Подлинное имя Лебедевки – Хонканиеми. Ближайшее к ней Верхнее Черкасово – Юля Сяйниё. Кирилловское – это Перкъярвен Асемакюля. Есть отличный сайт www.kannas.nm.ru с полным списком переименований.

Война 1939-40 годов, в результате которой Финляндия потеряла самую лакомую свою часть, Южную Карелию, была со стороны СССР чудовищно несправедливой: агрессор напал на маленькую страну, чтобы поживиться ее территорией. И даже люди, оспаривающие эту точку зрения, не станут спорить, что победители распорядились захваченной землей куда хуже, чем оставшейся землей распоряжаются финны. Для этого достаточно однажды пересечь границу. И, сдаётся мне, так произошло отчасти оттого, что украденная вещь грабителями всегда ценится меньше, чем хозяевами.

Сегодня вернуть захваченное невозможно: выселение финнов с финских земель было трагедией, то такой же трагедией стало бы выселение с этих земель русских. И даже если жители от Зеленогорска до Выборга, то есть от Териок до Виипури, вдруг решат принять гражданство Финляндии, то мгновенно обвалит ее экономику, – хрупкую, как экосистема. Но извиниться перед финнами необходимо, причем не словом, а делом. И для начала неплохо бы разрешить всем гражданам Суоми приезжать в Россию без виз – скажем, на срок до месяца. От этого была бы польза всем – и нам, и финнам, и нашим загаженным карельским лесам, которые приезжающие финны, глядишь, стали бы по привычке приводить в порядок.

Да и с точки зрения морали такая инициатива, исходи она от губернатора области или Петербурга, была бы абсолютно безупречна. В отличие от инициативы по объединению двух субъектов, которая чиновниками придумана и лишь чиновников интересует.

2008

СТАРАЯ ЕВРОПА И НОВЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Как-то приятель соблазнил меня уик-эндом в Баден-Бадене. Он обожал то, что называется Старой Европой, и обещал показать ее во всей красе.

Приятель был из Перми, однако давно жил в Голландии, – я же в то время работал в Лондоне. Идиллический немецкий городок на краю Шварцвальда был действительно удобен для встречи: туда летал дискаунтер Ryanair. А «вся краса» отсылала к не только к европейской, но и к русской истории: я был зван «на воды».

К водам в Баден-Бадене имело отношения два заведения: современное, содержащее в названии слово «спа», и старые термы Фридрихсбад, в которые мы и отправились. Войдя внутрь, я остолбенел. Кафелью там было полторы сотни лет. Толстенные трубы открывались при помощи рычагов. Потолок выглядел так, как выглядит потолок, веками впитывающий дух минеральных солей. «Зато ты сидишь голой задницей на той же мраморной скамье, на которой сидели Достоевский и Тургенев, – сказал приятель. – А в новом спа кто? Одни ваши воры».

Не могу сказать, что тактильные ощущения от филейных частей Достоевского меня восхитили, но разницу между старым и новым я прочувствовал хорошо. Мы продвигались по термам минута в минуту по заведенному с XIX века расписанию, то погружаясь в горячий бассейн после прохладной парной, то в холодный после горячей. Банщики хватили за ноги для разворота на каменной мывальне, и растирали какими-то пузырями, что мало походило на то, что я понимал под словом «массаж». Под конец же мы перешли в последний зал, построенный, на манер римского Пантеона, в виде купола без окон, где тусклый свет вперемежку с дождем падал внутрь через отверстие наверху. Капли били о мрамор пола. Еще один слуга беззвучно схватил меня, спеленал простыней по рукам и ногам – как младенца – и уложил на подогретое ложе, накрыв байковым, как в детстве, одеялом. Я уснул невиннейшим сном в своей жизни.

Камни Старой Европы усилили мою любовь к Петербургу – единственному старому европейскому городу в России, который вообще по своей сути есть город золотого сна, декорация вымышленной прекрасной империи. И это было одной из причин, почему я не остался жить в Англии. Должно быть, ту же любовь чувствуют питерские декораторы, трясущиеся над старыми кирпичами. Ведь эти кирпичи много чего видали и много кого знавали – от Достоевского до Мандельштама.

Тогда я еще не знал, что старый Петербург вскоре начнет уничтожаться с тем же азартом, с какой в 1990-х новые русские сбивали лепнину в протечках ради подвесных потолков. Многие объясняют уничтожение истории коммерческим интересом, но я порой думаю – а может, разрушители просто не видят, что Петербург – это Старая Европа? Не знают силы старых камней?

Я и сам, плескаясь в термах в бассейне, спросил приятеля: а где же знаменитая баден-баденская минеральная вода?

– Дурак! – был ответ. – Ты в ней сидишь.

2008

МЯСО БЕЗ КОСТЕЙ НЕ НАРАСТАЕТ

Русские, проводившие новогодний отпуск за границей, еще обмениваются впечатлениями о ценах. Понятно, почему: разница между «у них» и «у нас» впечатляет.

Во французских Трех Долинах недельная аренда стоящего прямо на склоне шале (спальня, гостиная с кухней, душ) мне обошлась в 340 евро. Ски-пасс на 6 дней – в 210 евро. Под Петербургом на Пухтоловой горе расходы были бы вдвое выше. Впрочем, на ноль делить нельзя: горки типа Пухтоловой считаются во Франции учебными, а на учебных склонах денег за подъемники не берут.

Несмотря на впечатляющую девальвацию рубля, Россия стоит дороже Европы. Попробуйте назвать отечественный продукт – за исключением Мариинского театра и проституток – который превосходил бы европейский по качеству, но был бы дешевле! Вывод, который из этого делает раздосадованный русский, таков: надо импортировать европейское, чтобы жизнь здесь сделать схожей с жизнью там. Именно это лежит в основе постсоветской мечты: об иномарке. Однако заведи ты в России хоть Bentley, тут же обнаружится, что в городах – пробки, за городом – ямы, в ГАИ – вымогатели, и всюду – грязь.

То есть европейское качество жизни, как выясняется, купить невозможно. Хотя бы потому, что европейцами это качество жизни не покупалось, а обреталось вследствие устройства общества на принципах равенства, свободы, неприкосновенности личности и собственности, рационализма, бережливости, справедливости, трудолюбия. И там, где пирог печется по этому рецепту, результат неизменен: пекарь гордится профессией и обожает покупателей, а чиновник (контролируемый пекарем) тратит собранные налоги на устройство дорог, школ и вывоз мусора. Эти принципы – основа, скелет цивилизации Запада, на который со временем нарастает потребительское мясо. Взять Финляндию – ведь не только в 1920-х, но и в 1960-х страна была беднее даже СССР, – а какой жирок нагуляли!

Пишу это к тому, что Россия последние 8 лет с размахом продолжала эксперимент, начатый Петром: копировала европейское потребление в надежде, что и жизнь будет как в Европе. Не вышло. Петр боролся с бородами, но не с рабством, в итоге мясо жизни оказывалось неизменно с душком.

Кризис, который сегодня мы наблюдаем, делает бессмысленность копирования формы без копирования содержания очевидной.

Но одновременно кризис расчищает пути для выбора нового, посткризисного общественного устройства.

Собственно, единственное, чего следует действительно сейчас бояться – так это того, что посткризисная страна будет возрождаться к жизни на принципах, приведших к краху.

СИДЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ ХОЛМЕ

Мы с женой поехали погулять на выходные в Париж, и жена немедленно нашла себе работу.

Работа называется английским словом home staging – даже не знаю, как перевести. «Постановка дома» или «домашняя постановка» – как вам будет угодно. Суть в том, что продавцам жилья предлагают слегка это жилье изменить, дабы быстрее найти покупателя.

Это понятно каждому, кто пытался хоть раз продать недвижимость: достаточно сделать самый крохотный ремонтик, переклеить обои, покрасить дачку-развалюшку – как они не то чтобы сильно вырастут в цене, но ускорят продажу. Хоум стэйджинг – это услуга, смысл которой в том, чтобы, произведя минимум изменений, добиться максимального результата. Без помощи специалистов тут легко попасть впросак: не факт, что вкусы покупателя совпадают с нашими. А вот работник хоум стэйджинг знает, на что сегодня, как говорится, люди западают. Во Франции, например, покупателей пугают неорганизованные пространства, лишённые мебели. Француз, конечно, потом все переставит и поменяет, но сначала он должен иметь перед глазами то, что можно менять.

Хоум стэйджинг появился недавно – во время кризиса, когда рынок недвижимости замер и возникла потребность в буксире. Тем более, в таком специфическом городе, как Париж, где за 100 тысяч евро в минуту от Нотр-Дам можно запросто купить квартирку площадью 18 метров – только метры будут не квадратными, а кубическими, и объединять будут то, что называется la chambre de bonne, «комнатой бонны»: не факт, кстати, что там будут туалет и душ.

Хоум стэйджинг – очень приятный и, как мне кажется, очень человеческий вид бизнеса. Он позволяет преобразовывать жизненное пространство и, следовательно, жизнь. Потому моя жена, которая обожает art de vivre, французское искусство жизни, за идею так и ухватилась. Правда, реализовывать она ее намерена не в Париже, а в Петербурге. Да-да, в наших чемоданах, помимо открыток со старым Парижем и пары бутылок вина, будет и home staging.

Будем надеяться, таможня пропустит.

2010

БРАТ КАИН, ЗВОНЯЩИЙ ПО МОБИЛЬНОМУ

Прошу прощения за грубое слово, но его из песни не выкинешь. «Дерьмо твой «Сапсан»!» – сказала на днях мне одна яркая девушка, делящая время между Москвой, Питером, Нью-Йорком и Парижем.

Ну, она сказала еще грубее, но однозначно имела в виду замечательный, на мой взгляд, поезд, который за 4 часа с большим комфортом доставляет меня из Петербурга в Москву. Я решил уточнить, что она имеет в виду: отсутствие специальных путей, не позволяющих «Сапсану» идти еще быстрее? Отсутствие тоннелей и виадуков, из-за чего «Сапсаны» разрезают пополам города и веси, жители которых за это кидают в поезда камни?

«Дерьмо, – был ответ, – это публика в твоём «Сапсане». Я ехала бизнес-классом, и, представь, как только по радио попросили отключить телефоны, все их тут же достали и начали орать! Ты в Европе такое представить можешь? Хамло!»

Должен согласиться – в Европе, где курсируют «Евростар» и ТЖВ, такое представить невозможно. Если у кого-то вдруг и раздался звонок – человек, извиняясь, в ужасе выбегает в тамбур: ведь он мешает остальным.

В России действительно по-другому. Двое в купе могут болтать ночь напролет, и плевать им, что еще двое не могут уснуть. Европейцы ради разговора пошли бы в вагон-ресторан – или, решив, что разговор не стоит счета за ужин, тоже легли бы спать. Это важное отличие. Средний россиянин сегодня отличается от среднего европейца тем, что европейец уважает других, полагая их равными себе, а русский других ставит либо выше, либо вообще не ставит ни в грош.

Происходит это во многом из-за быстрого подъема из глубин советского общества, где каждому с детства твердили, что единица – никто, единица – ноль. Права личности – хотя бы на частную жизнь – попирались. Вот почему в советских гостиницах одноместных номеров почти не встречалось, в двухместных к тебе подсадили незнакомца, а в пионерлагерях в палате могли разместить сразу двадцать человек, не видя при этом проблемы в отсутствии душевых.

Жизнь в современной России с ее идеологией денег привела к реваншу за унижения. Считается, что заплативший деньги – за билет или за ужин – имеет право на все. Но это не так. Наши права и наш комфорт ограничены правами и комфортом других, если, конечно, других мы считаем равными, то есть сестрами и братьями. Но именно это христианское осознание свободы, равенства и братства и сформировало общественное пространство Европы – ее вылизанные площади, улицы, парки, леса – которыми Европа так отличается от России.

Так что нам приблизиться к Европе очень просто. Для этого не нужно особых шагов. Нужно просто сказать: вокруг меня – братья мои, они мне ровня, я не хочу делать им плохо. И тогда станет ясно, надо ли выключать в поезде телефон и можно ли выбрасывать на дорогу окурок из машины.

ДОГОНИТ ЛИ КИТАЙ АМЕРИКУ?

О перигеях, апогеях, индигенизации и прочих неведомых вещах.

Я веду на канале «Совершенно секретно» ток-шоу. Недавно на запись приходил физик, прекрасный безумец, рассказывавший о новом типе атомных станций, позволяющих вырабатывать гигантскую энергию. Если эти станции, в силу их портативности, поместить на спутник, они станут космическим оружием. Физик эту станцию придумал, но идею зажимают. «Кто зажимает?» – спросил я. «Обама. Вашингтонский обком. Они, – физик поднял палец вверх, – там договорились».

Не буду врать: это не первый встреченный мною человек, верящий в то, что миром правит Америка. Люди, которые так считают, почти всегда прибавляют, что Америке скоро конец, что будущее принадлежит Китаю, и что если Россия хочет уцелеть, нам нужно копировать китайский опыт (этот тоже прибавлял).

То, что эти люди говорят, отражает не столько их личное безумие, сколько мировой процесс, называемый индигенизацией. Суть индигенизации в том, что отстающая страна, устраивая модернизацию экономики по западному образцу и добиваясь впечатляющих результатов, приписывает свой прорыв не западным технологиям, а собственным вековым традициям и особенностям. Сейчас мы говорим о китайском чуде и необходимости копировать китайский опыт – но еще двадцать лет назад точно так же говорили о японском чуде и о молодых азиатских драконах. И призывали копировать пожизненный найм или распевание гимна компании в начале рабочего дня. А век назад самый фантастический рост показала Аргентина, и это было latinoамериканское чудо, а потом всех потряс темпами индустриализации Советский Союз.

После краха Советского Союза, когда мир перестал быть биполярным, а стал полицивилизационным, мы наблюдаем в разных цивилизациях один и тот же процесс: попытку модернизации без вестернизации. У нас, кстати, он тоже вовсю идет: мы за потребление, как на Западе, но без защиты прав слабых, как на Западе, и против равенства перед законом, как на Западе.

По сути, модернизация без вестернизации – это очень интересный гигантской эксперимент, когда технологии, рожденные одной цивилизацией, механически переносятся в другую без сопутствующих ценностей. Что в итоге получается? Нередко – «мерседес» посреди бездорожья.

Так что я обождал бы говорить о скором крахе Америки или закате Европы. Куда вероятнее, что Китай исчерпает резервы роста, а подавление личности в пользу государства создаст непреодолимые преграды для развития. И тогда «мерседес» в очередной яме просто-напросто угробит себе подвеску.

2011

ОШИБКА ФУКУЯМЫ

Недавно я перечитал две книги, полтора десятка лет назад вызвавшие бурнейшие дискуссии в Америке и Европе. Немудрено: обе касаются карты будущего, и оба автора мыслят парадигматически, то есть концептуально.

Парадигматический тип мышления крайне важен. Все главные книги по естественным и общественным наукам, создаваемые в рамках западной цивилизации, описывают сегодня не процессы, а именно парадигмы.

Первая книга называется «Конец истории», и написана 1992-м году американцем Фрэнсисом Фукуямой. Вторая называется «Столкновение цивилизаций», и написана в 1996-м году американцем Самюэлем Хантингтоном. И хотя их выход разделяет пренебрежимо малое историческое время, сегодня видно, что они принадлежат разным эпохам.

Парадигма Фукуямы в том, что универсальная цивилизация Запада, решив все принципиальные внутренние противоречия, доказала всему миру свое превосходство, и мир будет теперь обречен следовать ее путем, что доказывают развал СССР и капиталистические преобразования в Китае.

Парадигма Хантингтона в том, что мир, основанный на борьбе коммунизма с капитализмом, заменяется полицивилизационным миром, и что для каждой из примерно восьми цивилизаций культура станет главным цементирующим фактором. И что с этой точки зрения, например, православная Россия не есть католическая Европа, и в обозримом будущем Россия не пойдет по европейскому пути, какими бы иллюзиями кто себя не тешил.

Удивительная вещь – парадигма. Благодаря ей хорошо видно, как далеко смотрел вперед Хантингтон и как был слеп Фукуяма. Последний, например, издевался над предположением колумниста «Вашингтон Пост» Чарльза Краутэммера, что если в результате горбачевских реформ СССР откажется от марксистско-ленинской идеологии, то произойдет его возвращение к политике Российской империи прошлого века, вплоть до конфликтов между Россией и Великобританией. Если бы он знал, что Россия совсем скоро окажется единственной страной континента, запретившей у себя деятельность Британского Совета! Если б он знал, что самой сладкой идеей, засевшей в головы россиян XXI века – будет русская имперская идея!

Словом, парадигма – очень удобная вещь, позволяющая быстро понять ошибку, исправить ее или даже вовсе отказаться от негодной концепции. А парадигматическое мышление, заменившее описание процессов описанием концепций – чрезвычайно практичное мышление.

Неплохо бы и нам, пусть и являясь отдельной цивилизацией, начать мыслить по-европейски, то есть концептуально.

И для начала даже не перечитать, а просто прочитать Хантингтона с Фукуямой.

2011

ПРИНУЖДЕНИЕ К СЧАСТЬЮ

Самая прогрессивная технологическая система, будучи замкнутой, подчинится второму закону термодинамики, испытает на себе действие энтропии и проиграет открытой системе.

Я только что вернулся из командировки в Польшу. Там были встречи на радиостанциях в Гданьске, Варшаве, Ольштыне. И вернулся я в совершеннейшем шоке.

Дело в том, что Польша – член Евросоюза, а весь Евросоюз переходит на цифровое радиовещание. FM-диапазон попросту перестанет существовать. Означает это следующее: если через два года вы поедете в Европу на своем автомобиле, то ваш радиоприемник будет передавать тишину. Если вы, конечно, не озаботитесь покупкой цифрового радио.

Не буду вдаваться в технологическую разницу между «цифрой» и аналоговым вещанием, – скажу лишь, что цифровое вещание технологичнее, удобнее и дешевле. Первые цифровые приемники я держал в руках в Лондоне еще 10 лет назад. Однако уже тогда в Великобритании обозначилась проблема: никто технологичные аппараты не хотел покупать. Во-первых, новые приемники были дорогими. Во-вторых, всех устраивали старые. Вот и польские коллеги признали: цифровые устройства не берут, правительство решает вопрос о дотировании покупки...

Я бы привел эту историю как пример консерватизма общества, которое нередко противится прогрессивным переменам (вспомним историю картофеля в России!), однако, боюсь, этот пример говорит о другом. Цифровое вещание насильственно вводится в эпоху, когда радио безо всякого принуждения перепрыгивает в цифровой формат в интернете. В айфоне, например, вообще нет FM-приемника: бесплатная программа iTunes позволяет принимать тысячи радиостанций по собственному выбору! И это радио всегда с тобой в кармане.

В чем интерес общества? В насильственном внедрении цифрового стандарта для десятков попадающих под закон о СМИ радиостанций – или в свободном существовании десятков тысяч интернет-каналов? Ответ очевиден, да и результат, думаю, тоже.

В 1980-х во Франции в каждом доме была установлена платная система «Минитель» – миникомпьютер, позволяющий заказывать билеты или узнавать погоду. И это мгновенно вывело Францию в мировые лидеры по информатизации. А потом отбросило назад, потому что «Минитель» не совмещалась с интернетом и проигрывала ему по числу сервисов и услуг. И эта одна из причин, почему сегодня Франция проигрывает в информационном развитии, скажем, Америке. Закрытые системы проигрывают открытым. Насильственное проигрывает добровольному.

Если поедете через пару лет в Европу на машине, не забудьте взять с собой коммуникатор и записать на флэшку побольше музыки.

2012